Паата Амонашвили

Любовь Адама

Издательский Дом Амонашвили

© Паата Амонашвили
© Издательский Дом Амонашвили 2023

В этой книге, написанной в жанре духовной фантастики, в очень увлекательной форме рассказана история героя, который через сложный путь исследования своего внутреннего мира приходит к мысли, что все идеи небесного происхождения, реальность творится силой любви.

Небеса – первоисточник всех идей, которые воплощаются через Небесную любовь – через это озарение герой понимает, что крепкая воля в правой руке, чистая забота в сердце и небесная любовь в душе – путь к спасению.

© Авторская верстка

Редактор Виктория Балабина

Художественное оформление –
Паата Амонашвили и Тамрико Схвитаридзе с помощью
«Midjourney Bot».

В оформлении обложки использованы
фотоматериалы из архива театра
«Третий Этаж» (Калининград).

На эту книгу меня вдохновила

любовь к Тамрико!

Песок морей и капли дождя и дни вечности

кто исчислит...

Библия

📖

Ступай, чудак, про гений свой трубя!

Что б стало с важностью твоей бахвальской,

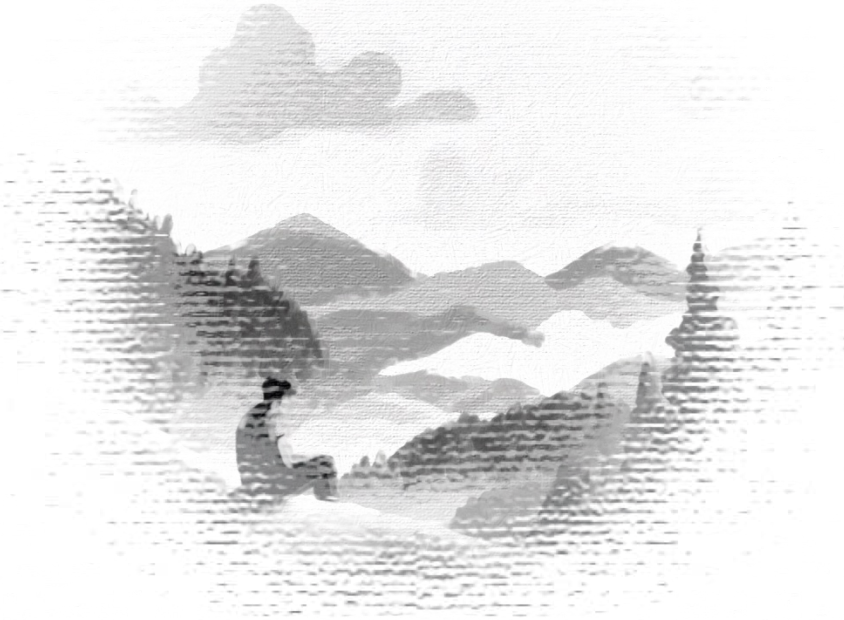
Когда б ты знал: нет мысли мало-мальской,

Которой бы не знали до тебя!

И.В.Гете

Книга Тупика:

Тишиглушь

1. СТРЕМЛЕНИЕ ВОД

Да не увлечет меня стремление вод,
да не поглотит меня пучина.

Питирим Гуськин сказал:

– Я напишу сумасшедший роман о любви. В нем будут неуместные поэтические вставки, похожие на мини-поэмы. В него я включу комедию в древнегреческом стиле, тоже совсем некстати. Его я разбавлю сумасшедшим философствованием о современной физике. И сделаю совершенно безумную концовку. Кстати, ее я уже написал: «Чудом исцелившиеся за ночь смертельно больные бежали по парковке центральной лечебницы в сторону причудливой машины. С ними был мальчик из ниоткуда, а за ними тащился хромой карлик и кричал: «Наконец я познал счастье!»

Этот бред выслушивал университетский друг Питирима, потомственный издатель, Боргес Гутенберг.

Они стояли на веранде ресторана в то время,

как в зале, под ритмы оглушительной музыки, их товарищи обливали шампанским дипломы, празднуя завершение филфака.

Питирим был одет по-бедному, тогда как Боргес всегда отличался элегантным нарядом, экстравагантно обустраивал пространство вокруг себя и в душе был свободным художником.

Поразмыслив, Боргес ответил:

– Мой френд, твой прожект впечатляет. Теперь тебе надо трудиться и трудиться...

Питирим сказал с некоторой грустью в голосе:

– Тебе хорошо, у твоей семьи очень успешное книгоиздательство, вы богаты, отец готовит тебя в свои преемники… Жизнь у тебя уже сложилась. А я сирота из детдома. Скоро мне освобождать комнату в студенческом общежитии, и теперь моя главная забота – обеспечить пропитание. Надо было поступать на финансовый менеджмент, научился бы зарабатывать.

Боргес ответил:

– Не прибедняйся. У тебя есть природный дар! Я не могу даже мечтать о таком… Твои сочинения выделялись на студенческих литературных конкурсах. Преподаватели признавали твою гениаль-

ность в литературе. Но тебе мешает лень… Мы дружим уже пять лет, и я смотрю, как ты гоняешься за каждой юбкой, ищешь легкого времяпрепровождения и выпивки, праздно тратишь драгоценное время… Я помню, на первом курсе ты купил себе зеленый блокнот в твердой обложке для гениальных литературных идей, но блокнот пуст и, кажется, ты его даже не раскрывал.

Питирим возразил:

– Я не ленив, и блокнот не пуст! Я написал финал! Ты только что его прослушал… Просто я ищу и жду вдохновение!

– Вдохновение приходит в процессе ремесла, а ты не работаешь. У тебя прекрасный слог, ты выдаешь головокружительные сюжеты… Но не хватает усидчивости. Пиши ежедневно и не зарывай свой талант в землю. Тогда, я верю, ты станешь автором многих бестселлеров… Что касается меня, то... Я не хочу жить за счет родителей и купаться в отцовской славе. Я сам должен преуспеть… Давай сделаем так: ты напишешь бестселлер, а я сделаю экстравагантное издание. Тогда и я прославлюсь вместе с тобой!

Питирим пожал плечами:

– Я начну писать, когда найду крышу над головой и хоть какой-то заработок. Может, найду место репортера в какой-нибудь газете и буду строчить за деньги, чтобы платить за жилье и еду.

Боргес задумался на время и сказал:

– Думаю, я мог бы тебе помочь. Попрошу отца взять тебя редактором. Ты ему нравишься. Ну, как? Попробуем?

Питирим сомневался:

– Нет, не думаю… Не смогу читать и править чужие произведения, когда мне хочется писать свое.

Боргес ответил:

– Где-то я с тобой согласен… Тогда тебе нужна легкая работа в сельской газете с тройным окладом, красивый пейзаж для вдохновения и много свободного времени, чтобы писать свою книгу.

– Да, это идеал!

– Недавно у нас гостил друг отца со странным именем – Энграф Листьев. Он живет в какой-то отдаленной деревне. Там он нашел процветающее сельхозпредприятие и уговорил владельца спонсировать местную газету. Теперь он ищет талантливого молодого человека для редакционной ра-

боты. Высокая зарплата, бесплатная натуральная еда, деревенская тишина для вдохновения и чистый воздух. Что скажешь?

Питирим посмотрел на Боргеса с сомнением:

– То есть я буду расслабляться в какой-то сельской газете, и за это мне будут хорошо платить?

Боргес достал из кармана мобильный, за несколько секунд набрал сообщение отцу и сказал:

– Дождемся ответа. Хочу тебе помочь как другу, но у меня есть и свой интерес. Очень жду твою гениальную книгу, чтобы красиво ее издать. Тогда мы прославимся вместе. Вот отец пишет: «Хорошая идея. Уже говорил с Энграфом. Пусть Питирим звонит ему немедленно. Отправляю номер». Как все круто развивается. Бери телефон.

Питирим набрал, и ему ответил веселый голос с хрипотцой:

– Энграф Листьев. Кого могу сделать счастливым?

Питирим немного растерялся, но назвал себя и добавил:

– Я друг Боргеса Гутенберга…

– Ого! Питирим! Мой партнер! Уже жду тебя! Выезжай с утра.

Питирим растерялся:

– Благодарю, но…

– Никаких «но»! Ты здесь нужнее нужного! Мы поладим!

– А какие условия?

– Удовлетворим любые! Уютный дом и высокая зарплата даже не в счет. Главное – ты будешь счастлив!

– Как же называется ваша деревня?

– Тишиглушь. Ехать из Большого Города всего пять часов. Все, отключаюсь, остальное – при встрече...

Боргес поднял бокал и сказал:

– За наше светлое будущее! Пусть твоя гениальная книга и мое издательское чутье перевернут мировоззрение поколений!

2. ПРОЛОГ

Облачный амфитеатр где-то в Поднебесье. Зрители ожидают начало комедии. На сцене Платон, отец наук. Он с вдохновением смотрит куда-то в Небо. В глубине сцены женский хор предводительницы.

Предводительница Хора

Нам строение вселенной
Никогда не разгадать.
Кто способен и достоин
О любви нам рассказать?
Где находится источник
Чистой, огненной любви?
Где мудрец, святой угодник,
Что наш разум озарит?

Хор

Скрыты в древности далекой
Струны жизни, тайны сердца,
Нам Платон приоткрывает
Правду в мифах и легендах,

Пожелал мудрец великий
Про любовь нам все поведать,
Замолкаем и внимаем
Высшим, огненным заветам.

Платон

Душа моя созерцает Занебесье – мир идей Единого Всевышнего. Душа моя созерцает Занебесье, и я познаю любовь! Душа моя созерцает Занебесье, и я читаю там Книгу Вечности. О! Меня посещают великие откровения. Люди! Я хочу делиться с вами. Хочу, чтобы вы тоже почувствовали любовь – вечное стремление к вечному. Но не поддаются откровения человеческой речи. Так трудно уложить беспредельность в предложения. Молю Аполлона помочь мне в столь многотрудном деле.

На сцену выходит Аристофан, отец комедии.

Аристофан

О! Платон, великий мечтатель! Рад, что встретил тебя!

Платон

Отрывается от созерцания Неба.

Тебе я тоже рад, шутник Аристофан! Вижу, ты красавцем принарядился.

Аристофан

Я приглашен на ужин к Агафону! Иду к красавцу и обязан выглядеть красавцем. Но вместе с тем пустой желудок меня торопит. Ну, а ты, Платон, не хочешь ли пойти на пир со мной? Идем скорей!

Платон

Аристофан, смягчи свой пыл. Хлеб, и напитки, и приправы не будут значимее знаний и истинного совершенства.

Аристофан

Науке посвящай весь день, а вечер отведи для пира!

Платон

Давай сперва вскормим душу, а после обратимся мы к желудку. Оглянись, зов души привел ко мне тридцать тысяч человек.

Аристофан

Оглядывается, видит зрителей.

О, я смущен… Как такого не заметил?! Мы на сцене, а в амфитеатре аншлаг! Мы будем здесь комедию играть?

Платон

Народ пришел не ради праздного увеселения. Они хотят узнать, откуда, как и почему среди людей возникло то, что нам известно как любовь. А я хотел бы эту тайну всем открыть, хоть это слишком многотрудно.

Аристофан

Ого-го-го! Любовь возникла, говоришь? Не верю я тому, что было время, когда люди жили без любви.

Платон

Когда-то было время, когда самого времени не было.

Аристофан

Удивлен.

Ну, ты, Платон, мастер запутывать. А что же было, когда времени не было?

Платон

Был один лишь Единый Всевышний, и он дремал, погруженный Сам в Себя в течение вечности.

Аристофан

Ну, а потом?

Платон

Внезапно настал миг пробуждения. Единый Всевышний открыл глаз, и в Его взоре проявился первозданный духовный мир, который мы теперь называем Занебесьем. Там мир наш зародился Единому Всевышнему благодаря. Душа оттуда родом, и там весь Космос был замыслен. Оттуда к нам стекаются все мысли и идеи, и любовь оттуда снизошла. Но начиналось все иначе… Аристофан, ты друг мне, хоть породнился ты с желудком, но буду рад, если со мной поищешь мудрость, и обещаю я прилюдно, если дослушаешь меня, пойду с тобой на ужин к Агафону.

Аристофан

В твой разум, дорогой Платон, природа заложила к мудрости любовь. И это у вас взаимно – ты любишь мудрость, она же влюблена в тебя. Ты разбудил познание во мне, оно сильнее голода теперь. Вот потому послушаю я речь твою, и сам во всем я разберусь. Так начинай же, друг Платон, свой философский разговор и просвети мой ум скорей.

Платон

Единый Всевышний блаженствовал в Занебесьи целую вечность, пока не сотворил Небесную Твердь, называемую нами просто Небом. На Небе он поставил правителем Мастера и дал ему Книгу Вечности, по которой можно творить. Также он ниспослал Мастеру Эрота – невидимую, тайную силу любовного тяготения всего ко всему. Тогда пробудилось в Мастере неистовое желание созидать, и он сотворил себе помощников – рой бессмертных богов.

Аристофан

А не могло быть все как-то по-другому?

Платон

Слушай истину, открывшуюся мне!
Бессмертные боги поднимались в своих золотых колесницах на вершину Неба и долго всматривались в Занебесный мир чистых идей.
Наконец, решили по подобию Занебесья соорудить Поднебесье.

Аристофан

А где была тогда Земля? Та, на которой мы живем теперь?

Платон

Земля была еще пуста и пылала в вулканическом огне.

Аристофан

Ну, будь по-твоему, Платон, что дальше?

Платон

Однажды во время божественного пира

бессмертные боги решили сотворить человека. Они выделили первородное адамическое семя и засеяли все Поднебесье. Семя упало на плодородную почву, и из этого семени родились очень и очень необычные люди.

Аристофан

Не мы?

Платон

Нет, наши предки.

Аристофан

Чем же они отличались от нас?

Платон

Очень многим. Но главнее всего то, что они не имели пола.

Аристофан

Не было мужчин и женщин?

Платон

Каждый из них сочетал в себе качества обоих. Ведь бессмертные боги сами свободны от всех односторонностей. Они полноценны и дали начало себеподобным существам, людям

бесполым и совершенно круглым, как шар.

Аристофан

Как шар?

Платон

Или как сфера, если хочешь. Размером они были в пять раз больше нашего, однако весили в пять раз легче, чем весим мы теперь.

Предводительница Хора

Поет.

Было время до потопов,
До животных, до планет,
Жил народ весьма чудесный.
Никакой здесь сказки нет!
Тело странное имели,
С шаром можно их сравнить.
Спереди лицо и сзади,
Не было у них спины.

Хор

Поют.

Наш предок, кругленький, как шар,
Был в пять раз больше нас, поверь.
Однако легче был в пять раз,

Чем самый легкий из людей.
На круглой шее у него
Располагались с двух сторон
Красивых, чистых два лица...
Двуликим назывался он.

Платон

Вообрази, Аристофан, один лик был на одной стороне шарообразного тела, а другой – на противоположной, и один никогда не видел второго.

Аристофан

Вот ты меня рассмешил, Платон! Если одно лицо твоего архаичного предка смотрело на восток, то другое непременно смотрело бы на запад?

Платон

Да.

Аристофан

А если одно лицо наслаждалось красотой звезд, лежа на лужайке, то другое упиралось бы в траву?

Платон

Именно!

Аристофан

Как же насчет мыслей, чувств и мировоззрения? Могло ли лицо, смотрящее на восток, радоваться восходу, а лицо, обращенное на запад, грустить оттого, что не видит солнца?

Платон

Такого быть не могло, потому что голова-то у них была общая. Зато она была у них намного больше нашего, так что размышляли наши предки и чувствовали гораздо глубже, чем мы можем размышлять и чувствовать теперь. Однако два лика все-таки отличались. Один лик был скорее мыслящим, а второй – скорее чувствующим. Так что этот чудесный богоподобный получеловек имел две стороны – лико-мыслие и лико-чувствие.

Аристофан

Ха! Ха! Ха! Ну, ты даешь, Платон! Еле удерживаю свое огромное пустое пузо! Оно трясется от смеха. Лико-мыслие и лико-

чувствие… Вот какие пошли у тебя обороты речи. Значит ли это, что они говорили одним своим ликом со вторым своим же… Ха! Ха! Ха! Лико-мыслие сказало лико-чувствию… Аполлоном клянусь, забавно!

Платон

Ты прав, Аристофан, лико-мыслие вступало в диалог с лико-чувствием. Это очень похоже на то, как ты иногда говоришь сам с собой, и твоя логика начинает спорить с твоими же чувствами.

Аристофан

Со мной так постоянно!

Платон

А у некоторых из нас логика бывает сильнее чувств. Так и у тех людей: один лик был всегда больше и сильнее другого. Это указывало на природу конкретного двуликого индивида. Сильные лико-мыслием становились управляющими или исследователями. Сильные же лико-чувствием становились художниками, поэтами или прорицателями. Кроме того, наш

предок имел по две пары ног, по две пары рук и мог передвигаться двояко. Либо он ходил так же, как мы теперь, но любой из двух сторон вперед, либо шел колесом, когда торопился. Он перекатывался на восьми конечностях намного быстрее, нежели мы можем бежать теперь.

Аристофан

А жили они дольше нашего?

Платон

Они были практически бессмертными.

Аристофан

Храни меня Аполлон! Как такое возможно?! Никогда не умирали?!

Платон

Умирали лишь по своей воле.

Аристофан

Кто же захочет умереть по своей воле?

Платон

Если быть уверенным, что после смерти отходишь блаженствовать на Небеса к бессмертным богам, к своим отцам, то,

пресытившись бренной жизнью, почему не желать восхождения духа?

Аристофан

Да, с этим нельзя не согласиться. Однако постой, ты говорил, что они не знали любви?

Платон

Да, бессмертные боги забыли дать им любовь. Великий гений Эрот остался на Небе. Поэтому двуликих не покидала тоска, и они не могли понять причину своего вечного уныния.

Аристофан

Я им сочувствую... Жизнь без любви, как вечер без ужина. А как же они размножались?

Платон

В начале – никак. Сколько родилось от божественного семени, столько и бродило по Поднебесью. Но однажды один из двуликих решил развлечь себя и ради смеха стал произвольно раздуваться, как пузырь. Раздувшись до предела, он внезапно выделил из себя маленького двуликого. Шарообразный человечек отскочил от большого шара,

подпрыгнул, начал ходить туда-сюда, а потом и вовсе побежал колесом. После этого многие двуликие начали забавляться деторождением и вскоре размножились, основали свою страну Энанию и избрали себе предводителя по имени Перифакс. Он хотел решить проблему тоски и за этим часто ходил в прорицальню к мудрому оракулу по имени Тоастерий. Мудрец слушал шелест дубовых листьев и каждый раз заключал: «Скоро среди нас родится герой. Он избавит Энанию от хандры».

Аристофан

Люблю рассказы о героях!

Платон

Я не просто расскажу, Аристофан, но покажу тебе его образ, который я сам слепил из своих грез, используя облака как материал. Смотри же внимательно… Перед тобой выступает двуликий герой.

3. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Сотворивший вначале

мужчину и женщину сотворил их.

Автобус остановился в поле, недалеко от хижин.

Водитель громко объявил:

– Добро пожаловать в абсолютный тупик, дальше только непроходимое болото.

Питирим вышел.

Его одолевало сомнение. Он даже подумал запрыгнуть обратно в автобус и вернуться в Большой Город, но вспомнил, что там ему негде даже ночевать, и остался.

Мальчишки, гонявшие самодельное колесо на палке, с криком пустились за автобусом, но, не догнав, вернулись к своему колесу, а мимо Питирима прошла растерянная курица.

Вдалеке лениво паслась корова.

Внезапно застывшая картина ожила, из ниотку-

да выехал старый внедорожник. Он мчался, оставляя шлейф выхлопного газа, резко затормозил прямо перед Питиримом и обдал его пылью. Из машины выскочил низкий, кривой и немного хромой человек. Он кинулся обнимать Питирима:

– Вот и мой партнер. Смелее смелого! Горжусь и горжусь! Не узнал меня? Я Энграф! Тишиглушь ждет тебя! Устал с дороги? Едем сначала в твою новую райскую обитель, где тебя ждет счастье за дверью, а потом – сразу ко мне: устраиваю пир! Будешь гостем у меня! Садись, смельчак! Вперед к приключениям...

Питирим даже не успел вставить слово. Мгновение спустя они уже ехали. Но недолго. За две минуты машина домчалась до порога недавно выстроенного одноэтажного особняка с красивым, но еще не обжитым двориком.

Энграф продолжал говорить без остановки:

– Вот твоя берлога, будешь поджимать здесь хвост, когда я тебе надоем. Дворец не дворец, но виды красивее красивого. Посмотришь на долину и счастлив! За домом еще один двор, где можно насадить фруктовый сад... Разве не рай?

Питирим осмотрелся и ответил:

– Какой смысл высаживать сад? Я не собираюсь жить здесь до конца своих дней.

– Как скажешь... А дом-то нравится?

Питирим кивнул:

– Хороший дом. Временно поживу.

Энграф вздохнул с облегчением:

– Вот теперь я спокойнее спокойного. Ну, бросаем чемодан и ко мне! Гости заждались. Ох, как все хотят увидеть тебя! Ты ведь наш гениальный писатель!

До дома Энграфа они ехали одну минуту.

У накрытого стола их ждали двое.

Энграф представил их.

– Шприц, наш сельский врач и мой друг детства. Только ты не думай, что это прозвище, Шприц – его настоящая фамилия. Имени никто не помнит. Все его так и зовут. А это исполнительный директор молочного комбината – господин Крис Коровьев. Они пришли засвидетельствовать свое почтение. Господа, любите и жалуйте, с нами великий писатель Питирим Гуськин. Я еще не оправился от шока… Не верил ушам, когда Вася Гутенберг сказал, что Питирим согласен приехать к нам. Но теперь наша мечта стала реальностью, и

в моей «Тишиглушинской Заре» будет работать светило мировой литературы!.. Ну, теперь садитесь за мой холостяцкий стол! Я живу один. Родители умерли, сестра пятый год учится в Большом Городе...

За ужином говорили о разном.

Директор молочного комбината Крис Коровьев рассказал о том, как процветает Тишиглушь после того, как здесь появился благодетель – бизнесмен и филантроп Златан Золотов. Он купил старый молочный комбинат, возродил, переоборудовал и создал новые рабочие места.

– Теперь тишиглушинская ряженка экспортируется в пятьдесят стран мира! – хвалился Крис.

Энграф добавил:

– И вся Тишиглушь живет счастливее! Особенно после того, как мы начали издавать «Тишиглушинскую Зарю». Господин Золотов выделил щедрое финансирование на газету.

Шприц подтвердил:

– Все правда. Господин Золотов построил нам современную поликлинику. Он сам здесь еще не бывал, но мы чувствуем его добрую руку.

Дальше Шприц и Коровьев расспрашивали

Питирима о Большом Городе, о его студенческой жизни, о его планах на будущее и не верили, что он пока еще не издал свою великую книгу.

Разошлись поздно.

Вернувшись в свой новый дом, Питирим распаковал чемодан, разложил письменные принадлежности на рабочем столе в кабинете и на видном месте поставил зеленый блокнот в твердом переплете. Тот самый, в котором он намеревался делать заметки для своего уникального романа, и где пока была записана только сумасшедшая концовка.

Затем он вышел во двор, посмотрел на небо, где звезды сияли непривычно ярко, и подумал, что вдохновение здесь должно бить ключом.

Утром за ним заехал Энграф.

На углу улицы мальчики снова гоняли колесо, недалеко опять паслась корова, а под ногами по-прежнему мешалась растерянная курица.

До редакции они ехали целых три минуты.

Энграф остановился перед сельским клубом.

– Господин Златан Золотов отремонтировал нам это здание и выделил для редакции две прекрасные комнаты.

Питирим не понял, на что вторая комната, если вся редакция состояла из двух сотрудников, которые прекрасно помещались в одной?

Энграф усадил Питирима и ввел в курс дела:

– Ты уже знаешь, что «Тишиглушинскую Зарю» учредил Златан Золотов. Газета сама по себе ему, конечно, не нужна. Он хочет быть полезным для села. А я убедил его, что газетой можно сделать сельчан счастливее! Он поверил, и теперь газета выходит раз в неделю тиражом в тысячу экземпляров. Все жители получают ее бесплатно. Они счастливы, потому что читают в газете анекдоты и смеются. А смех способствует пищеварению. Кроме того, газета выполняет санитарно-гигиеническую функцию. Ты понимаешь, о чем я... Так что у нас все лучше наилучшего. Задача редакции – готовить материалы для еженедельного номера. Ты мог бы вести культуру и общество, а я бы собирал анекдоты. Можно и наоборот. В общем работы мало, а зарплаты много. Еще бесплатная крыша над головой и вкуснейшая ряженка. Уверен, ты здесь будешь счастлив и быстро допишешь свою книгу гениальнее гениальной!

Питирим ответил:

– Согласен. Мне кажется, что звезды будут вдохновлять. Хочу писать каждый вечер. Но в остальном быть счастливым здесь невозможно. Как вы здесь развлекаетесь?

Энграф ответил с широкой улыбкой:

– Рыбалка, грибы...

Две недели спустя Питирим уже думал, что все очень плохо.

Он пожаловался Боргесу:

– Это не газета, а туалетная бумага с анекдотами.

Боргес спросил:

– Платят хорошо?

– Да, но...

– А свободное время есть?

– Много, но...

– Так пиши!

– Не могу...

– Почему?

– Созерцание полей и леса не увлекает. Звездное небо отказывается вдохновлять. Рыбалка и сбор грибов вгоняют меня в жуткое уныние. Особенно удручает вид Тишиглушинского болота, которое лежит прямо за полем. Энграф говорит, его

невозможно преодолеть. Это реально тупик жизни.

Боргес спросил:

– Ты хотя бы пытался открыть свою зеленую тетрадь?

– Да! И немедленно начинаю тосковать по городской веселой жизни. Я весь на нервах, раздражаюсь, злюсь без повода. Я только о том и думаю, чтобы быстрее свалить отсюда.

Боргес ответил:

– Мой френд, не переживай. Если все так ужасно, возвращайся в Большой Город. Что-нибудь придумаем. Главное, начни писать!

– Здесь это не получается.

Боргес помолчал и сказал:

– Поговори с Энграфом. Он не будет держать тебя против воли.

Как только Питириму выдали первую зарплату, он объявил Энграфу, что не будет здесь счастлив никогда и завтра же намерен уехать из Тишиглуши.

Для Энграфа новость оказалась тяжелым ударом. Он долго упрашивал Питирима, предлагал половину своей зарплаты и двойные гонорары,

обещал поговорить с Золотовым, чтобы он выстроил Питириму двухэтажный дом, но Питирим не соблазнялся:

– Извини, Энграф, Тишиглушь не мой мир! Видимо, литература не мой мир. Мне надо было поступить на финансы. Там бы я научился зарабатывать. Надеюсь, еще успею это исправить. Вернусь в Большой Город и буду учиться бизнесу. Может, когда-нибудь вернусь в роли второго Золотова.

Энграф был в отчаянии:

– Ну, что делать. Я хочу видеть тебя счастливым, и если в городе ты будешь счастливее счастливого, то тебе надо уехать... Только без ужина я тебя не отпущу. Сегодня накрываю прощальный стол!

У Энграфа собрались все те же. Шприц и Коровьев искренне сожалели о том, что не смогли очаровать Питирима.

Энграф пригласил всех к столу, а Питирим удивился, что на этот раз стол был накрыт совсем не по-холостяцки, а аккуратно и со вкусом.

Как только гости сели за стол, Энграф громко сказал:

– Ангелина, мы готовы для твоих блинов…

Питирим удивился:

– Кто там на кухне?

Энграф ответил:

– Приехала моя младшая сестричка. Приготовила блины – пальчики оближешь.

В ту же секунду открылась дверь, и из кухни вышла...

Питирима залило каким-то внутренним светом.

Он не смог даже ахнуть.

Перед ним сияла небесная, ангельская, ослепляющая красота.

Сестричка Энграфа была полной противоположностью низкого, кривого и хромого брата.

Стройная, красивая, она источала радость, счастье и тепло...

При ней Питирим потерял адекватное мировосприятие.

Чтобы как-то оправиться, залпом осушил рюмку.

Стало хуже...

Шприц проверял пульс, подсовывал пилюли, но когда Ангелина присела рядом, ее очарование совсем затмило сознание Питирима.

До него доходили обрывки фраз, из которых он понял, что Ангелина безумно любит детей и хочет быть учительницей.

Ее уговаривал Крис Коровьев:

– Так оставайтесь! У нас новая и красивая школа, которую построил для села господин Златан Золотов. Там нужны такие учителя, как вы!

Потом Питирим всю ночь сидел перед своим зеленым блокнотом. Он чувствовал, что ему надо высказаться, но пальцы не подчинялись, и он признался себе:

– Во мне вспыхнуло невидимое притяжение к Ангелине.

Тогда вместо чемодана он стал укладывать слова любви, которые с утра выскажет Ангелине.

Как только рассвело, он направился в дом Энграфа.

Дверь открыла Ангелина, и тут же на крыльце, даже не поздоровавшись, он сделал ей предложение.

Она ничего не ответила, а только заплакала.

Вышел Энграф и поразился происходящему.

Питирим терзался, маялся, умолял...

Наконец Ангелина ответила:

– Я могу ответить только через полгода. Нам надо лучше узнать друг друга.

Мудрая женщина!

Питирим был рад! Уезжать он уже не думал, потому что Тишиглушь превратилась в рай. Мальчики, гоняющие колесо, стали боле интереснее, курица казалась ему красивее, а корова вызывала желание созерцать свой внутренний мир.

Тем временем Ангелина устроилась в тишиглушинскую школу.

Энграф трепетал, когда видел, как они часами гуляли по полям и вдоль болота, и говорил Шприцу:

– А ты говорил, счастья нет... Вот же оно! Наконец поселилось среди нас!

Во время этих многочисленных прогулок Питирим рассказывал Ангелине о своей мечте написать гениальную книгу, которую с нетерпением ждет издатель Боргес.

– Как только появилась ты, я свою книгу первый раз почувствовал. И с каждым днем ты меня вдохновляешь все больше.

Ангелина же призналась ему, что с детства чувствует стремление создать семью и родить гени-

ального ребенка, настоящего творца, который будет создавать прекрасные произведения.

– Не важно, будет ли он рисовать, или писать, или лепить, или познавать. Главное, я чувствую, что он будет гением. И это будет мальчик...

Питирим рвался доказывать, что он именно тот, кто мог бы воспитывать гения:

– Зачем же ждать месяцы? Очевидно, что мы прекрасная пара!

В ответ Ангелина усмиряла пыл Питирима и отвечала, что воспитатель гения должен иметь терпение и волю.

А однажды Питирим мечтал вслух о том, что хотел бы пригласить Ангелину в кругосветное путешествие на большом, как город, корабле.

– Там будут настоящие улицы с ресторанами, куда я буду приглашать тебя и сына...

Ангелина скромно улыбалась:

– Зачем дальний путь, когда счастье прямо у ног.

Наконец, минуло полгода, и Питирим пришел к порогу дома на рассвете.

Ангелина, смущаясь, дала согласие.

Питирим ликовал.

Вместе с ним ликовал Энграф и вся деревня!

Молодожены решили пока пожить в Тишиглуши, где у них есть работа и крыша над головой.

На свадьбу приехал Боргес Гутенберг. Он привез Питириму экстравагантный смокинг. Он сам наряжал друга к свадебной церемонии, поздравлял, ободрял и не забывал умолять быстрее закончить сумасшедший роман.

Вместе с Ангелиной в дом Питирима пришел уют и вера.

В одном углу Ангелина разместила свою любимую икону Георгия Победоносца.

На иконе святой герой поражал дракона.

Ангелина подолгу сидела перед иконой и молилась.

Осенью они разбили яблоневый сад на заднем дворике.

Ангелина поставила Питириму письменный стол в саду.

Но вдохновения по-прежнему не было. Книга пока не шла, но он обещал Ангелине:

– Я напишу книгу, посвященную тебе, и ее выдвинут на премию «Платиновый роман года».

Ангелина радовалась:

– Это прекрасно!

Питирим отвечал:

– Моя книга станет лучшей, и тогда мы переедем жить в Большой Город, где я построю дом.

Энграф, породнившись с Питиримом, был рад каждому дню общения с ним и считал его своим братом.

В один весенний день Питирим пришел в редакцию какой-то странный. Он сиял и, одновременно, был растерян.

– Что с тобой? Неужели ты написал начало гениальной книги? – спросил Энграф.

Питирим ответил:

– Нет, лучше этого. Скоро я стану отцом...

Энграф подскочил от счастья и долго тряс Питирима:

– Ура, ура! Сегодня устраиваем торжественный ужин! Я накрываю стол!

Питирим ответил:

– Если у меня будет сын, я назову его Адамом.

4. ВОЛЯ ВОЗВЫШЕНИЯ

Пусть возвысится,

если проявит волю и устремится.

Родился сын, и его назвали Адамом.

Боргес Гутенберг приехал в Тишиглушь второй раз, чтобы стать крестным отцом Адаму. Об этом его просил Питирим.

Была очень красивая церемония крещения в храме.

За этим последовал торжественный ужин.

Сельчане веселились и выслушивали художественные тосты Энграфа.

Боргес с Питиримом вышли поговорить на веранду.

Боргес сказал:

– Мой френд, я искренне рад за тебя! Ты приехал в Тишиглушь на заработки, но нашел здесь ангела, подарившего тебе другого ангела. Ты оказал-

ся редким везунчиком. Очень надеюсь, что Ангелина вдохновит тебя, и ты, наконец, продолжишь писать.

Питирим ответил:

– Я бы очень хотел, но какая-то непонятная и невидимая сила мешает мне работать над книгой.

Боргес сказал:

– Мне знакомо это чувство. Мне тоже мешало что-то до определенного момента.

– Что же это было?

– Последнее время мой отец отходит от дел и передает менеджмент мне. Теперь все вопросы – что издавать, как печатать и где продавать, решаю я. Я стал реально большим боссом. Сложно, конечно, зато есть свобода экспериментировать с новыми авторами, искать новый контент. Меня потянуло на духовную литературу. Прочитал многое и сам занялся поиском себя. Занялся своей духовной жизнью, исследованием спрятанной в нашем теле души. Даже обустроил комнату для медитации в моем новом доме. Приедешь, покажу.

Питирим сказал:

– Я все чаще думаю о переезде в Большой Город.

– Не глупи! Зачем? У тебя же здесь есть все. Любимая жена, теперь сын, чистый воздух, достаток, возможность работать. Чего тебе еще надо для счастья?

– Не хватает какой-то самореализации. Не покидает чувство, что мне надо найти и воплотить что-то важнее жизни. Но еще ничего не нащупал.

– Поверь, что бы ты ни искал в Большом Городе, этого нет. Важнее жизни может быть лишь жизнь вечная. Я же тебе и рассказываю о своей трансформации. Я обратился внутрь себя и стал искать вечность, спрятанную в своей смертной сущности. Не могу сказать, что достиг ощутимых успехов, нужны годы, и я не буду сдаваться. Хочу издавать соответствующие книги, но сильно мешает отдел маркетинга. Мне каждый день твердят, что читатели ищут лишь развлечения, и серьезные книги, требующие работы над собой, плохо продаются.

Питирим кивнул:

– И какой выход?

– Создать такие произведения, которые сотворят чудо!

– Например?

– Примеров нет. Но есть ощущение направления.

– Какое же это направление?

– Написать книги очень захватывающие по содержанию и, одновременно, развивающие по сути.

Питирим спросил после некоторого раздумья:

– Такое возможно?

Боргес ответил:

– Для меня нет, но ты смог бы. У тебя фантастический талант, и ты мог бы выразить то, что другим не под силу. Правда, для этого ты сам должен заняться поиском вечного внутри себя и описывать свой путь. А здесь у тебя прекрасные условия для этого. Я не слышу гул автомобилей и вибрации суеты, от которых в Большом Городе не спрятаться.

Питирим не знал, что ответить, долго молчал и, наконец, сказал с грустью:

– Не могу обещать.

– А ты прилагай усилия...

Питирим кивнул, хоть и сомневался.

Тогда Боргес обнял друга, и они вернулись к праздничному столу, где мужчины продолжали

напиваться, а женщины умилялись маленькому Адаму.

А он купался в теплом океане родительской любви первые годы своей жизни.

Он еще ползал, а в нем уже просматривалось неутомимое стремление первооткрывателя.

Встав на ноги, он с жадностью бросился познавать окружающие вселенные, которые открывались перед ним одна за другой.

Отцовский дом – со сладкими напевами мамы и вкусными запахами – стал первым мирозданием для изучения. В основном здесь царило тепло, однако иногда появлялись страшилки – паук в каком-нибудь углу или жук, постукивающий в стене.

Адам начал ходить, и ему открылся новый мир. Теперь можно было самому исследовать поверхность тумбочки, кровати и выдвижные ящики папиного рабочего стола, таившие в себе такие драгоценности, как ручки, скрепки и печати.

В это же время Адам окунулся во вселенную отцовских волшебных сказок. Этот фантастический мир грез захватывал еще сильнее, чем страшные жучки и паучки.

Адаму было около четырех лет, когда он шарил по полкам и наткнулся на ключ от запретного ящика. Там отец хранил что-то особенно ценное и не позволял Адаму лезть туда. В тот миг никто за ним не следил. Находясь в состоянии исследовательского порыва, Адам набрался смелости и открыл ящик. Там он нашел зеленую записную книжку в твердом переплете и несколько особенных ручек. Посмотрев внутрь, он удивился – буквы занимали лишь половинку одной единственной странички. Вся остальная беспредельность тетрадки пустовала. Адам решил, что это надо поправить. Писать он еще не умел, но каракули выводил аккуратно. Взяв одну из особых ручек, он исписал страницу корявыми символами, пытаясь сделать их похожими на буквы. Закончив с этим важным делом, Адам положил тетрадь обратно, запер ящик и вернул ключ на место.

Адаму было непонятно и обидно, почему отца так сильно разозлила его невинная попытка написать свое первое сочинение в жизни. Отец кричал, ругал, упрекал, и Адаму ничего не осталось, как прикинуться невинной овечкой, которая даже не понимает, о чем тут речь. Спасла мама. Она успо-

коила папу и несильно пожурила Адама. После этого записную книжку уже не запирали. Она всегда лежала на письменном столе. Адам больше не смел прикасаться к ней, но писать ему нравилось. Он продолжал аккуратно выводить каракули везде, где ему разрешали.

Адам рос дальше. Он уже самостоятельно выходил во двор, где открыл вселенную яблоневого сада. Адам немедленно приступил к исследованию тамошних чудес. Узнав от отца, что яблони его ровесники, он долго удивлялся, почему они растут быстрее него? Ответа пока не было.

Кроме деревьев, в саду обитали фантастические существа: муравьи строили мегаполисы в земле, червячки выползали из травы, божьи коровки залетали издалека. Здесь же чирикали воробьи, иногда пели дрозды, и почти всегда были слышны цикады, которых, кстати, невозможно было найти.

Однажды Адам решил найти цикад, чего бы это ему не стоило. Он посчитал, что, возможно, они прячутся под кустом, и полез туда. Откуда он мог знать, что вторгся во владение ос, которым вздумалось построить свои гнезда именно на ветках этого куста? Они напали на Адама и очень

больно покусали. Места укусов немедленно раздулись, покраснели, и родителям пришлось вызывать дядю Шприца, который уколол еще больнее.

После этого исследовательское стремление в Адаме сопровождалось страхом перед опасностью неизведанного.

К семилетнему возрасту Адам обнаружил еще одну таинственную вселенную, намного страшнее ос. Это было непроходимое Тишиглушинское болото, куда его возил дядя Энграф. Там обрывалась сельская дорога, а над болотом всегда стояла непроглядная дымка тумана. Адаму казалось, что болото манило, завораживало и звало.

– Что за болотом? – спросил Адам дядю.

Тот ответил:

– Чудесная горная поляна со сладкими ягодами.

– А что за поляной?

– Высокие горы с непреодолимыми вер-шинами.

– Как туда попасть?

Энграф посмотрел мальчику в глаза и сказал:

– Никак. Даже не думай об этом. Там булькает и хлюпает болотное чудище, похожее на крокоди-

ла. Оно проглотит каждого, кто туда сунется. Нам надо искать счастье здесь, в Тишиглуши, а не там, за болотом…

Адам слушал дядю с большим удивлением. Он пытался представить болотное чудище, но не мог.

– Это правда или сказка? – спросил он. – Кто-нибудь видел чудище?

Дядя отвечал:

– Никто не видел. Но это вполне может быть правдой, потому что это предание.

Болото, и правда, казалось тупиком, но Адам надеялся, что однажды человечество изобретет такую машину, которая сможет проскочить сквозь трясину и которой болотное чудище будет нипочем.

Адам рос дальше, и вместе с ним расширялась вселенная вокруг него.

Он открывал поля, пахнущие землей и травой, куда приходили работать крестьяне, а иногда приезжал трактор. Потом здесь росла пшеница.

За полями Адам обнаружил неизведанное пространство леса с прудом и речкой. Туда они ходили с папой, и Адам не мог оторвать взгляд от водорослей, которые медленно вытягивались, следуя

тихому течению. Здесь дядя Энграф ловил рыб.

А однажды, гуляя с отцом по полям, Адам увидел радугу неописуемой красоты. Ему очень захотелось пробежаться под ней. Почему-то он был уверен, что за радугой начинается волшебный мир. Он побежал. Питирим побежал за ним, но радуга играла с ними в прятки, жмурки и догонялки. Чем ближе они были к ней, тем дальше – она от них, а потом исчезла.

– Куда она убежала? Где она теперь? Когда она вернется?

Эти вопросы Адама остались без ответа, но он верил, что однажды найдет волшебную радугу вновь и пробежит под ней, чтобы увидеть волшебный мир.

Адам рос дальше и каждый год наблюдал за чередованием времен года. Каждую зиму все живое пространство внезапно превращалось в твердый и непробиваемый лед. Тогда жизнь замирала и уходила куда-то во временное небытие, чтобы вновь возродиться весной.

Куда бы они ни шли, каждое путешествие завершалось тем, что они возвращались в свой деревянный дом, где их ждал теплый мамин ужин.

В доме в основном царил лад, но со временем Адам все чаще видел папу раздраженным. Из обрывков бесед он понял, что у папы не получается что-то очень важное. Это было связано с какой-то книгой, которую папа не мог написать в своем зеленом блокноте. Мама старалась ему помочь, но у нее это не получалось, и тогда папа сердился, становился угрюмым и не хотел ни играть, ни читать, а хотел только ссориться.

Однажды Адам слышал, как папа кричал на маму и требовал от нее принять какое-то решение. Позже Адам понял, что папа хотел переехать в Большой Город, заняться там финансами и преуспеть, а мама говорила, что в Тишиглуши лучше, потому что здесь у них дом, уют и тепло.

Адам тоже попросил отца не уезжать, но Питирим не хотел говорить с ним об этом.

После таких ссор родители скоро мирились, и тогда гармония восстанавливалась.

Затем Адам обнаружил вселенную еще более безграничную, чем все другие, которые он знал до того. Мир воображения простирался намного дальше болота, лугов, леса и даже звезд. Рядом с письменным столом отца была книжная полка,

которая возвышалась до потолка. Она была набита уникальными мирами. Питирим любил читать вместе с Адамом, и они улетали вместе с королями и принцами, с гномами и великанами, с пиратами и золотоискателями... По сравнению с другими мирами, вселенная воображения была гибкой и безграничной.

В год, когда яблоневый сад дал первый обильный урожай, Адам стал учеником первого класса, и тогда перед ним появилась вселенная школы. Там дети кричали, ссорились, постоянно что-то требовали и дрались.

Его учительницей была Ангелина, которую все любили.

Быстро выучив грамоту, Адам стал читать самостоятельно. Отец даже прозвал его книгонавтом.

Со временем, как-то само по себе, у Адама появилось желание создавать собственные вселенные.

Ему было лет десять, когда после вечернего чтения Адам спросил отца:

– Трудно написать книгу?

Питирим грустно взглянул на свою зеленую записную книжку, вздохнул и ответил:

– Очень трудно. Почему ты спрашиваешь?

– Я хотел бы написать такое увлекательное произведение, чтобы никто не смог оторваться.

Отец спросил с сомнением:

– О чем ты хочешь писать?

– О сказочных мирах с отважными героями. Ты поможешь?

Питирим почему-то погрустнел и ответил:

– Сынок, тебе еще надо многое увидеть. Чтобы писать, надо набраться опыта. Я надеюсь, мы скоро переедем в Большой Город, где я стану банкиром.

Адам спросил:

– Зачем нам это?

– Мы будем обеспеченными и счастливыми. А однажды мы обязательно совершим кругосветное путешествие на огромном корабле. Он будет, как громадный город, со своими улицами, магазинами и ресторанами. Ты увидишь другие страны и континенты. Ты наберешься опыта, узнаешь жизнь, поймешь, как самому быть обеспеченным. Потом уже делай, что хочешь.

Адам сомневался:

– В мыслях я могу делать, что хочу, уже прямо

сейчас. А мы и здесь счастливы. Зачем куда-то уезжать? Тем более, что ты раньше жил в Большом Городе, но переехал сюда. Это значит, здесь лучше.

Питирим ответил:

– Меня сюда занес случайный ветерок, и я застрял здесь, как перышко в травинках.

Адам засмеялся:

– Хорошо, что ветерок подул именно сюда. Иначе я бы остался без отца. Так как насчет книги? Поможешь?

Питирим помогать не хотел и сказал:

– Сынок, наш сельский мир маленький и ограниченный. За ним есть вселенная возможностей. Даже если у тебя обнаружится талант писателя, нужны усилия и везение, чтобы стать известным. Тебе больше подойдет должность директора огромной корпорации и статус миллионера. Посмотри на Златана Золотова. Сначала он заработал огромные деньги, а теперь может позволить себе жить в удовольствие. Он же построил этот дом, где мы живем, и школу, где ты учишься, и редакцию, где я работаю. Если ты будешь, как он, то сможешь все! Тогда берись за перо и пиши на радость.

– Но я не хочу быть миллионером. Я хочу написать книгу.

Питирим махнул рукой:

– Ну, хватит. О больших планах с тобой говорить еще рано. Вернемся к этому, когда подрастешь.

Несмотря на отказ Адам решил пробовать сам и начал сочинять всякие истории, которые никому не показывал.

Наконец, самая удивительная вселенная открылась для Адама через Ангелину.

Мама часто молилась перед иконой, которая стояла в доме на почетном месте.

Однажды, заметив интерес мальчика, она посадила его рядом с собой перед иконой и спросила:

– Хочешь узнать про Георгия Победоносца?

Адам ответил:

– Хочу.

Тогда Ангелина рассказала сыну:

– Георгий был отважным полководцем тысячу семьсот лет назад в Римской империи, где тогда правил император Диоклетиан. Георгий принял христианство. Император любил Георгия, но сам поклонялся Аполлону и ненавидел христиан.

Перед Адамом оживал жестокий древний мир,

где по приказу императора солдаты разрушали христианские храмы и истребляли невинных верующих. Адам прямо почувствовал смелость Георгия, который выступил в защиту христиан, но император потребовал от него принести жертву Аполлону. Святой Георгий отказался, за что его терзали и мучили, но он исцелил себя и совершал чудеса. Адам ощущал небесную любовь, сильную волю и безграничную заботу героя.

Он с удивлением посмотрел на икону и спросил маму:

– Змей на иконе – Диоклетиан?

– Нет, – ответила Ангелина, – это дракон, которого Георгий Победоносец победил в жестокой битве, поразил мощным копьем и спас многих людей от гибели. Теперь Георгий Победоносец защищает нашу семью от темных сил, от несчастья и от болезней.

– Где он теперь?

– С Богом, в небесном раю…

В ту ночь Адам проснулся от страха смерти и увидел перед собой кудрявого рыцаря в величественных доспехах, с очень тонким копьем в руках. Он сидел на красивом коне, который завис в легком прыжке, не касаясь пола.

Адам не мог ошибиться. Это был рыцарь с маминой иконы.

За ним Адам увидел огромный храм и почему-то решил, что это храм Аполлона. Храм разваливался на глазах, идолы падали и разбивались.

Рыцарь сказал спокойно и уверенно:

– Да не погибнет любящий; да спасется заботливый; да будет благословлен имеющий силу воли. Ибо любовь, забота и воля – голос Всевышнего в человеке.

После этих слов тревога немедленно отступила.

Адам почувствовал покой и проснулся.

За окном шелестели листья яблони.

Фреска в алтаре Георгиевской церкви в Старой Ладоге

5. ПОЧЕМУ АНГЕЛЫ УЛЕТАЮТ?

Доброе и худое, жизнь и смерть,

бедность и богатство –

от Господа.

Трагедия случилась, когда Адаму было двенадцать лет. Он ходил в пятый класс. После школы его ждал дома вкусный мамин обед. Затем он садился за письменный стол, открывал школьную тетрадь, но вместо домашних заданий увлеченно читал книгу приключений, улетая в очередную воображаемую вселенную.

Предвестником несчастья стал зимний вечер, который Адам никогда не забудет.

Тогда он зачитался историей о капитане Немо и не заметил, когда вернулись родители. Закончив чтение, он поинтересовался, почему мама не заглянула проведать его, и сам вышел посмотреть, кто дома.

Дверь кухни была приоткрыта, и Адам сразу

понял, что там происходило что-то неладное.

Тихо встав за дверью, он прислушался.

Мама тихо плакала, а отец обнимал и успокаивал ее:

– Это может быть ошибкой. Завтра я все перепроверю.

Мама говорила сквозь слезы:

– Я видела своими глазами. В медицинском заключении стояли страшные слова – последняя стадия рака… Не верю, что это происходит со мной. Но и без заключения понятно: я исхудала, потеряла аппетит, меня не покидают головные боли, и мне все хуже. Неужели я умираю?

Адам ужаснулся и замер.

Тем временем Питирим отвечал маме:

– Не бойся, дорогая. Мы поедем в центральную лечебницу Большого Города, мы найдем лучших врачей, мы победим любую болезнь.

Адам не мог заснуть всю ночь и прислушивался к шорохам. Мама сидела перед иконой Георгия Победоносца и тихо молилась.

Утром, оставшись наедине с отцом, он спросил его:

– Папа, что с мамой?

Питирим растерялся:

– Почему ты спрашиваешь?

– Вчера я слышал ваш разговор… Мама умирает?

Питирим обнял сына и ответил:

– Никто не умирает. Она немного приболела, но я ее выхожу.

Адам сказал:

– Я знаю, вы едете в Большой Город искать хороших врачей. Возьмите и меня.

Отец ответил:

– Нет, сынок. Уже решено, что ты останешься с дядей Энграфом.

Адам прослезился:

– Обещай вылечить маму.

Питирим обещал…

Скоро они уехали.

Дядя Энграф перебрался жить к Адаму.

Каждый вечер Адам подходил к иконе Георгия Победоносца и молил спасти маму.

Энграф скрывал свое волнение, нарочито улыбался и пытался выглядеть веселым.

По вечерам он читал Адаму книги, и они много беседовали.

– Почему Бог посылает болезни хорошим людям? – спрашивал Адам.

Энграф философствовал:

– Человек рожден быть счастливым. Однако мы многого не понимаем. Жизнь сложнее сложного, и нам не постичь, чему нас учат наши тяжелые жизненные обстоятельства.

Адам удивлялся:

– Чему может учить нас болезнь мамы?

Энграф терялся и вместо ответа укладывал Адама спать с успокаивающими историями.

Отец не сдержал обещание…

Он вернулся один и сказал, что мама улетела к ангелам.

В день похорон была необычная погода. Сначала солнце, потом дождик с радугой.

Рядом с могилой Ангелины расцвела сирень.

Адам стоял под этим большим кустом, чувствовал аромат мамы и горько плакал.

Боргес Гутенберг приехал из Большого Города выразить соболезнования и поддержать друга.

После похорон они сидели в яблоневом саду, и Питирим говорил ему:

– Я думал пожить здесь год, заработать и написать книгу своей мечты, но… Я встретил ее… Теперь она ушла, и я потерян. Не знаю, как быть?

Боргес сказал:

– Помнишь, я рассказывал тебе о своей духовной практике? Так вот, у меня были озарения. Одно из них было очень ярким и впечатляющим. Внезапно, во время глубокой медитации, ко мне пришло понимание бессмертия. Это была яркая вспышка, свет иного качества засиял передо мной, и я сказал себе – тело умирает, но я же не тело! После этого момента у меня в душе настало какое-то блаженное умиротворение. Мне грустно, что Ангелина не с нами, но я уверен, что теперь она с ангелами на небесах! Когда-нибудь мы присоединимся к ней. А до того момента она будет охранять тебя и Адама с небес.

Питирим молча кивнул:

– Да, это обнадеживает, но несмотря на это я сильно переживаю и не могу успокоить себя. Очевидно, что мне уже не суждено стать профессиональным писателем. Возможно, я и финансистом уже не буду. Наверное, пришло время обратиться к Богу.

Боргес отвечал:

– Мой френд, не отчаивайся! Я верю в твои возможности и всегда буду ждать твою гениальную рукопись.

В тот же вечер Боргес беседовал с Адамом. Расспрашивал о его жизни, рассказывал о своей и вдруг спросил:

– Что тебя увлекает больше всего, дорогой?

Адам даже не успел ответить…

Питирим ответил вместо сына:

– Он интересуется финансами, станет деловым человеком, когда вырастет, и заработает миллион.

Боргес спросил Питирима с удивлением:

– А почему ты отвечаешь за него?

Питирим сказал:

– Я хорошо знаю сына и могу представить его будущее лучше.

Боргес спросил Питирима:

– Мой френд, почему ты проецируешь свою нереализованную цель на сына?

Питирим отмахнулся:

– Глупости.

Боргес обратился к Адаму:

– Чем бы ты ни пожелал заняться в будущем, помни, что у тебя очень хороший друг в Большом Городе. Я люблю тебя, мой мальчик!

Боргеса проводили.

Питирим с Адамом остались одни.

Адам много плакал и спрашивал отца:

– Зачем Бог отправил маму к ангелам? Я по ней так скучаю!..

Питирим ничего не мог ответить.

По ночам Адам несколько раз подходил к иконе Георгия Победоносца и упрекал рыцаря:

– Почему ты не защитил маму? У тебя что, сердца нет? Как теперь быть нам с папой? Мы остались одни. Ты об этом, наверное, даже и не подумал… Я не хочу больше с тобой разговаривать!

6. ОТЕЦ ЛЮБИТ ЕГО

Он остался один от матери своей,

и отец любит его.

После школы Адам уже не бежал домой. Вместо вкусного маминого обеда теперь его ожидала закуска на старом номере «Тишиглушинской Зари» в редакции.

Быть дома ему не хотелось, играть со сверстниками тоже, и большую часть времени он проводил в редакции. Дядя поставил ему письменный стол у окна, где Адам раскладывал школьные учебники, но украдкой зачитывался фантастикой. Здесь он чувствовал себя полноценным сотрудником редакции, чем тайно гордился.

Отец и дядя весь день писали. Посматривая на них, Адам начал тайком сочинять веселые очерки про учителей и одноклассников.

Дядя Энграф заметил увлечение мальчика, а, прочитав несколько страничек, смеялся от сердца и сказал Питириму:

– Твой сын пишет лучше самого лучшего! Он мог бы стать отличным писателем или журналистом.

Питирим хмуро просмотрел записи, но радости Энграфа не разделил:

– Зачем ты взялся за это? – спросил он Адама строго.

Адам ответил:

– Не знаю. Вы пишете, и я стал писать. Просто увлекательно.

Энграф радовался:

– Это же замечательно! Надо ему помогать!

Но Питирим хмурился дальше:

– Адам, ты талантливый мальчик. Пишешь, конечно, не плохо, но у тебя намного сильнее развито аналитическое мышление. Нельзя его не использовать! Посмотри на господина Золотова. Он использовал свой талант и построил огромную финансовую империю не в воображении, а в реальности. Мы часть его вселенной…

Адам ответил:

– Во-первых, я не господин Золотов, а во-вторых, его империя ограничена финансами, в моих же воображаемых вселенных возможно все!

Питирим был недоволен:

– Я уже прошел печальный путь идеального мечтательства и не хочу того же для тебя.

Адам возразил:

– Но, папа… Мне так нравится писать…

Питирим приказал:

– Сперва стань миллионером, а затем сочиняй в свое удовольствие.

Адам не стал спорить, но со временем стремление писать усиливалось.

Тем сильнее сопротивлялся Питирим.

По вечерам он показывал сыну свой зеленый блокнот и твердил:

– Я думал заполнить эту записную книгу гениальными идеями, которые будут озарять меня. Все говорили, что у меня дар, и я сам верил в свою способность сочинить великое литературное произведение. Но я разочаровался. Вера рухнула, когда я оказался перед лицом жизненных проблем. Я приехал в Тишиглушь с надеждой легко заработать, вдохновляться природой и писать по вечерам, но... Видимо, это было моей ошибкой.

Адам обиделся:

– Мама и я твоя ошибка?

На глаза Питирима навернулись слезы, и он тяжело вздохнул:

– Ошибка не вы, а мой необдуманный выбор. Я любил маму и всегда буду ее любить, а ты моя гордость! Потому я не хочу, чтобы ты носился за неосуществимой мечтой, как я.

– Но мне нравится писать, – возразил Адам.

Питирим ответил:

– Даже если ты напишешь гениальное произведение, его надо продать. Представь, как это трудно, когда пишет каждый второй. Нужно издательство, везение. Зачем тебе лотерея? Выучись на финансиста, построй свой бизнес, заработай миллион, а потом пиши в свое удовольствие.

Несколько недель Адам искал компромисс, и внезапно его осенило.

Он побежал к Питириму:

– Отец! Я напишу такую книгу, которая принесет миллион!

Но Питирим не разделил восторга и ответил:

– Это невозможно.

Адам возразил:

– Почему? Дядя Энграф говорит, ничего невозможного нет!

– Из миллиона писателей богатеет только один.

– Так же с бизнесменами!

Питирим разозлился:

– Нет и все!

Адам спрашивал отчаянно:

– А что же?

Питирим ответил:

– На днях Крис Коровьев сообщил, что господин Золотов учредил фонд. Талантливым людям они оплачивают высшее образование в Финансовом университете Большого Города. Крис сказал, что, если ты подашь заявку, он поможет. Выучишься, вернешься, и на первых порах у тебя будет очень высокая зарплата на комбинате Золотова. Это лучший трамплин для своего бизнеса в будущем.

Адам не вдохновился и продолжал писать тайно от отца.

Однажды ночью, во тьме спальни, он повторно увидел кудрявого рыцаря в величественных доспехах. Как и в первый раз, конь завис в прыжке, не касаясь пола, а всадник держал в руке очень тонкое копье. Адам замер в ожидании, но Георгий Победоносец растворился в лучах мерцающей лампы, ничего не сказав.

Взволнованный Адам встал и побежал к маминой иконе, чтобы помириться.

Он сказал:

– Георгий Победоносец, ты прости меня, что я обижался и не разговаривал с тобой. Такое больше не повторится. Ты ведь знаешь, где мама? Уверен, можешь связаться с ней. Прошу, передай ей... Это важно! Она всегда мечтала увидеть меня гениальным писателем. Мне очень нравится сочинять, выдумывать сюжеты, описывать персонажей и вымышленный мир. Но папа против. Он хочет отправить меня учиться на финансиста. Говорит сначала стать миллионером, а потом уже писать. Я не знаю, как повлиять на отца. Уверен, мама может повлиять на него с неба. Попроси ее об этом! Сделаешь?

Адам опять присмотрелся к иконе. Тени от горящей свечки прыгали по лицу рыцаря, и Адаму показалось, что он еле заметно кивнул.

Однако шли месяцы, а настрой Питирима не менялся.

Тогда Адам попросил помощи у дяди, который больше понимал его:

– Я бы с радостью писал, как ты, дядя Энграф, но папа отговаривает. Не знаю, как его переубедить.

Энграф задумался, и ему пришла мысль:

– Напиши очерк, я опубликую его в ближай-

шем номере. Думаю, Питирим обрадуется и изменит свое мнение…

Адам восхитился:

– А у меня получится? Как писать очерк?

Энграф научил:

– Определи основную идею, составь план, собери материал, поговори со сверстниками, улови их желания и стремления, обрати внимание на обороты речи. Потом опиши все увлекательно, с юмором. Питирим увидит твой очерк в номере, поймет, что у тебя большое будущее в литературе, и благословит тебя. Кстати, надо придумать тебе псевдоним…

Адам просиял от радости, и неделю спустя из типографии привезли свежий тираж.

Питирим сразу заметил необычную публикацию.

– Что это за «Философ» пишет в нашей газете?

Энграф ответил с хитрой улыбкой:

– Хорошо пишет?

– Отлично! Живо и глубоко. Стиль оригинальный, видение прекрасное и слог хороший. Чувствуется талант. Он из местных?

Энграф ответил:

– Это очерк твоего сына.

Питирим резко нахмурился, внезапно взорвался и закричал на Энграфа:

– Не вмешивайся в его жизнь! Он должен стать финансистом! У него многогранный талант, и я не допущу, чтобы он погубил его!

Питирим в гневе разорвал газету и выбежал на улицу, где сразу споткнулся о растерянную курицу.

Вечером отец и сын разругались.

Адам сбежал из дома, бродил при лунном свете по окрестным полям и вдоль болота.

Он чувствовал себя в безвыходном тупике. Ему казалось, что само рождение и есть безвыходный тупик.

«Я рыба в сетях материальности. В глазах у меня туман, который скрывает правду. А правда в том, что я в тюрьме и даже не могу прикоснуться к ней, потому что я сам и есть тюрьма... Но я хочу быть свободным!»

Тогда он рванул в туманное болото, намереваясь переплыть, перепрыгнуть или каким-то чудом перелететь его, чтобы очутиться на другом берегу, в поле со сладкими ягодами, у подножья заснеженных вершин, где живут бессмертные боги.

Но, видимо, он был совсем не готов к прыжку и жутко увяз в грязи.

Слава Богу, легко выбрался, стряхнул с себя липкую грязь и подумал:

«А может, отец прав? Будь у меня миллион, я купил бы внедорожник».

Адам вернулся домой глубокой ночью.

Отец ждал его на крыльце.

– Где ты был? Почему испачкан?

Адам ответил:

– Отец, я сделаю, как ты просишь, и буду учиться на финансовом. Сходим с утра к Крису Коровьеву и подадим заявку.

Отец обнял сына:

– Я мечтаю о лучшем будущем для тебя.

7. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТЦА

Благослови и меня, отец мой!

Адама провожали торжественно, всем селом.

Крис сказал:

– Нашу ряженку уже покупают в Японии. Нам нужны сильные финансисты, чтобы продвигать наши продукты дальше! Я верю, Адам вернется лучшим специалистом!

Энграф выразил убеждение:

– Многогранный талант Адама будет расцветать в Большом Городе.

Шприц рассказывал что-то про важность быть здоровыми, а Питирим ничего не говорил, молча веря, что его сын станет миллионером.

Адам поднялся в автобус под аплодисменты, а на следующий день уже утонул в чуждой для него суете мегаполиса.

Большой Город его потряс.

Он полгода привыкал к нескончаемому потоку машин, к огромным витринам магазинов и к не-

знакомой толпе. В этом людском муравейнике у него была одна единственная родная душа – крестный, который продолжал верить, что Адам интересуется финансами, и для обсуждения биржевых ставок регулярно приглашал его в дорогие рестораны, которые были спроектированы по его собственному причудливому дизайну.

Стипендия Золотова делала Адама особо почитаемым студентом и давала ему относительную свободу. Хотя при безумной дороговизне Большого Города деньги быстро таяли. Адам привык все соизмерять со своей ежемесячной стипендией – он видел костюмы по цене его двухлетней стипендии, приценивался к ресторанным блюдам в годовую стипендию, а стоимость розового автомобиля марки Вогельфлюгель равнялась стипендии Адама ровно за сто лет. Машину рекламировала какая-то фотомодель в нижнем белье, похожая на куклу Барби. Кажется, ее звали Евой.

Адам смотрел на машину и думал:

– Вот когда сойду с ума, тогда и куплю это кукольное недоразумение. Наверное, Питирим хочет, чтобы я с легкостью позволял себе всю эту роскошь?

Блеск вещей Адама особо не манил, но он ре-

шил угодить отцу, а заодно попробовать вкус богатой жизни, когда преуспеет, и ради этого зубрил правила фондовой биржи в узкой комнатке студенческого общежития.

Цифры его совсем не вдохновляли, однако обучение не всегда было скучным – его очень заинтересовали лекции по истории философии. Он зачитывался трудами древнегреческих любителей мудрости, ходил по аллеям центрального парка, изучал «Государство» Платона вместо «Аудита» и философствовал о строении мироздания, вспоминая философские письма Ньютона.

С однокурсниками он особо не дружил, вечеринки и тусовки пропускал, и будущие финансисты прозвали его библиотечным чудиком.

Так, четыре года подряд, Адам разрывался между отцовской волей и зовом души – экзамены сдавал кое-как, зато с удовольствием зубрил «Федона».

Чудо случилось на завершающем курсе, когда однажды Адам прогуливался по парку и думал о беспредельности вселенной. Был теплый, спокойный вечер, но внезапно налетели синие тучи, и запахло грозой. Прохожие поспешили к выходу,

уличные торговцы наскоро убрали товары, а Адам углубился в парк. Ему захотелось побыть ребенком и насквозь промокнуть под дождем.

Подул ветерок, синие тучи сгустились, и с неба на Адама упали капли.

Не просто дождевые, но особые капли…

Капли обычного дождя содержат только воду.

А эти были заряжены мыслями!

Каждая капля несла отдельную мысль.

Дождь усилился.

Адам замер…

Капли проникали прямо в душу Адама и превращались в ливневый поток идей.

Казалось, что наверху они впитывали небесные мысли, как вода впитывает кислород, и доносили до Адама оригинальное содержание для книги.

Капля за каплей, идея за идеей.

Струя за струей, сюжет за сюжетом.

Скоро Адам промок до нитки, а в его голове струился поток удивительно вдохновляющего философского рассказа.

Дождь, обычно орошающий и удобряющий почву, теперь орошал и удобрял сознание Адама.

Наконец, водоток превратился в одну, но очень

мощную, навязчивую, устойчивую и, вместе с тем, абсолютно иррациональную идею фикс.

Адам закричал:

– Я чувствую будущий роман! Он о познании! Главный герой Исаак Ньютон, величайший познаватель…

Сверкнула молния, грянул гром, и перед Адамом, купающимся в небесных идеях, проплыли вселенные его детства: яблоневый сад с божьими коровками, колышущееся пшеничное поле, отцовские книжные полки с фантастическими мирами и… непреодолимое болото, за которым, якобы, простирается невиданная, скрытая в тумане поляна со сладкими ягодами божественного откровения.

Поток мыслей не прекращался, и Адам стоял под холодным проливным дождем, обратившись лицом к облакам.

Последняя капля упала, как точка в завершающем предложении. В голове Адама уже жила захватывающая история про Ньютона, а душа вибрировала новой книгой.

Теперь вода хлынула изнутри, он расплакался и бросился домой. Прибежав, он даже не сменил

мокрую одежду. Схватив блокнот, он принялся считывать ощущения сердца и списывать небесные идеи с души.

Он проголодался, простыл, его лихорадило, но он не мог остановиться. Он писал на лекциях, в коридорах, на улице, в кровати и даже во время экзаменов. Учебу он, конечно, совсем забросил, думая лишь о том, чтобы успеть все дописать, пока небесные идеи не испарились…

Вдруг он обнаружил, что ему прекратили выплачивать стипендию. Пришло сообщение об исключении из университета и, наконец, от него потребовали освободить комнату в общежитии…

Другой переживал бы об этих проблемах, но Адама волновало лишь то, где бы ему продолжить писать.

Открыться крестному и попросить у него помощи не хватило духу, а деваться больше было некуда.

Так Адам вернулся в Тишиглушь…

Растерянная курица долго смотрела на то, как Адам приближался к крыльцу отцовского дома.

– Адам! – воскликнул Питирим. – У тебя каникулы?!

Адам ответил:

– Отец, прости меня… Я не сдал экзамены, и меня исключили.

Питирим не поверил ушам.

– Ты шутишь? Все годы ты все прекрасно сдавал. Что же тебе помешало на последнем курсе?

Адам рассказал все, как было:

– На меня пролился дождь идей. Теперь я не могу не писать. Роман почти завершен, но меня выгнали из общежития...

Питирим взбесился.

Он ругался, кричал, возмущался, бил мебель и хлопал дверьми.

Примчались Энграф со Шприцем и долго успокаивали Питирима.

Адам сбежал к туманному болоту, где бродил допоздна и твердил себе под нос, что допишет книгу несмотря на возражения отца.

«Если не пустит домой, пойду жить к дяде», – сказал он себе и с этими мыслями вернулся глубоко за полночь.

Питирим уже спал под воздействием успокоительной таблетки Шприца, а Энграф заваривал

чай на кухне. Адам молча сел.

Энграф налил ему чай и спросил:

– О чем книга?

– О познании.

– Кто главный герой?

– Ньютон.

– Дашь почитать?

– Надо закончить.

Энграф понимающе кивнул и ответил:

– Питирима беру на себя…

Адам удивился:

– Как? Он же зол.

– Твое дело писать, мое дело успокаивать. Думай о книге, об остальном позабочусь я. А пока иди поспи. Утро мудренее мудреного…

Адам встал к полудню и прислушался к тишине: «Наверное, отец в редакции».

Он оделся, подошел к иконе Георгия Победоносца и сказал:

– Давно не виделись… Здравствуй! Со мной произошло чудо. Дождь пролил на меня идею романа про Ньютона, который я дописываю. Пожалуйста, передай это маме. Уверен, она будет рада… Как насчет моей просьбы? Помнишь, я

умолял тебя уговорить отца позволить мне писать, но он по-прежнему против. Повлияй на него как-то, пожалуйста... Сейчас мне это очень нужно! И прости, что загружаю тебя...

Вдруг Адам услышал громкие голоса из сада и выглянул в окно.

В саду были Питирим, Энграф и очень недовольный Крис Коровьев.

– Как Адам мог?! – возмущался он. – Он подвел весь наш фонд! Мы гордились им, а он опозорил нас... Не знаю, что решит господин Золотов. Скорее всего, потребует возместить все расходы.

Энграф возразил:

– Постой, Крис, ты знаешь, что жизнь сложнее сложного...

Но Крис не мог угомониться:

– Пусть он немедленно вернется в университет, или возвращайте вложенные в него деньги!

Внезапно голос повысил Питирим:

– Оставьте моего мальчика в покое! Он последовал зову сердца!

Крис оторопел:

– Мы должны были получить квалифицированный кадр! Мы не платили за зов сердца!

Питирим взорвался:

– Он герой в моих глазах, и я буду его защищать... Правильно он отказался быть вам «бухгалтерской крысой»!

Адам не верил своим ушам!

Неужели папа простил?

Он с удивлением посмотрел на Георгия Победоносца и спросил:

– Это ты устроил?

Тем временем Крис злился, кричал, размахивал руками, наконец, выкрикнул что-то вроде «вы еще получите у меня», развернулся и ушел.

Питирим закричал ему вдогонку:

– И не смей больше сюда соваться!

Адам вышел в сад.

– Ого, мальчик проснулся! – сказал Энграф, – смотри, мы создаем тебе рабочее место в тени вот этой самой красивой яблони. Мы поставили здесь письменный стол для тебя. Сейчас погода лучше лучшего. Тебе здесь будет приятно писать…

Адам посмотрел на отца и спросил:

– Так ты больше не злишься на меня?

Питирим вздохнул и ответил:

– Я хотел создать шедевр, но застрял в Тиши-

глушинском тупике. Я всю жизнь ждал вдохновения и не дождался. Возможно, не заслужил... Теперь вижу, что вдохновлен ты, и намерен тебе помогать…

Адам обнял отца, затем сел за письменный стол и сказал:

– Под яблоней вы поставили стол очень удачно. Я пишу книгу про Ньютона.

Через месяц рукопись была готова, и Энграф предложил устроить чтение вслух.

Читали три дня. Потом так долго молчали, что Адам не выдержал и вскричал:

– Скажите же что-нибудь!

Энграф посмотрел на Питирима, и тот сказал:

– Безусловно, книга интересная. В ней много оригинальных идей и способ подачи хороший. Теперь надо понять, кто же потенциальный читатель? Смешение жанров в книге Адама восхищает, но также создает проблему целевой аудитории. Я думаю, книга будет интересна тем, кто одинаково увлечен философией, исторической документалистикой и остросюжетными приключениями. Кроме того, есть ощущение, что в книге чего-то не хватает.

Адам спросил:

– Чего же не хватает, отец? Уточни, и я добавлю.

– Если бы я знал… Вот, как бы чувствую, но… Не нахожу слова…

– А мне очень понравилось! – сказал Энграф. – Книга исключительная. Надо издавать.

Питирим задумался и сказал:

– Боргес Гутенберг всю жизнь ждет мою книгу. Ее нет и не предвидится. Вместо своей я предложу ему книгу сына…

У Адама появилась надежда:

– Это правда? Ты позвонишь крестному?

Вместо ответа Питирим взялся за мобильный.

Боргес ответил сразу:

– Мой френд! Как я рад тебе! Ты не звонил мне уже сто лет… Неужели у тебя готова рукопись?

Питирим ответил:

– Да, готова…

Боргес закричал:

– Ура! Не могу поверить! Я дождался!

– Только автор не я, а Адам.

Боргес запнулся и спросил в недоумении:

– Роман про деньги?

Питирим ответил:

– Нет, философский роман про Ньютона.

Боргес присвистнул:

– Вот это неожиданный поворот в истории. Надо взглянуть! Отправляй мне рукопись прямо сейчас, а Адама – ближайшим автобусом…

Адам приехал в Большой Город окрыленный.

Боргес пригласил его в свой новый сферический кабинет, который потряс Адама. Углов не было, в центре сияло солнце, а вокруг плыли планеты со спутниками. Наиболее всего удивляла Земля. Она вертелась, и на ней можно было рассмотреть облака… На сферических же полках, которые проплывали то там, то здесь, были выставлены книги продвигаемых Боргесом авторов.

Сам Боргес всегда походил больше на кутюрье, чем на делового книгоиздателя, но в тот день он выглядел особенно. Его костюм как-то умиротворял. Он сказал с улыбкой:

– Я в шоке. Пять лет думал, что тебя ничего не интересует, кроме биржи, но вдруг оказалось, что ты неплохо пишешь.

Адам просиял:

– Крестный, вы правда так думаете?

– Поговорим об этом в ресторане «Долора». Там для нас заказан столик…

Ресторан был не менее удивительным. Зал представлял собой подводный мир с самыми причудливыми морскими растениями, которые светились спокойными тонами.

Боргес спросил:

– Нравится дизайн? Это я предложил им такую идею. Успокаивает, располагает к размышлению о вечности, о душе. Ну, рассказывай, откуда тебе пришла мысль написать философский роман о познании, и как в твоей голове появилась идея сделать главным героем Ньютона? Все это не менее причудливо, чем мой дизайн…

Адам рассказал про вдохновляющий дождь, который принес ему все идеи, про радугу, которая сияла, как венец потока гениальных мыслей, и про необузданное стремление написать выдающуюся книгу.

Внимательно выслушав его, Боргес сказал:

– Друг мой, твоя книга своеобразная, не похожа ни на что, поэтому она мне понравилась. Я даже увидел очень оригинальное оформление. Однако анализ показывает, что она не может стать по-на-

стоящему популярной. Народ ищет в литературе развлечения, а не инструкции для работы над собой. Сомневаюсь также в интересе к Ньютону. Люди размышляют так: ну, жил себе когда-то гений математики, а нам что от этого? Многие его вообще недолюбливают еще со школы – из-за него лишняя домашка усложняется.

Адам спросил:

– Вы не возьметесь издавать?

Боргес воскликнул:

– Наоборот! Я люблю рискованные проекты и хочу сделать заведомо непопулярный продукт популярным.

Адам просиял:

– О! Это отличная новость!

На следующий день радостный Адам подписал договор с редакцией и вернулся в Тишиглушь счастливым.

Вскоре почтовый курьер привез ему несколько сигнальных экземпляров. Дизайн и оформление, действительно, были превосходными. Боргес устроил помпезную презентацию, но…

С первыми критическими статьями всех постигло разочарование. Обозреватели посчитали произведение нудным.

Дальше – хуже…

Полгода спустя Боргес сообщил, что книга не продается, и весь тираж залежался на складе.

– С «Ньютоном» у меня вышла досадная коммерческая ошибка, – признался Боргес, – однако я не отчаиваюсь и тебе не советую унывать. Приступай к работе над следующей. Я верю в тебя, и мы будем сотрудничать дальше…

Провал книги стал для Адама настоящей трагедией. Он хотел утопиться в тишиглушинском болоте, но воздержался. Отчаявшись, он заперся в своей комнате и отказывался выходить.

Питирим с Энграфом уговаривали его заняться чем-нибудь, но жизнь Адаму казалась законченной, и так продолжалось несколько месяцев. Наконец, в один из теплых весенних вечеров Питирим уговорил Адама выйти в сад, где Энграф накрыл ужин под яблоней.

Как только они сели за стол, раздался звонок от Боргеса.

Выслушав друга, Питирим отложил телефон и уставился в никуда.

– Не мучай нас! – воскликнул Энграф. – Что он сказал?

Вместо ответа Питирим пошел в дом. Минуту

спустя он вернулся со своим свадебным смокингом на вешалке и сказал:

– Боргес представил «Ньютона» на соискание литературной премии «Платиновый роман года». Книга попала в длинный список претендентов... А потом – в шорт лист!

Энграф воскликнул:

– Не может быть!

Адам удивился:

– Что это значит?

Питирим ответил:

– Теперь ты, Адам, в списке двадцати одного лучшего писателя года.

Энграф ударил кулаком о стол:

– С ума сойти! Это же самая главная писательская премия на планете!

Адам не верил своим ушам.

Питирим продолжил:

– Через неделю грандиозное шоу в «Гранд Арене». На нем будет назван победитель. Наш Адам будет стоять среди сильнейших писателей мира!

Энграф прыгал от радости, а Питирим продолжал:

– Учредитель премии, великий Эрнст Перов,

каким-то чудом нашел финансы для прямой трансляции на весь мир! Адама увидят миллионы!

Адам прошептал:

– Это какая-то алхимия.

Питирим ответил:

– Ради этой алхимии тебе надо надеть мой смокинг… А я хотел бы немедленно перечитать твою книгу…

8. МАЛЬЧИК С КРАСИВОЙ РАКУШКОЙ

Первый фрагмент из бестселлера Адама.

Происходило это в английском городке Грентеме, что в графстве Линкольншир. Тринадцатилетний Исаак Ньютон переехал сюда из соседнего Вулсторпа, чтобы учиться в местной школе. Жил он в мансарде дома аптекаря Кларка, который приютил талантливого мальчика.

Однако нудные школьные уроки – особенно чистописание – Исаака тяготили. Он сбежал бы от ненавистного учителя, если бы мог, и с нетерпением ожидал окончания школы, чтобы вернуться в мансарду к своим книгам по математике и механике.

Характер у него был непростой и мстительный. Он чрезмерно реагировал на самое малое проявление неуважения к себе. Особую ненависть он испытывал к братьям Сторерам, думая не без основания, что они настраивали весь класс против него.

Желая навредить им, он стянул из сумки Эдуарда Сторера бутерброд и злорадствовал, когда тот его отчаянно искал.

Теперь после школы он направлялся домой в хорошем настроении, предвкушал интересное чтение и беззаботно жевал украденный бутерброд.

Вообще, он понимал, что воровство – тяжкий грех, но о содеянном не жалел и говорил себе:

«Эдуард и Артур Стореры сами первые ненавидят меня. Они заслужили наказание!»

Радуясь жизни, Исаак с удовольствием надкусил бутерброд, завернул за угол и оторопел. Здесь его поджидали разгневанные братья Стореры.

Они закричали:

– Вот вор!

– Уплетает мой бутерброд!

– Хватай его!

Исаак бросился бежать, но братья его легко настигли и повалили в вязкую, вонючую лужу. Исаак плюхнулся лицом в коровий помет и, чувствуя свою беспомощность, кипел от негодования. А враг злорадствовал. Братья били Исаака ногами и яростно вопили:

– Это тебе за то, что ты посмел стащить мой ланч сегодня! – кричал Эдуард.

– А это тебе за то, что ты проткнул мою шляпу булавкой вчера! – орал Артур. – Зачем ты совершил этот мерзкий поступок?

– Ты вор! Потому и наказан! – бесился Эдуард. – Ты спер мои сладкие вишни, которые дал мне дядя! Верни все, что ты украл, и проси прощения!

Униженный Исаак злился на противников, считал их подлыми и вовсе не раскаивался. Другой на его месте давно сдался бы, но физическая слабость Исаака восполнялась необычной остротой ума и невероятной выдержкой духа. Бултыхаясь в грязи, он анализировал обстоятельства и несмотря на неравенство сил думал о возмездии. Здравый смысл подсказал ему, что для победы в этой войне ему нужны хитрость и достойное оружие.

Внезапно ему повезло.

В грязи попалась какая-то палка и сама легла в правую руку.

Исаак крепко ухватился за нее и решил – оружие есть, теперь хитрость.

Он сделал жалкое лицо и плаксивым голосом стал умолять Стореров:

– Простите меня, пожалуйста. Я согрешил перед вами и уже получил по заслугам. Теперь молю вас о милосердии.

Артур спросил Эдуарда:

– Ты слышал? Он просит прощения.

Эдуард ответил с некоторым ехидством:

– Я плохо слышу… Пусть повторит громче!

Исаак сделал вид, что прослезился:

– Джентельмены, я поступал недостойно: крал и портил ваши вещи. Я очень жалею об этом! Простите...

– Что будем делать? – спросил Артур.

– Я бы простил, если он извинится в присутствии всего нашего класса, – сказал Эдуард.

– Отличная идея! – воскликнул Артур и обратился к Исааку. – Я также приму твои публичные извинения. Будешь просить пощаду на глазах у всех?

Исаак ответил:

– Ваше требование справедливое, и я готов искупить вину. Только помогите мне выбраться из этой грязи, пожалуйста.

Мальчики решили:

– Он раскаялся, и теперь ему можно подать руку.

Исаак ликовал в душе и, как только враг склонился, резко вытащил палку из жижи, коварно замахнулся и угодил Артуру прямо в левый висок.

Удар получился очень болезненным. Артур схватился за голову и зарыдал. Эдуард не успел ничего понять, как второй удар пришелся ему по шее, и он тоже заплакал. Исаак посчитал, что этого мало, ловко вылез из грязи и продолжил махать палкой. Противник обратился в бегство.

– Больше не лезьте ко мне! – орал на них Исаак, пока они не скрылись из вида.

Тогда он выудил из лужи сверток с учебниками и продолжил путь к дому мистера Кларка на Хайстрит, желая поскорее уединиться в мансарде.

Тем временем мистер Кларк, уважаемый в городе джентльмен и фармацевт, сидел во главе обеденного стола. Слева от него была миссис Кларк, почтенная супруга, а справа – гость, брат миссис Кларк, приходской священник из Бутби-Пагнелла, господин Хамфри Бабингтон. Он прибыл навестить сестру и зятя. За столом также была юная Джейн, тринадцатилетняя племянница мистера Кларка.

Своих детей у аптекаря не было, поэтому миссис Кларк решила приютить тех, кто в нужде, и теперь они заботились о сироте Джейн и талантливом Исааке.

Поблагодарив Бога за трапезу, они приступили

к супу, и мистер Кларк спросил шурина:

– Дорогой Хамфри, я очень рад, что ты выбрался к нам. Последнее время ты очень занят. С одной стороны, у тебя обязанности служителя Бога, но с другой – тебя избрали членом совета Тринити Колледжа в Кембридже. Это очень почетная должность!

Мистер Бабингтон ответил:

– Так и есть. Дел много, и я соскучился по вам. Надо сказать, что за время моего отсутствия у вас появились оригинальные приспособления. Мне понравились солнечные часы на фасадной стене вашего дома. Этот прибор привлек мое внимание сразу же, как я подъехал к вам. Признаюсь, у меня появилось желание соорудить такие же у себя в Бутби-Пагнелле и, возможно, еще и в Кембридже. Кто этот искусный мастер? Наверное, он из Лондона?

Маленькая Джейн не сдержала смех и фыркнула, чем заслужила строгое замечание от миссис Кларк:

– Порядочные леди за обедом не хихикают.

– Простите, миссис Кларк, – сказала Джейн, – но мне смешно, когда маленького Исаака называют искусным мастером из Лондона.

Мистер Бабингтон поднял бровь от удивления:

– Кто такой маленький Исаак?

Мистер Кларк ответил:

– Мальчик из Вулсторпа, сын вдовы Анны Смит. Мы приютили его, так как мой брат, директор грентемской школы, увидел в нем некоторый талант и уговорил Анну Смит отправить мальчика учиться сюда. Ему тринадцать.

– Его способность соорудить столь сложное устройство вызывает удивление! Часы показывают точное время?

Джейн опять не смогла сдержать себя и воскликнула:

– Очень точное! Из постоялого двора Джорджа, что напротив, каждый день отправляют слугу, чтобы он сверился с солнечными часами Исаака. Их теперь называют Исааковым циферблатом.

Мистер Бабингтон спросил ее:

– Джейн, скажи, пожалуйста, Исаак сделал только циферблат, или он соорудил еще что-нибудь?

Джейн охотно ответила:

– Исаак наблюдал за строительством новой Грентемской мельницы, облазил ее изнутри, сделал чертежи и смастерил свою модель. Она полу-

чилась такой красивой! Увидев мое восхищение, он подарил ее мне. Он совсем не жадный, и у него широкая душа. А я в шутку сказала, что мельница должна как-то вертеться сама. На следующий же день он придумал чудесный способ – посадил мышь в колесо, как-то странно связал колесо с мельницей, и теперь моя маленькая мельница все время крутится в моей комнате, потому что мышь все время бежит. Это так мило и так остроумно!

Мистер Бабингтон сказал:

– Если этот мальчик будет продолжать, то он, видимо, очень далеко пойдет в механике. А где он сейчас? Я с удовольствием познакомился бы с ним.

Не успел Хамфри Бабингтон завершить фразу, как дверь резко открылась, и перед обеденным столом предстал дурно пахнущий, испачканный Исаак.

Миссис Кларк уронила ложку в суп, Джейн взвизгнула, а Мистер Кларк возмутился:

– Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что вымазан навозной грязью с головы до ног?

Исаак опустил голову:

– Да, сэр.

– Не хочешь ли ты объяснить нам причину?

– Я упал, сэр.

Миссис Кларк не поверила:

– Не похоже на падение. Ты, видимо, опять подрался.

Исаак хмурился.

Мистер Кларк сказал:

– Исаак, твоя мать доверила тебя на наше попечение, и мы приняли тебя на постой, чтобы у тебя была возможность получить хорошее образование. За тебя поручились мистер Стокс, мой брат и директор твоей школы, а также Уильям Эйскоу, который уговорил твою маму отпустить тебя учиться. Все находят в тебе некоторый талант. Ты осознаешь, что приехал сюда учиться, а не драться?

Ньютон пробормотал:

– Да, сэр.

– Тогда ты должен знать и о том, как твой директор отзывается о твоей учебе. Он сказал, что в табеле успеваемости ты занимаешь предпоследнее место. Мы все разочарованы и считаем, что ты с большим пренебрежением относишься к знаниям. Тебе не стыдно?

Исаак молчал.

Мистер Кларк продолжил:

– Теперь мы лицезреем тебя в таком непристойном виде. Видимо, я не способен заботиться о тебе

и буду вынужден вернуть тебя обратно к матушке в Вулсторп.

Исаак вдруг выпалил:

– Я не хочу обратно в Вулсторп! Там меня ненавидят! Отца я даже не помню, а мать принуждает ухаживать за козами. Вы считаете, карьера пастуха мне к лицу? Или я виноват, что учитель риторики – педант и приказывает делать чепуху?

– Это насмешка. Не смей так говорить!

– Все его зовут педантом… Он заставляет штудировать чистописание и секретарский курсив. Зачем мне это? Вы считаете, гениальные идеи нельзя записать черновыми набросками? А если их переписать начисто секретарским курсивом, они станут умнее? После ваших слов мне ясно, что я не нужен ни матери, ни школе, ни вам… Выгоняйте меня, сэр, если вам угодно!.. Буду жить на улице, но в Вулсторп не вернусь.

Мистер Кларк был ошарашен взрывом эмоций у мальчика и не нашелся, что ответить.

Ситуацию разрядила миссис Кларк:

– Предлагаю обсудить поведение Исаака позже. Думаю, сейчас ему надо помыться и почистить свои вещи.

Мистер Кларк кивнул:

– Да, дорогая, ты права. Отложим разговор. Исаак, я прошу тебя подняться к себе в мансарду, помыться и привести одежду в порядок. После этого мы ждем тебя к обеду чистым.

Исаак вытер слезу и побежал наверх.

Вслед за этим встала Джейн:

– Миссис Кларк, позвольте я пойду и помогу Исааку почистить одежду.

Бабингтон был растроган и ответил ей вместо сестры:

– Это очень благородно с твоей стороны, юная леди. Конечно, иди и помоги Исааку.

Когда девочка убежала, мистер Бабингтон сказал:

– Если у мальчика редкий талант, почему же он так плохо учится в школе?

Миссис Кларк ответила:

– Я бы не ставила на Исааке крест. Он очень смышленый мальчик, хоть и ранимый. Он посмертный ребенок, родился вскоре после ухода из жизни отца. Ему было два года, когда его мать вышла замуж повторно и уехала к новому мужу в Северный Уитэм, оставив сына на попечении бабушки. Исаак сильно скучал по маме и тяжело переживал разлуку. Очевидно, что он страдал из-за

нехватки любви. Но у него явно Божий дар. В то время, как его сверстники играют в кошки-мышки, он поглощает книгу за книгой, а руки у него золотые. Меня умиляет его необычная страсть к механике. Он собрал себе миниатюрные инструменты, всякие топорики-молоточки и, когда не читает, конструирует модели всего. Он сделал мне очень точные водяные часы. Я храню их на кухне и сейчас принесу, чтобы вы сами увидели.

Пока жена ходила за часами, мистер Кларк сказал:

– Я согласен, у мальчика дар, но это не освобождает его от обязанности изучать школьные науки.

Мистер Бабингтон ответил:

– Я бы хотел с ним поговорить. Позвольте подняться к нему в мансарду…

Книга Иллюзий:

Земной Рай

1. ПАРОД

Аристофан

Платон, мой друг, уже пора двуликого мне показать. Когда начнешь?

Платон

Уже готов... Он уже близко. Из облаков выходит он!

Под песнь хора из облака создается образ огромного, шарообразного двуликого.

Предводительница Хора

Так бывает, что внезапно
Появляется герой,
Он рождается чудесным
И, скорей, похож на сон.
Засияет, как зарница,
Загремит, как мощный гром,
Не оставит он сомнений,
Что спасти народ пришел.

Хор

Он стремился к звездам в небо,
Высоко взлететь мечтал,

Чтоб бессмертных там увидеть,
Чтоб просить их, умалять
Поделиться эликсиром,
Средство для спасенья дать,
От тоски освободиться,
Счастья тайну разгадать.

Хор расступается, и перед удивленным Аристофаном предстает облачный образ круглого человека с двумя большущими ликами и с восьмью конечностями. Одним большим ликом он разглядывает левую половину амфитеатра, а другим большим ликом – правую. По этим ликам сразу можно угадать, какое из них чувствующее, и какое – мыслящее.

Платон

Любите и почитайте – Йоуранош! Необычный сын Энании. Я слепил его образ из густых облаков, из мира идей и собственных грез. От других двуликих отличался он тем, что два огромных лика имел. Мыслящим ликом он думал далеко, а чувствующим ликом чувствовал глубоко.

Йоуранош – ликочувствием

В мучении живет каждый из нас. Откуда, скажите, такая напасть? Тоска и уныние – наша кара. Никого несчастье не миновало. Почему боги нас

наказали? Чего-то они нам недодали. Ответ, должно быть, на небе, где-то… Я найду спасительное средство!

Йоуранош – *ликомыслием*

Сами Боги, должно быть, блаженны! Хандра их не будет никогда терзать. Точно, они обделили нас чем-то. Надо у них элексир забрать.

Йоуранош – *ликочувствием*

Я устремлен к звездам, вверх! Чувствую себя частью Небес. Бессмертные боги там живут, это наши отцы, и я к ним хочу!

Йоуранош – *ликомыслием*

Чувствовать мало, я точно знаю, могу летать по звездному краю. Верю, что все мы родом с Небес! Оттуда свалились, живем теперь здесь. Из мифов узнал я все подробно, нас создали бессмертные боги. Я попрошу их улучшить нас, чтоб каждый счастье мог ощущать.

Йоуранош – *ликочувствием*

Умом Богов мне не постичь, в душе своей я чувствую их.

Йоуранош – *ликомыслием*

Они откроют причину хандры, все ответы только у них…

Платон

Мы, смертные, не знаем, что нас ждет в потустороннем мире, боимся исчезнуть в небытии. Это причина нашей хандры. Но внезапная смерть двуликим не грозила. Они не старели и случайной смерти не знали. Они умирали, только если сами хотели отойти к вечно блаженным бессмертным богам по воле своей. Тогда они уходили на высокую гору, постились, после чего их тела лопались, а освобожденная душа растворялась в эфире и возносилась к Небесам, откуда обратной дороги не было. Йоуранош стремился не к этому! Его ликочувствие стремилось к Небесам, а ликомыслие искало путь восхождения. Все на благо всех, но никак не для личного счастья. Тогда он отправился за советом в Энанейское прорицалище, к мудрому оракулу Тоастерию.

На сцене появляется еще один двуликий с большим ликочувствием, но маленьким ликомыслием. Это маг и прорицатель Тоастерий.

Йоуранош – ликомыслием

О, великий оракул! Ты мудрейший в Энании! Твое ликочувствие глубоко, как небосвод над нами. Дубам в твоем лесу по сотне тысяч лет. Из высокого неба дают они совет.

Йоуранош – ликочувствием

То, что тайна для всех, тебе вовсе не тайна, помоги мне во всем хорошо разобраться. Хочу полететь я к бессмертным богам и спасенье выпросить для всех нас.

Йоуранош – ликомыслием

Послушай шелест столетних дубов, от них ты услышишь совет обо всем. Словом добрым ты мне помоги, как дальше быть, молю, расскажи.

Тоастерий – ликочувствием

Слушает шелест дубов. Качается и входит в трансовое состояние.

Вот я читаю по листьям дубов,
Дух твой волшебный наверх устремлен,
Шепчут деревья о том и о сем,
Полон ты сил, вдохновлен, окрылен.
Группа старейшин, мудрейший совет
Правит Энанией тысячи лет.
Руководит же страной Перифакс,
Благословение должен он дать.

Платон

Никто не мог пуститься в столь отважное путешествие без разрешения совета и без одобрения вождя Энании, Перифакса. Вскоре Йоуранош

уже стоял перед старейшинами. Он открыл им свое большое сердце, сказал, что стремится к бессмертным богам не ради своей выгоды, а для спасения всей Энании. Он говорил им, что будет молить богов поделиться волшебным средством счастья. Но... Его не поняли и возмутились. Ему кричали, что своей дерзостью он лишь разгневает бессмертных богов, и старейшины запретили ему покидать Энанию. Старейшины отправили его под домашний арест, а Перифакс приказал усилить охрану городских ворот и приставил дозорных к дому Йоураноша. Но Йоуранош был непоколебим! Он решил вырваться под покровом ночи. У себя во дворе он тайно готовил свою колесницу, чтобы протаранить охрану и сбежать на свободу, когда услышал странный шорох. В гости к нему пришел Тоастерий.

Тоастерий

Доблестный малый, Йоуранош,
Жаль, что не понял тебя мудрый вождь,
Глупо тебе запрещать нам служить!
Надо порядок нам восстановить!
Есть у меня остроумненький план:
Белый мой плащ ты накинь на себя,
Сядешь потом в колесницу мою,
Так сможешь стражников всех обмануть.

Йоуранош – *ликочувствием*

Какое счастье!

Йоуранош – *ликомыслием*

Что же будет с тобой?

Тоастерий

Кто меня тронет? Ведь я прорицатель.
Делаю то, что мне боги сказали.
Утром найдут, разберусь с ними сам.
Ты далеко уже будешь в горах.
Эти две склянки с собой ты возьми,
В них для тебя я микстуру залил.
Боли и раны ты будешь лечить…
Медлить не надо. Скорей же иди!

Платон

На рассвете парная колесница Тоастерия, запряженная белыми лошадьми, возносила Йоураноша по Верхней Дороге на Небо, к обители бессмертных богов.

Аристофан

Как мне интересно, чем же закончится приключение Йоураноша? Готов пожертвовать не только ужином, но еще и завтраком.

2. ПЕСНЬ ВОСПЕТА

В тот день будет воспета песнь сия.

Настал долгожданный вечер!

В «Гранд Арену» на торжественную церемонию награждения пришли семь тысяч зрителей – аншлаг.

Здесь были влиятельные политики, крупные бизнесмены, богатые издатели, великие артисты, почитаемые литераторы и известные журналисты – весь бомонд хотел увидеть, как засияет новая звезда литературы.

С первых же секунд было ясно, что представление делалось с размахом. Имя таинственного благодетеля, который изволил финансировать космический масштаб происходящего, хранилось в строгой тайне. Однако было известно, что для причудливой постановки вызвали известного голливудского режиссера Хестона и пригласили очень популярную супермодель. Обоим обещали космические гонорары.

Хестон приказал своей команде полностью выложиться и заказал дорогущие голографические визуальные эффекты. Никто не понял, каким волшебством он смог превратить огромную сцену в открытую книгу с иллюзией листания. Каждая последующая страница являла собой оригинальный сюрприз – сияли и крутились огромные трехмерные буквы, и ведущие появлялись, как будто из ниоткуда.

Особо тщательно Хестон думал о том, как он покажет писателей-претендентов, а для этого ему было нужно выгодно расположить их. Для консультации он пригласил господина Ставкова, президента букмекерской фирмы «Космос-бет» и сказал ему:

– Вы принимаете ставки на писателей. По мне это полный бред, но это ваш бизнес. А я делаю шоу, и мне надо передать их эмоции. Они будут у меня сильно переживать, выразительно нервничать, а я сделаю так, чтобы весь мир ликовал и грустил вместе с ними. Для этого мне нужно понять их шансы, чтобы соответственно расположить их и выставить пять камер плюс два дрона. Господин Ставков, скажите, кто из них фаворит, а кто лузер?

Ставков достал из портфеля бумажку, передал ее режиссеру и ответил:

– Это ранжированный список. Первая пятерка – наиболее известные авторы. Вероятнее всего, что приз достанется одному из этих пяти.

– Поставим их в первый ряд! – приказал Хестон и передал бумагу своей ассистентке, которая все время ходила за ним с блокнотом.

– Мудро! – сказала она и записала приказ Хестона.

Ставков продолжил:

– За лидерами идет десятка середнячков. Это начинающие писатели. Их выигрышная ставка, естественно, на уровень выше.

– Блеск! Их бросаем во второй ряд.

– Затем пятерка аутсайдеров.

– Их в третий ряд.

– Ну, есть еще двадцать первое недоразумение… Его добавили в самый последний момент.

– Очевидный лузер?

– Да! За него даем сто к одному.

Хестон огляделся и спросил:

– Это не тот, который шатается в смешном свадебном смокинге?

Ставков взглянул:

– Он.

– Вешалка, – сказал Хестон, – я не позволю ему портить мне кадр.

Ассистентка спросила:

– Мудро! Бросим его назад?

– Да, подальше…

Хестон наскоро пожал руку Ставкову и помчался проверять фейерверки.

Приближалось время начала, и зал заполнился народом.

Хестон запустил легкую возбуждающую музыку, чтобы привести публику в соответствующий тонус, и убедился, что улажены все технические вопросы с прямым эфиром.

В это время Питирим с Энграфом починили телевизионную антенну на крыше дома, накрыли журнальный стол старым выпуском «Тишиглушинской Зари», разложили кое-чего перекусить и вошли в состояние волнительного ожидания.

Хестон сообщил о минутной готовности, отсчитал последние десять секунд вслух и приказал:

– Эфир! Пошла музыка… Вперед! Все работаем и выкладываемся по полной!

И шоу началось…

Сцена загорелась массой световых эффектов, голографическая иллюзия раскрыла первую страницу книги, и живые буквы сообщили зрителям, что на сцену выходит арт-рок группа «Люцифериозы».

Грянул гром тяжелой музыки, страничка перевернулась еще раз, и сквозь искры фейерверка голографические буквы, как по волшебству, превратились в живых музыкантов.

– Гитаристы Винт и Болт, и барабанщик Молот.

«Люцифериозы» замахали длинными волосами. Они так завинтили, заболтили и замолотили, что их громовую музыку можно было слушать пищеварительной системой. «Гранд Арена» дергалась, как при землетрясении. Слова, выкрикиваемые Винтом, не воспринимались как человеческая речь, но можно было ухватить обрывки:

Ты слышал, друг, и рок, и блюз,
Начитан книг на полверсты,
Но где твой смысл? Ты лишь каприз,
А нам бы пить, трубить, кутить.

«Люцифериозы» быстро довели зрителей до

экстатической агонии.

Правда, через телеэкран драйв, видимо, терялся.

Энграф в Тишиглуши сморщился и сказал:

– Может, я чего не понимаю, но это ниже нижайшего и совсем не соответствует литературе.

Как бы там ни было, к концу выступления «Люцифериозов», прямой эфир смотрело уже десять миллионов зрителей.

Искупавшись в водопаде аплодисментов, группа отошла на задний план.

Сцена завертелась в очередных голографических эффектах, опять ожили буквы, и Хестон закричал ведущей супермодели:

– Твой выход! Пошла, пошла, пошла!!!

3. Из ребра

И создал Господь из ребра,

взятого у человека жену, и...

Она шла по сцене походкой профессиональной модели, пританцовывала и эффектно показывала изящное тело. Она выглядела жизнерадостной, но под маской игрового настроения очень искусно скрывала адский огонь негодования и ненависти в душе. Она была прекрасной артисткой. Потому и ценилась на подиуме – шла, движимая гневом, и в то же время обворожительно улыбалась, поднимая дух у публики.

А переполняла ее обида на богатого любовника, который бессовестно бросил ее в открытом море на яхте и сбежал к своей старой жене – кляче на день рождения.

Он заслужил жестокое наказание, и вот, желая досадить изменнику, она намеренно вырядилась в полупрозрачное платье, выставляя напоказ свои прелести, и намеревалась подцепить нового пыл-

кого спонсора прямо этим вечером.

В ярком свете сценического возвышения, она делала очень кокетливые шаги, чувствовала, что вызывает страстное возбуждение миллионов мужчин, и считала, что этим причиняет страдание негодяю.

Винт и Болт заревели на все мироздание:

– Встречайте Мисс Вселенную!

– Космическая супермодель!

– Обворожительная Ева Ресничкина!

Магия голографических эффектов вскружила всем голову, покатилась бурная волна восхищения, и, когда Мисс Вселенная встала на краю сцены, мироздание ахнуло!

Она выдержала необходимую паузу и, согласно сценарию, завопила во все горло, делая акцент на свою харизматичную хрипотцу в голосе:

– «Гранд Арена», привееееееет!

Зал завопил в ответ, а она перекричала толпу:

– «Луциферизам» овации! Обожаю их!

Она ловко извлекла мобильный из маленькой сумочки и сказала:

– Ну-ка, смайл… Делаю мировое селфи на фоне любимой группы! Все! Выложила! Можете ставить лайки!

Зал восхищенно следил за тем, как Ева фоткала себя, и аплодировал. Убрав телефон, она набрала воздух в легкие и заревела:

– И я обожаю литературу!

Энграф в Тишиглуши от удивления забыл, что держал в руке соленый огурчик, которым намеревался закусить, и сказал с недоумением:

– Вот это утверждение вызывает сильное сомнение.

В это время в комнату вошел Шприц и спросил:

– Почему вы смотрите показ нижнего белья?

Энграф сказал ему:

– Это литературный конкурс... Давай, садись.

Прикованный к экрану Питирим махнул на них рукой:

– Да замолчите вы!

Тем временем в «Гранд Арене», под барабанный ритм Молота, толпа зрителей ревела от восхищения, а Ева, согласно сценарию, сделала лицо природной дурочки и похлопала длинными ресницами, понимая, что сейчас Хестон включает соответствующий звуковой эффект, и спросила неизвестно кого:

– Скажите, зачем я здесь?

Это вызвало взрыв смеха в зале.

Ева оглянулась, изображая наигранную тупость:

– Боже, у меня пошел глюк какой-то. Кто-нибудь, хелп… Зачем мы на этом парти? И что мне делать?

Из зала послышались веселые выкрики:

– Танцуй!

– Пой!

– Устрой показ!

– В кулисах мне дали бокальчик виски «Бриз Золотова», – сказала Ева, как-то сморщившись при упоминании Золотова, и продолжила, – это такой классный «ауф»! Но мне мозги в голове свело… Я все забыла. Кто мне поможет?

Хестон гордился собой:

– Отлично! Три, два, один… Пошел выход Перова! Барабаны…

Закрутилась голография, и под безумные овации на сцену вышел пожилой, статный мужчина в стильной шляпе.

Увидев его, Ева запрыгала от радости и провозгласила:

– Вот его невозможно забыть – живой классик, основатель литературной премии «Платиновый роман года», господин Эрнст Перов!

– «Гранд Арена!» Приветствую всех! – сказал Эрнст и обратился к Еве, – посмотри, прелесть, здесь собрались самые известные писатели планеты и любители всех жанров!

Ева сделала вид, будто к ней возвращается память, и сказала:

– Постойте… У нас праздник книг?!

Эрнст ответил ей:

– Среди нас двадцать один лучший писатель года! Эти герои пера скромно ожидают участи в отведенной для них ложе! Приветствуйте их!

Ева запрыгала от радости, а Хестон закричал:

– Писак на большой экран!

Манеры писателей соответствовали ранжированному списку Ставкова. Пять лидеров важничали, десять середнячков грустили, пять аутсайдеров тосковали, а свадебный смокинг на вешалке не знал, куда себя девать.

Адам чувствовал, что он деревенщина, неудачник, и ему нечего делать на этом празднике высокого общества. Он хотел скорее запереться в своей тишиглушинской берлоге, чтобы уткнуться носом в подушку и ничего не видеть. Здесь, в «Гранд Арене», его раздражало все – завистливые и насмешливые взгляды других претендентов, огромное

скопление народа, а полуголая, вульгарная хлопальщица ресниц, разыгрывающая глупую комедию на сцене, вовсе бесила.

Но он понимал: бежать некуда, вот и закрылся в себе и воображал, что его здесь нет.

Тем временем Эрнст обратился к Еве:

– Так вот, дорогая, напоминаю! У нас самый главный литературный праздник – «Платиновый роман года»!

Ева приложила накладной ноготь указательного пальца ко лбу и сказала:

– Теперь я вспоминаю… Здесь будет холивар битва гигантов клавиатуры! Вот, значит, на какую фичу я попала… Выбираем лучшего писателя года!

– Верно, моя прелесть! Но выбираем не мы, выбирает международное жюри...

– И каждый из них уже создал мировой контент и теперь ожидает свой главный фидбек!

– Именно так!

– Хорошо бы поближе познакомиться с ними.

– Мы, как раз, посмотрим видео сниппеты о каждом герое!

Хестон крикнул ассистентке:

– Запускай клипы...

Загорелся огромный экран, и зрители увидели короткую историю каждого претендента в коротких видеоклипах.

Самым скучным был клип Адама. Тишиглушинские пейзажи смотрелись уныло, но Энграфу понравилось:

– Смотри, наша редакция мелькнула в кадре!

Питирим же ответил:

– Знаешь, сейчас я очень жалею, что мешал своему сыну писать. Он нас прославил!

– Верно, – согласился Шприц.

После показа клипов Ева крикнула:

– Не забывайте поставить лайки «Люцифериозам»! Они дарят нам свой очередной хит!

Грянул гром рока, и Винт заорал:

Ты нужен мне, пока ты рад,

А если сник, иди в бутик.

Последовал взрыв восторга, а потом Ева сказала:

– Сладкое действие «Бриза Золотова» проходит, и моя память возвращается. Я припоминаю, что впервые в истории букмекерская компания «Космо-бет» принимает ставки на победителя «Платинового Романа Года»! Это значит, что кое-кто может стать миллионером! И если это будете вы, зво-

ните прямо мне, я помогу потратить... А мы встречаем нашего спонсора! Президент компании «Космо-бет», господин Стас Ставков!

Пошли визуальные эффекты с голографическим чудом. Господин Ставков материализовался из живых букв и сказал:

– Хотите выиграть? Делайте ставки на «Космобет»! Загляните к нам на сайт прямо сейчас, чтобы увидеть наши вкусные куши! Мы не жадные! Ставьте быстрее, осталось всего пять минут!

В Тишиглуши Энграф открыл свой ноутбук.

– Что ты делаешь? – спросил Шприц.

Энграф прильнул к экрану и ответил:

– Ты смотри, если поставить на Адама тысячу, дадут сто тысяч! Поверить не могу…

Питирим нахмурился:

– Нельзя ставить на него! Не брызгайся деньгами!

Энграф неопределенно крутил головой…

Тем временем еще раз взорвались «Люцифериозы», и несколько минут подряд Винт и Болт орали во всю глотку:

Сегодня праздник!

Танцуй, проказник!

Отгремел очередной хит, и Эрнст Перов сказал:

– До этого момента мы держали втайне имя нашего генерального спонсора и благодетеля. Теперь, в этот торжественный миг, настало время открыть секрет. Перед вами человек величайшей доброты и широчайшей души, генеральный спонсор «Платинового Романа Года», тот, кто всегда и везде устраивает настоящее волшебство – господин Златан Золотов!

Под бурные аплодисменты сцена засияла совершенно особыми голографическими эффектами, а Ева возмутилась:

– Вот, что вы от меня скрывали. Знали, что я не соглашусь стоять на сцене рядом с ним...

Зрители восприняли это как шутку, а Энграф удивлялся:

– Вот молодец наш Золотов. Как он все успевает?

Из живых букв очередного светового чуда вышел высокий и грузный бизнесмен. Ева всячески показывала, что дуется на него. Он же нарочито встал рядом с ней, отдышался и сказал:

– «Гранд Арена», привет! Я с детства любил читать книги. Вот у меня появилась возможность сделать подарок писателям и читателям! Как я мог отказаться? Вам нравится это шоу?

Народ ликовал.

– Я рад! Сегодня будет очень много подарков!

На сцену вышли две девицы в купальниках с большими корзинами.

Златан сказал:

– Для начала презенты для господина Перова и для господина Ставкова! По бутылке виски «Бриз Золотова» десятилетней выдержки, фирменная колбаса Золотова и уникальная оздоровительная ряженка Золотова! Пейте виски, закусывайте колбасой, наслаждайтесь ряженкой и будете здоровы!

Ева бросила на Золотова взгляд, полный ненависти, и сказала:

– Не сомневалась, что твои подарки кончаются на мне...

Золотов посмотрел на нее с вожделением, достал из кармана конверт и ответил:

– Для тебя, дорогая, особый сюрприз! Приглашение на бал у президента Франции. Поезжай со мной прямо сегодня вечером! Нас ждет мой личный самолет!

Ева с презрением посмотрела на Золотова и выпалила:

– Захотел принести публичные извинения? Я тебе устрою паблисити... Никуда не поеду с

тобой... Уже наездилась. Найди другую дурочку! Тебе дизлайк от меня и палец вниз!

Зрители смеялись, а Золотов сделал обиженное лицо, убрал конверт обратно в карман и сказал:

– Как скажете...

Хестон занервничал:

– Этого не было в сценарии...

Ассистентка ответила:

– У них какая-то лав стори…

Хестон задумался:

– Ради этого Золотов спонсировал этот маскарад?

Ассистентка сказала:

– Пригласил бы меня... Я бы махнула на президентское парти хоть в Африку.

Ситуацию разрядил Эрнст Перов. Он достал из кармана желтый конверт и сказал:

– Дамы и господа! Настал миг для вспышки новой литературной звезды. В этом конверте запечатано имя победителя, которого члены жюри выбирали тайным голосованием. Дорогая Ева, ты здесь для того, чтобы вскрыть этот конверт и провозгласить имя лучшего писателя года.

Ева внезапно развеселилась, элегантным движением взяла конверт и кокетливо сказала:

– Это я могу. Люблю возносить мужчин!

Винт, Болт и Молот сделали напряженный музыкальный фон.

Ева не спеша вскрыла конверт и подумала о том, как хорошо досадила Золотову – ее тело приковывает миллион мужских взглядов, пусть смотрят, какую жемчужину упустил этот болотный хмырь!

Но она помнила и то, что Хестон дает крупный план ее длиннющих накладных ногтей с уникальным узором, и грациозно двигала пальчиками.

Наконец, зеленый листочек был извлечен из желтого конверта.

Под барабанную дробь «Люцифериозов» Ева приблизила свои идеально скорректированные губы к микрофону и произнесла:

– Единогласным решением международного жюри…

4. КАК ОГОНЬ

...от нее, как огонь, загорается любовь.

В Тишиглуши, около телевизора, Питирим внезапно побледнел и качнулся.

Энграф испугался:

– Что с тобой?

Шприц бросился проверять пульс и спросил:

– Где болит?

Питирим тяжело дышал.

– Мне плохо, – сказал он, – выключи телевизор, не могу больше это выносить.

Энграф возмутился:

– Как выключить? Сейчас будет интереснее интересного! Прими пилюлю Шприца и успокойся.

Питирим не находил себе места:

– Мой мальчик лучший! Сейчас назовут другого, а я не переживу несправедливость.

Энграф сказал:

– Этот мальчик не только твой! И он уже победитель! Он среди лучших писателей планеты!

Питирим держался за сердце:

– Сейчас назовут имя победителя, и я умру, если это не будет Адам.

Шприц сказал:

– Никто не умрет при мне. Выпей это…

Тем временем Ева на сцене «Гранд Арены» растягивала слова:

– Всемирная премия – «Платиновый роман года» – за лучшую книгу присуждается автору оригинального по сути и впечатляющего по содержанию произведения под названием «Мальчик с красивой ракушкой». Издательство Гутенберг!

Зал взорвался, а Ева заорала:

– Приветствуйте лучшего писателя года! Адам Гуськин из Тишиглуши!

Эрнст Перов закричал:

– Ура победителю!

Хестон завопил:

– Что?!! Вешалка?! Чтоб я… Шит… Дроны и камы, все пошли на него… Вешалку мне на большой экран!

Наконец, со второй или третьей попытки, операторы поймали Гуськина.

Питирим в Тишиглуши запил пилюлю водой и… свалился со стула.

Энграф подпрыгнул от радости, но увидев почерневшего Питирима, тупо спросил:

– Он чего?

Шприц уже делал Питириму массаж сердца и кричал:

– Вызывай скорую!

Тем временем в «Гранд Арене» Адам совсем потерял адекватное мировосприятие. Он озирался, как индюк, и часто моргал глазами… Наверное, он так и остался бы парализованным, если бы не крестный. Забыв о всех правилах, Боргес перескочил через ограждения ложи, растолкал обалдевших романистов и начал трясти Адама:

– Ты лучший писатель в мире! А я крестный и твой издатель! Наша книга победила! Да очнись ты!!! Вперед, на сцену!

– На сцену приглашаю уже великого писателя, Адама Гуськина, – продолжала вопить Ева, но вместе с тем не могла скрыть недоумение...

Эрнст кричал:

– Я с нетерпением жду чести пожать руку новому кумиру миллионов!

Подталкиваемый Боргесом Адам, наконец, поплелся к сцене. Он неуклюже поправлял висевший на нем свадебный смокинг и, поднявшись на

сцену, позорно споткнулся. Ему помог Эрнст и поставил его рядом с Евой, которая смотрела на него с отвращением.

Фанфары «Люцифериозов» замолкли, и тут Адама поразила новая беда. Внезапно обнаружилось, что он околдован узором накладных ногтей Евы, не может оторвать взгляд от ее элегантно скорректированных губ, и очарован ее вульгарными накладными ресницами.

Она продолжала вопить:

– Не скрою, я удивлена... Но... Новой мировой мега-звездой стал тишиглушинец Адам Гуськин!

Сумасшедшие световые спецэффекты еще сильнее вскружили Адаму голову, все у него перемешалось. Он таращился на Еву и уже ничего не видел, кроме ее ослепительной красоты.

Ева, как опытная женщина, сразу поняла, что невзначай подцепила жалкого неудачника. При любых других обстоятельствах она бы отшила его за секунду, но теперь обстоятельства вынуждали терпеть.

Эрнст кричал в микрофон:

– На наших глазах разворачивается чудо! Совершенно неизвестный писатель стал лучшим на планете и стоит рядом с самой прекрасной девушкой!

Поздравляю, мой мальчик!

Адаму трясли руку, обнимали, а он вообще выпал из сценария, куда его надо было как-нибудь вернуть, поэтому Ева шепнула:

– Очнись, чудик! Тебе надо сказать что-нибудь умненькое. Планета ждет тебя…

Зал затих, потухли фейерверки, отключились голографические лампы, и все камеры взяли Адама. Но никакая камера не могла передать вулканы его души.

Не отдавая себе отчет в своих поступках, он сказал:

– Моя книга... эээ... документальный роман о Ньютоне... эээ... история великого успеха... Яблоко упало и… эээ…

Внезапно он сорвался, из глаз у него непроизвольно хлынули слезы, и он закричал:

– Ева... Я тебя люблю!

Овации сотрясли зал.

Хестон орал:

– Слезы крупно! На экран!

Ева таращилась на него с удивлением и думала, что этого еще ей не хватало...

Она выхватила микрофон из его рук и сказала:

– А сейчас «Люцифериозы»!

Грянул очередной гром.
Винт и Болт кричали вместе.

Сожми кулак,
Ты не дурак!
Открой глаза,
Прошла гроза!

Под конец с потолка посыпалось море конфетти, и Эрнст сказал:

– Настало время для самого главного, самого неожиданного и самого удивительного сюрприза! Его нам подготовил наш волшебник господин Златан Золотов!

Зажглись все огни, перевернулась страница книги, и под взрыв фейерверка вперед выступил бизнесмен.

Он пожал руку Адаму и сказал:

– У меня щедрый подарок! Как всегда… Наша щедрость – это щедрость тех, кто любит мою продукцию. Кто попивает Бриз Золотова, закусывает колбасками Золотова и завтракает ряженкой Золотова… Итак, фонд Златана Золотова награждает каждого писателя, который вошел в шорт лист, де-

нежным призом в десять тысяч долларов!

Хестон заорал:

– Писательскую ложу мне в кадр!

Шокированные романисты прыгали и обнимались, как безумные, а народ кричал, свистел, аплодировал.

Минуту спустя волна стихла, и тогда Златан сказал:

– Но у нас есть и главный приз победителю!

Он достал из кармана конверт, показал его всем и выкрикнул:

– Лучшему писателю планеты, господину Адаму Гуськину, от всех любителей продукции Золотова и от меня лично… Чек на один миллион долларов!

Зал ахнул…

Ева разинула рот, застыла в изумлении и почувствовала резкое изменение внутри себя.

Неожиданно в ней появились очень теплые чувства к чудику. Всего за какую-то миллисекунду в ее накрашенных глазах Адам вырос из вешалки до суперуспешного красавчика с великим финансовым будущим! От этой трансформации у нее перехватило дух, и она долго не могла выдохнуть.

Тем временем Шприц откачивал Питирима и…

Откачал…

Питирим ожил и присел.

– Слава Богу! – воскликнул Энграф.

Шприц спросил:

– Как ты?

Питирим огляделся:

– Что происходит?

Энграф тяжело дышал от волнения и еле выговорил:

– Сказка волшебнее волшебной! Адаму только что презентовали миллион долларов в конверте…

Питирим повертел глазами: «Какой я подонок… Мальчик пошел своим путем… Но исполнил мою мечту», – вдруг опять почернел и свалился.

Шприц закричал:

– Энграф, беги в поликлинику и тащи дефибриллятор… Ему опять плохо…

В это время в «Гранд Арене» Ева совладала со своим дыханием, кинулась к Адаму, повисла у него на шее и, поцеловав его в щеку, шепнула:

– Про любовь поговорим на автерпарти…

У Адама безумно кружилась голова… Его трясли, обнимали, тискали, а он не мог оторвать взгляд от Евы.

В какой-то момент он увидел, что она напряжен-

но разговаривала с Золотовым. Их общение закончилось тем, что Золотов разозлился, порвал приглашение на бал и быстрым шагом покинул сцену.

Тут Эрнст напомнил Еве, что надо завершать шоу, и она завопила в микрофон:

– Лучшие в мире «Люцифериозы» – финальный сингл в честь новой сияющей мегазвезды!

Адам пришел на «Гранд Арену» вешалкой, затем стал чудиком, но в конце покидал праздник лучшим романистом планеты и миллионером. На него были направлены завистливые взгляды остальных претендентов и вожделенные взоры девушек, которым свадебный смокинг казался уже изящным.

От этого безумия его спас крестный.

Он усадил Адама в свою машину и сказал:

– Да здравствует новая легенда!

5. ВОЖДЕЛЕНИЕ

Не дай мне возношения очей

и вожделение отврати от меня.

На заднем кресле широкой машины Боргеса Адам немного успокоился и спросил:

– Это не сон?

Боргес ответил весело:

– Да, это твой сон! И его видят миллионы! Включая меня.

Водитель проскочил сквозь толпу возбужденных зрителей и по приказу Боргеса направился к нему домой.

– Надо позвонить папе! – сказал Адам.

– Я его наберу, – отозвался Боргес.

Мобильный Питирима долго не отвечал.

Наконец раздался голос Шприца.

– Здравствуйте.

– Говорит Боргес, по поручению лучшего писателя планеты! Мы хотели бы поговорить с Питиримом.

Шприц сделал паузу и ответил не совсем уверенно:

– Знаете, сейчас он не может говорить…

– Почему?

– Он... мокрый…

Адам удивился:

– Как?

– На радостях Энграф облил его шампанским из бутылки и… Он перезвонит чуть позже, когда высохнет… Адам, поздравляю с победой. Когда приедешь?

Адам ответил:

– Выезжаю утром. Позови Энграфа.

Шприц опять запнулся и ответил:

– Он тоже мокрый…

На этом разговор был окончен.

Боргес сказал:

– Не удивительно, если отец и дядя на радостях обливаются шампанским! Правда, ничего оригинального в этом нет.

Адам не представлял, что в этот миг триумфа его отец лежит мертвым перед телевизором, а врачи скорой помощи безуспешно пытаются его реанимировать.

Шприц отложил телефон и сказал:

– Не умею врать. Надо было сказать правду.

Энграф ломал руки от волнения и причитал:

– Питирим, брат мой! Услышь нас! Ты не можешь умереть в день счастья. Сейчас Адам счастливее счастливого! Он стал лучшим и… Ну, хватит тебе. Твоя шутка затянулась. Вставай уже!..

Тем временем Боргес привез Адама в свой новый роскошный особняк, стилизованный под футуристический космический корабль.

Адам поражался, а Боргес начал командовал:

– Нас ждет грандиозная вечеринка, где ты обязан сиять. А это значит, что мне надо поработать над твоим имиджем. Смокинг на тремпеле не к лицу лучшему писателю года.

– Тремпель, это что? – спросил Адам.

– Вешалка, – ответил Боргес.

– Но, крестный, ты же сам подарил этот смокинг отцу. Твой подарок должен быть модным и стильным.

– Дорогой Адам, этот костюм старше тебя, а стиль и мода изменчивы. Теперь тебе подойдет что-то миксовое, возможно, спорт и кежуал гламур. Точно! Подберу тебе брюки классического кроя из джерси и трикотажный пиджак.

Адам удивился:

– Мы пойдем в магазин одежды?

– Нет, мой мальчик. Ты пойдешь в ванну, остальное я беру на себя. Заказ доставят сюда. Обещаю сделать из тебя блистательного писателя–модника.

Час спустя Адам вышел в новом наряде, и Боргес воскликнул:

– Совсем другой человек! Едем веселиться в Афросиниан.

– Что это? – Спросил Адам.

– Лучший ночной клуб в городе. Именно там Златан Золотов заказал пышную вечеринку.

– Ева будет там?

Боргес с подозрением посмотрел на Адама и ответил:

– Не западай на эту опасную женщину.

В дороге Боргес начал обсуждать планы на будущее:

– Волна восхищения Ньютоном продлится примерно полгода. К тому времени мы должны издать твою новую книгу и устроить презентацию. Это станет очередным бестселлером! Ты теперь безумно богат, и работать тебе особо не нужно, но ты же хочешь писать дальше?

Адам ответил:

– Не могу не писать!

Боргес одобрительно кивнул:

– Тогда я тебе обеспечу еще больший успех! Есть идея следующей книги?

– Хочу написать о Платоне.

– Очень стильно! Ньютон, за ним Платон. Я продумаю экстравагантную обложку. Однако оставим дела на завтра! Тем более, мы уже приехали.

Журналисты у входа Афросиниана пришли в возбуждение и набросились на Адама. На помощь пришел охранник клуба.

– Меня зовут Мамонт, – сказал он и ловко растолкал толпу, – возьмите программу на вечер.

Минуту спустя они уже были в огромном зале с празднично накрытыми столами. Посередине возвышалась полукруглая сцена для выступлений. Боргес бегло просмотрел программу и сказал:

– Ты смотри! Нас будут развлекать экстрим-метал группы – «Обманчивая Химера», «Черная Кровь» и «Мозги Свело».

– Что за названия?! – удивился Адам.

Боргес добавил:

– Хотя позже обещают и самих «Люцифериo-

зов». Но ты не переживай, музыкой лишь заполняются паузы. Речь будут толкать Эрнст Перов, все авторы из шорт листа, известные актеры, предприниматели и политики. Твое слово как самого почетного писателя – в конце. Так что раньше времени не напивайся…

Все хотели сфотографироваться с Адамом, а он искал Еву.

Наконец, появилась и она…

Адаму показалось, что в зале клуба стало светлее, и у него отвисла челюсть.

На Еве было еще более откровенное платье, и ее сопровождала подружка-модель. Вокруг очаровательных девушек немедленно собралась толпа мужчин.

Боргес заметил взгляд Адама и сказал:

– Настойчиво советую держаться от них подальше…

Но он не услышал крестного.

Она притягивала, как очень сильный магнит и…

Сама пошла к нему навстречу.

Вселенная застыла, время остановилось, и Адам почувствовал себя подвешенным ниточкой к Небу.

Он смотрел на нее зачарованный, она улыбалась и говорила:

– Теперь твой тотал лук адекватнее. Как тебе мой аутфит? Кстати, познакомься: моя лучшая подруга Мадонна.

Мадонна бросилась обниматься и заговорила скороговоркой:

– Никогда еще не обнималась с великим писателем. Сегодня волшебный вечер, чувствую, произойдет чудо. Надо сделать селфи и выложить. Ну-ка, улыбаемся… Отправляю в сториз… Ого! Уже триста лайков и сто репостов…

Ева сказала:

– Мадонна, ты бы выпила пока с кем-нибудь.

– Исчезаю. Но буду поблизости… Зовите!

Мадонна испарилась. Ева ждала, пока Адам что-то скажет, но тот не мог выговорить и слова. Тогда она начала сама:

– Не беспокойся за Мадонну. Здесь сотня мужчин, которые с радостью будут ухаживать за ней. А ты сам не хотел бы предложить мне выпить?

Адам очнулся и сказал:

– Будешь «Бриз Золотова?»

Ева сморщилась:

– От него мозги разжижаются. Лучше джин с

тоником…

Грянул оглушительный гром.

Адам подскочил в испуге:

– Что это?

Ева смеялась и пыталась перекричать музыкальный рев:

– Группа «Обманчивая Химера». Отойдем к стойке. Там потише.

Они пробились к бару, где музыкальный бит ощущался не так сильно.

Устроившись на высоких стульях, Ева спросила:

– На чем мы остановились?

Адам растерялся:

– На чем?

Ева напомнила:

– На сцене ты затронул интересную тему, а я обещала продолжить разговор. Итак, напомни, что ты мне говорил?

Адам засмущался и запнулся на первом же слове.

Ева рассмеялась:

– Ты такой красавчик. Но вначале я так не думала. Представь, я объявляю победителя и думаю, на сцену поднимется самоуверенный стильный романист, а вместо этого вижу: идет секонд хенд вин-

тажный смокинг из гардероба прадедушки. Ты даже не шел, а тащился, спотыкаясь – вот так мизер. Потом вижу, держишь в руках сладкий чек на миллион. Только тогда я, наконец, разглядываю твою чистую душу, которая скрывается под смехотворной оболочкой, и говорю себе – это не чудик, а красавчик! Итак, чемпион, какие у тебя планы на будущее?

Выпив коктейль, Адам немного пришел в себя и ответил:

– Хочу вернуться домой в Тишиглушь и писать следующую книгу.

Ева сказала:

– Гениально! Ничего лучшего ты не мог бы сделать. О чем новая книга?

– О Платоне.

– Супер гениально! Это про дизайнера нижнего белья?

Адам удивился:

– Что?

– Как что? «Платон Холистик» – это новая дизайнерская линейка мужского нижнего белья. Учредитель – Платон Чуркин. Он основал свои модели на волшебной карте эмпатии, которую сам и изобрел, и теперь его трусы и фуфайки нарасхват…

Адам перебил ее:

– Нет, книга о великом греческом философе.

Ева захлопала ресницами и спросила:

– Он есть в Инстаграме?

Адам тоже похлопал ресницами, а Ева поняла, что брякнула не то, и сменила тему:

– Давай сфоткаемся… Люблю спонтанные посты. Будем собирать лайки вместе!

Отправив очередную фотку и порадовавшись нескольким сотням лайков, Ева сказала:

– Даже не знаю, сказать тебе или нет?

Адам был заинтригован:

– Конечно, говори.

– Давай выйдем на улицу. Во-первых, здесь шумно, во-вторых, безумно хочется курить. Сам что куришь?

Адам ответил:

– Ничего не курю.

– Ну, ты ископаемое. Почему не куришь?

– Не знаю.

– А со мной пойти хочешь?

– Конечно.

На улице было спокойно.

Мамонт учтиво поклонился им и встал недалеко, чтобы не мешать, но быть начеку, если

гостям потребуется помощь.

Прислонившись к стене, Ева выпустила дым, наклонилась к Адаму и сказала в полголоса:

– Ты мне нравишься, потому что ты прикольный чудик. Но не знаю, стоит ли мне быть откровенной с тобой?

От близости Евы у Адама кружилась голова, и сердце билось быстрее.

– Да, – ответил он, – ты можешь сказать мне все.

– У меня сейчас сложный период. Меня бросил бывший. Он поступил со мной бесчеловечно и подло, сбежал к своей карге на день рождения, а когда я возмутилась и повысила голос, обвинил меня в том, что я о нем, якобы, не забочусь. Это он должен заботиться обо мне! Я не обязана заботиться ни о ком… Я даже не знаю, что такое забота о других. Знаю одну заботу – это когда обо мне заботятся. Всякую чушь он еще нес, но не важно… Теперь я чувствую себя униженной и разбитой, словно стадо слонов прошлось по мне. И я понимаю, что мне нужно развеяться, поехать куда-нибудь, найти парня для новых отношений. Но тебе, наверное, это сложно понять, ты ведь никогда не был брошенной девушкой?

Адам ответил:

– Я прекрасно тебя понимаю. Писатель должен уметь понимать. Ты говоришь о Золотове?

– Да, мы с ним были парой, но я не хочу больше вспоминать хоррор. В общем, мне надо сменить обстановку, – Ева закурила следующую сигарету и спросила, – могу я быть откровенной дальше?

– Да, конечно.

– Обещаешь быть онест?

– Что?

– Честным будешь со мной?

– Обещаю!

– В общем, я подумала: не хотел бы ты устроить себе творческую командировку и писать свою новую книгу не в Тихой Глуши, а на круизном лайнере?

Адам удивился:

– Я не думал об этом.

Ева сказала с нотками тайны в голосе:

– Я, возможно, не отказалась бы сопровождать тебя.

Глаза у Адама загорелись:

– Ты хочешь поехать со мной?

– Представь, мы в роскошной каюте огромного лайнера, который совершает кругосветное путе-

шествие. У тебя большущий кабинет с видом на бескрайний океан, а я загораю, хожу по спа и попиваю что угодно, только не «Бриз Золотова». Моим постам все завидуют… Ну, как тебе идейка?

Адам воскликнул:

– Я не мог даже мечтать о таком счастье, но…

– У тебя есть «но»?

– Во-первых, меня ждет отец.

Ева пожала плечами:

– Ну, если не позволяют обстоятельства…

Адам поспешил сказать:

– Нет, нет… Я с ним поговорю и, уверен, он будет рад… Он сам мечтал однажды пригласить мою маму в кругосветное путешествие.

– Не пригласил?

– Мама ушла из жизни.

– Мне жаль…

– Но я могу воплотить мечту отца, пригласив тебя! Но…

– Опять «но»?

– Я не знаю, как это осуществить…

Ева рассмеялась:

– Это не проблема! Сложно заработать миллион, а тратить – не вопрос. Мы можем поехать прямо с утра!

Адам широко раскрыл рот.

Если бы он знал, что врачи скорой помощи уже заполняют анкету о смерти Питирима, наверное, все было бы по-другому…

Но он же не знал!

И потому удивлялся и радовался новым возможностям.

– Завтра из Стамбула в кругосветное путешествие отплывает Эдем, – сказала Ева с некоторой интригой в голосе, – это даже не корабль, а восьмое чудо света! На Эдеме есть королевский люкс, где я бы чувствовала себя уютно, а у тебя был бы классный письменный стол с видом на океан. Чтобы эта мечта осуществилась, достаточно взять мобильный, зайти на сайт лайнера и кликнуть на завтрашнее отплытие. Затем надо выбрать себе королевский люкс… Это обойдется в копеечку, но ты же не стеснен в финансах? Во всяком случае, одного миллиона нам, возможно, хватит...

Адам удивился, как все сложилось быстро и просто. Система на сайте Эдема позволила сделать заказ в два клика.

Через минуту из Афросиниан доносился рев группы «Мозги Свело». Они кричали о какой-то черной тени в тумане, и Адаму пришло подтверждение бронирования.

Он удивлялся:

– Это все?

Ева захлопала от радости, попрыгала, обняла Адама, поцеловала его в щеку и закурила очередную сигарету.

– Ты очень много куришь, – сказал Адам.

Она ответила:

– Я всегда курю, когда счастлива! Теперь надо заказать полет до Стамбула. Можно обычным самолетом, но лучше джет. Гулять, так гулять!

Адам тупо улыбнулся и спросил:

– Джет? Как это возможно?

Ева выкинула окурок и ответила:

– Для тебя, красавчик, теперь возможно все! Достаточно взять мобильный…

Пару минут спустя пришло подтверждение бронирования частного самолета.

Ева попрыгала еще и сказала, что теперь надо выпить за путешествие.

Они вернулись к стойке бара и осушили по бокалу.

Потом они танцевали медленный танец и выпили еще.

Потом слушали пламенную речь Эрнста Перова, в которой он благодарил Золотова и хвалил

Адама, и выпили еще.

Потом они слушали выступление группы «Черная Кровь» и выпили еще.

Потом на сцену вызвали Адама, однако внятно изъясняться он уже не мог и что-то мямлил в микрофон. Несмотря на все ему долго аплодировали.

Уже под утро Ева вспомнила, что ей надо собирать вещи, и поспешила домой. На прощание она назвала его сладким чудиком и перед тем, как упорхнуть, сказала:

– Только заезжай за мной на розовой Вогель-флюгель. Это авто моей мечты!

Адам вспомнил, что именно Ева рекламировала этот смехотворный транспорт, который он студентом видел в автосалоне.

Ева исчезла, а к удивленному Адаму подошел Боргес:

– Завязываются амурные дела?

Адам ответил:

– Завтра я еду в кругосветное творческое путешествие!

Боргес удивился:

– Какая она шустрая!

– Я буду писать о Платоне в кабинете с видом на бескрайний океан.

Боргес сказал:

– Берегись акул и женщин! Женщины, кстати, опаснее… Но я тебя отпущу с одним условием – привезешь новую рукопись!

Адам ответил торжественно:

– Обещаю!.. Только я бы хотел купить розовую Вогельфлюгель сейчас.

Боргес развел руками:

– Ночью это невозможно...

Тем временем в Тишиглуши врачи заполнили анкету.

Почерневший Питирим по-прежнему лежал на полу.

Энграф тихо плакал, молился и ставил свечку.

Шприц сказал ему:

– Звони Адаму.

Энграф взялся за телефон, но...

Набрать Адама не успел.

Из-за спины он услышал тяжелый кашель, обернулся и…

Чудо!

Питирим сидел на полу и с удивлением вопрошал:

– Что происходит?

Шприц поперхнулся, а Энграф заорал:

– Питирим! Урааа! Ты мой любимый брат!

У Питирима было бледное лицо, но ответил он бодро:

– А что здесь случилось?

Энграф зарыдал:

– Так ты же умирал… Ты не дышал, у тебя пропал пульс… Мы тебя током били, потом вызвали скорую…

Питирим посмотрел куда-то вдаль и сказал:

– То-то…

Энграф удивился:

– Что значит «то-то»?

Питирим молчал, и казалось, он вглядывался в другое измерение…

– Я путешествовал, – сказал он наконец, – был в каком-то ином, прекрасном мире. Там меня спасал очень странный человек… Он был гораздо больше меня, и у него было… Мне надо все записать!

Тут Питирим вскочил на ноги, но Шприц его остановил:

– Не двигайся! Тебе нельзя!

Питирим возмутился:

– Как это нельзя?! Я должен записать чудесное видение…

В дело включились врачи скорой помощи:

– Ложитесь немедленно! У вас была клиническая смерть!

Но Питирим их не слушал, рвался что-то немедленно записать.

Энграф насильно посадил его на кровать и сказал:

– Успокойся! Я принесу тебе бумагу… Или лучше диктофон. Наговори все, потом расшифруем.

– Дай мой зеленый блокнот…

Энграф воскликнул:

– Зеленый блокнот? Тот самый?!

– Да, скорей!

Энграф понял, что Питирим хочет записать что-то, действительно, важное.

Шприц возмутился:

– Не давай ему ничего, кроме подушки. Ему надо поспать!

Но Энграф не послушался и передал Питириму записную книжку.

После этого Питирим долго писал.

Затем дал себя обследовать.

Ему назначили лечение и приказали не вставать несколько дней.

Врачи скорой убедились, что пульс восстановился, порвали анкету с констатацией летального

исхода, заполнили другую и уехали.

Всю ночь Энграф и Шприц дежурили у постели Питирима.

Он спокойно спал.

Энграф часто вздыхал и приговаривал:

– Как же иногда бывает сложнее сложного. И что странно… Счастье может убивать… Вот Питирим чуть копыта не откинул от счастья.

6. ДЕКОРАЦИЯ СЧАСТЬЯ

И взял Господь человека, которого создал,

и поселил его в саду Эдемском.

Адам шел за Евой и тащил два ее тяжелых розовых чемодана.

Так они вступили на «Эдем».

Это был не корабль, а мегаполис на воде.

На борту им оказали очень почетный прием.

Стюарды забрали багаж, стюардессы обвесили их гирляндами.

К ним навстречу вышел сам капитан корабля:

– Добро пожаловать на «Эдем»! Это рай в океане, а я капитан Кук. Кило-Униформ-Кило.

– Какое кило?.. Что вы сказали? – не понял Адам.

Капитан ответил:

– Я сообщил вам свое имя и разбил его по буквам соответственно морскому праву.

Ева спросила:

– Вы всегда так делаете?

– Только когда хочу подчеркнуть торжествен-

ность момента. Вы самые почетные гости этого плавания. Господин Альфа-Дельта-Альфа-Мике, и госпожа Ехо-Виктор-Альфа, я приветствую вас и желаю счастливого эдемского плавания. Адам и Ева в Эдеме – звучит романтично. На этом корабле я всегда к вашим услугам. Позвольте проводить вас в ваш королевский люкс, а заодно устроить вам небольшой экскурс…

Они шли по восьмому чуду света. Ева визжала от радости. Адам открывал рот от удивления. Кило-Униформ-Кило рассказывал:

– Мой Эдем – это воплощение технического прогресса, высокой роскоши и ослепительного великолепия. Это гигант длиной в пятьсот метров и высотой в тридцатиэтажный дом. Его сердце – самый большой двигатель в мире весом в три тысячи тонн! Я перевожу восемь тысяч пассажиров, и мне подчиняются три тысячи сотрудников. Обратите внимание, интерьер из лучших материалов создавали всемирно известные дизайнеры. В их числе ваш крестный, господин Боргес Гутенберг. Он спроектировал нам библиотеку.

Они шли по настоящим улицам, где были бесчисленные магазины, кафе и рестораны. Это не могло не поражать.

Капитан рассказывал дальше:

– Кроме всего остального, «Эдем» – рай для гурманов. Я вам советую поужинать в «Романтике», где вам подадут равиоли с креветками, а также пообедать в «Крисье», где готовят неописуемый Сен-Жиль-Круа-де-Виль – белый сом с цимбопогоном.

Ева восклицала:

– Цимбопогон слышу впервые, но в «Крисье» хочу. Чудик, пригласишь?

Чудик соглашался, а капитан продолжал хвалить «Эдем»:

– Для спортивной активности тоже много чудес – симулятор для серфинга, тарзанка на высоте пятнадцати палуб, огромный скалодром, ледовый каток и множество бассейнов, несколько из них с настоящим песочным пляжем. Если вы любители спа, то есть уникальные джакузи, лучшие специалисты массажа и изысканные процедуры для омоложения.

Ева радовалась:

– Вот это моя страсть! Красавчик, ты купишь мне все это?

Капитан продолжал:

– Не сомневаюсь, вы будете искать ночные развлечения.

Ева захлопала ресницами:

– Непременно!

– Поражу вас и этим. Караоке и дискотеки, три роскошных казино с индивидуальным столом и личным крупье. А самое главное, наш изумительный концертный зал с уникальной акустикой на две тысячи зрителей. К вашим услугам здесь столик для почетных гостей.

Ева сказала:

– Вот бы увидеть «Люцифериозов» на этой сцене.

Капитан ответил:

– На моем «Эдеме» случаются любые чудеса!

Капитан открыл дверь в их апартаменты, и Адам ахнул:

– Королевский люкс – ваш личный рай площадью 200 квадратных метров. Роскошная гостиная, просторная столовая, уютная кухня и, конечно, королевская спальня. Из ваших огромных окон открывается шикарный вид на весь мой Эдем и на морскую даль. В ванной комнате вы найдете персональный круглосуточный спа с гидромассажным душем. Вам нравится?

Ева воскликнула:

– Не то слово! А где здесь курят? Я сдохну, если

не буду курить.

Капитан нахмурился:

– Только в курилке на нижней палубе.

Ева возмутилась:

– Вы предлагаете мне ходить туда?

Капитан задумался:

– Ну, если вы никому не скажете, то я разрешу вам курить в ванной комнате вашего королевского люкса. Там мощная вентиляция, и детекторы дыма не сработают.

Ева ответила:

– Меня не радует, что вы отправляете меня курить в туалет, но... Так и быть, я вас прощаю. Это ближе, чем нижняя палуба. Бегу курить прямо сейчас! Спасибо, мой капитан!

Ева удалилась, а Адам спросил:

– Где кабинет?

Капитан открыл следующую дверь:

– Вот он! Антикварный дубовый письменный стол в бретонском стиле с бронзовыми накладками и с художественной резьбой. Зо окном открывается вид на океан. Как не почувствовать себя Шекспиром и не написать что-то вроде «чем страсть сильнее, тем печальней бывает у нее конец»! Кажется, я не то процитировал… Располагайтесь и чувствуйте себя как дома! Я пойду го-

товить к отплытию мой Эхо-Дельте-Эхо-Майк. Впереди нас ждет зеркально гладкое море без признаков ряби!

Пока Ева курила, Адам успел посидеть за письменным столом и набрать Питирима, с которым не смог связаться в течение ночи.

В этот раз Питирим ответил сразу:

– Сынок! Ты мой герой!

Адам вздохнул с облегчением:

– Отец, наконец ты ответил! Шприц говорил какую-то глупость про то, что Энграф, якобы облил тебя шампанским, и ты мокрый…

Питирим ответил:

– Я горжусь тобой, и я счастлив! Мне очень жаль, что я не верил в тебя. Прости…

Адам удивился:

– Отец, ты плачешь?

Питирим ответил после длинной паузы:

– Ты прославил нас. Я тебя так люблю!

Адам сказал:

– Я тоже очень люблю тебя!

– Жду твоего возвращения! Ты теперь выдающийся писатель и миллионер! Мой мальчик осуществил свою мечту и не забыл про мою тоже…

Последовала очередная длинная пауза.

Адам сказал:

– Отец, не плачь.

– Я хочу тебя обнять и попросить прощения, что мешал писать. Когда приедешь?

Адам ответил:

– Ты не представляешь, я осуществляю еще одну мечту! Ты всегда хотел пригласить маму в кругосветное путешествие. Так вот, я на громадном корабле, который называется «Эдем». Я отплываю в кругосветное путешествие, сижу за бретонским письменным столом с резьбой и хочу написать здесь новую книгу!

Питирим удивился:

– Какой ты молодец! Но постой… Ты там один?

– Со мной Ева Ресничкина.

– Ого! Вот это сюрприз! Неужели ты скоро сделаешь меня дедушкой?!

– Пока не знаю…

В это время Ева вышла из ванной и окликнула Адама:

– Чудик, ты где?

Адам сказал отцу:

– Мне надо идти. Привет дяде Энграфу.

– Обнимаю и жду!

Адам отключил телефон и ответил Еве:

– Я в кабинете.

Ева зашла и сказала:

– Вот это письменный столище… Садись и покажи, как будешь работать, хочу пост выложить! Всем покажу, как мой гений пишет свой будущий бестселлер. С кем говорил?

– С отцом.

– Старики, старики… Ну, мой красавчик, ты привез меня в рай! Мы будем здесь блаженствовать три месяца! Это целая вечность! Я счастлива! Смотри, уже триста лайков и сто репостов…

Два месяца блаженства пролетели, как один маленький миг.

Они по несколько раз отужинали во всех роскошных ресторанах, перепробовали самые изысканные блюда и дорогие коктейли, наигрались в казино и нагулялись в больших портовых городах, куда заплывал «Эдем». Адам наслаждался тем, что может позволить себе что угодно, уже не считал стоимость всего по стипендии и, вообще, перестал считать деньги.

«Эдем» плыл, продвигался, но книга про Платона стояла.

Адам не смог написать ни строчки.

У него и времени не оставалось.

Ева требовала постоянного внимания к себе, и Адам никак не мог сконцентрироваться, а бретон-

ский «столище» не вдохновлял.

Зато Адам многое узнал о самой Еве.

Однажды, после очередного похода в ночной бар, между ними состоялся очень откровенный разговор.

Ева рассказала о себе:

– В детстве я жила с мамой. Даже не знаю, любила я ее или нет. Как себя помню, отца не было. За мамой постоянно приезжали разные мужчины. Мама приказывала, принуждала, пугала и надолго оставляла одну. Я ее боялась. Наверное, она хотела для меня хорошее, но делала это жестоко. Чем дальше я росла, тем больше она требовала от меня быть красивой, иначе я никому не буду нравиться, и никто не будет обо мне заботиться. Она говорила, что лучший мужчина – это богатый мужчина, который обожает тебя, содержит и заботится. Я сама не знала заботы и… Наверное, Золотов был прав, когда упрекал меня в неумении заботиться о других. Потом я влюбилась в одноклассника. Он был из бедной семьи, и из-за этого мама его ненавидела. А мы мечтали о семье, о детях. Я забеременела, но мама заставила меня сделать аборт. Она кричала: «С бедным не будет счастья! Он о тебе не сможет заботиться!» Она заставила нас расстаться

и отдала меня в школу фотомоделей. Это была ужасная школа, где нас учили ненависти и все ненавидели друг друга. Я пробивалась в жестокой конкуренции и кое-чего добилась. В моей жизни появились богатые мужчины, как желала мама. Но не было любви и никакого счастья. Последний из них бросил меня почти что на твоих глазах. Во мне идет непрекращающаяся война с мамой в себе. Я ее люблю и ненавижу одновременно… Не знаю, когда закончится этот мой внутренний ад? Наверное, поэтому мне нужно постоянно развлекаться.

Наутро ей было стыдно.

– Разоткровенничалась, – сказала она и попросила, – забудь обо всем. Идем веселиться!

Действительно, ей постоянно нужно было отрываться, иначе она начинала скучать и капризничать, тогда Ева требовала от чудика придумать «что-нибудь». Адам искал забавы, но чем дальше, тем труднее они находились. Тогда Ева все чаще хандрила и ныла:

– Красавчик, ты же мужчина! Девочке рядом не должно быть тоскливо. Придумай же что-нибудь!

Наконец, фантазия Адама иссякла, и в очередной раз хандра длилась несколько дней подряд.

Чтобы как-то приподнять ее настроение, Адам решил сделать ей подарок. Он вспомнил, что она мечтала о розовой машине Вогельфлюгель и несмотря на то, что сам по-прежнему считал машину смешной, ему взбрело в голову купить авто с доставкой на корабль и подарить Еве.

Он сходил к капитану Куку, который подмигнул ему и понял с полуслова:

– Для вас ничего невозможного нет! Я помогу вам! Вогельфлюгель доставят прямо сюда, и через пару дней она будет стоять на нашей парковке в трюмах.

Увидев машину, Ева долго прыгала от радости!

После этого они катались на Вогельфлюгель, когда корабль останавливался в больших городах.

Но машины хватило на несколько дней радости.

Затем Ева опять начала хандрить.

Долгие процедуры в массажных салонах все менее удовлетворяли ее.

После многочисленных удовольствий тела, как и можно ожидать, настала черная полоса пресыщения, Ева затосковала по-черному, а Адам впал в отчаяние.

Он начал раздражаться по пустякам и вспом-

нил, что не написал и строчки.

За завтраком Ева жаловалась, что ей опять будет скучно весь день, если Адам не проявит творчество и не придумает ей оригинальные развлечения.

Он ответил:

– Дорогая, мы гуляем уже второй месяц. Я бы хотел, наконец, сконцентрироваться на новой книге, которую обещал издателю.

Ева сделала очень удивленное лицо и спросила:

– Что же тебе мешает? Иди и концентрируйся…

Адам ответил:

– Но я хочу, чтобы ты была счастлива!

Ева усмехнулась:

– Тогда разберись с собой. Ты хочешь концентрироваться или делать девушку счастливой?

Адам сказал:

– И то, и другое вместе.

Она рассмеялась ему в лицо:

– И как ты это видишь? Сидишь за антикварным письменным столом, концентрируешься на дряхлом философе, которого нет даже в соцсетях, а я сижу у твоих ног, фоткаю твои тапки и счастлива?

Адам возмутился:

– Почему так мрачно? Ты могла бы меня вдохновлять!

– Как?

– Не знаю. Мы ехали в творческое путешествие. Я хотел писать, но здесь мы только отрываемся.

– Не говори, что я тебе мешаю.

– Нет, но и не помогаешь!

Ева с удивлением посмотрела на Адама:

– Как я могу тебе помочь? Написать вместо тебя, что ли?

– Не знаю... Ты женщина, а женщина должна знать, как вдохновлять.

Ева засмеялась:

– Шутишь? Я фешониста, а не муза. Я, вообще, ни бум-бум в литературе.

Адам внезапно взорвался:

– В этом вся проблема! У тебя на уме только фотки, лайки, репосты и жеманство. Ты, вообще, читала что-нибудь, кроме комментов на свои посты? За два месяца у тебя даже не возникло желания заглянуть в мою первую книгу дальше обложки.

Ева захлопала ресницами, сделала удивленное лицо и ответила:

– А почему ты сам не прочитал ее мне?

Такая мысль Адаму не приходила в голову, и он спросил:

– А ты бы слушала?

Ева ответила:

– Может быть. Откуда мне знать наперед?

– Может, попробуем?

Ева пожала плечами:

– Давай.

– Начнем прямо после завтрака! Это и будет нашей оригинальной забавой на сегодня.

Она ответила:

– Хорошо. Ты подготовься, а я выкурю сигаретку и вернусь.

Пока она курила, Адам нашел Ньютона и устроился читать.

Ева прилегла и сказала:

– Ну, давай, я готова. Только перед началом сфоткаюсь, как я тебя слушаю… Вот, отправила… Теперь читай мне свою великую книгу. Только открой наугад. Люблю читать со случайного места. С начала как-то скучно.

Адам открыл книгу:

– Вторая глава…

7. МАЛЬЧИК С КРАСИВОЙ РАКУШКОЙ

Второй фрагмент из бестселлера Адама.

В мансарде аптекарского дома Исаак чувствовал себя защищенным. Враждебный мир оставался за дверью, а внутри ощущалось единство с тайным Отцом, который заботливо следил из Занебесных высот. Потому мансарда и была выше к небу. Здесь восход наблюдался на целых семь секунд раньше по сравнению с поверхностью земли!

Каждый раз, возвращаясь сюда, Исаак первым делом каялся за грехи, аккуратно записывая их в специальную «тетрадь грехов». Он считал это действенным способом очищения от прегрешений.

В тот день, подравшись с одноклассниками, он остро ощущал свою вину. Грязь налипала не только на одежду, но проникала глубоко в душу. Оттуда отмывать было намного сложнее. Исаак искренне сожалел о своих гадких поступках и не знал, как быть со своей злостью, которая непроизвольно возникала в ответ на самую незначительную неприязнь.

Не раздеваясь, он сел за стол и взялся записывать:

«Совершил новые грехи: проколол шляпу, украл вишни, спер бутерброд, вероломно набросился на врага».

– Что ты пишешь? – спросила его вошедшая Джейн.

Исаак убрал тетрадь грехов и ответил:

– Ничего…

Джейн сказала:

– Не хочешь, не говори... А я принесла тебе графин с водой, тазик для мытья и мыло. Ты позволишь помочь тебе? Доверь свои грязные вещи мне. Завтра я верну тебе одежду чистой. А пока одень сменную. Советую также вымыть руки и умыться. Однако я чувствую, что тебе надо очистить также душу. Для этого предлагаю рассказать мне правду о том, что сегодня произошло.

Исаак постоял в нерешительности, потом ответил:

– Я подрался со Сторерами.

Джейн сказала:

– Ты же знаешь, они мои племянники и хорошие мальчики.

Исаак выпалил:

– Все только и хотят мне досадить, а Стореры особенно! Я никому не нужен! Меня бросила даже мама.

Джейн сказала:

– Неправда! Мать всегда любит своего ребенка!

– Зачем же она вышла за Барнабу Смита и уехала к нему в Северный Уитэм? Если бы любила, не бросила бы меня с дряхлой бабкой.

– Нельзя злиться на мать.

– А ты бы не злилась?! Я был готов спалить Барнабу Смита.

– Грех такое думать, – ужаснулась Джейн и погрустнела, – а у меня совсем нет мамы. Твоя хотя бы вернулась, а моя оставила меня сиротой. Но я не буду на нее злиться.

Исаак успокоился и ответил:

– Вернулась, когда отчим умер, и привезла троих детей от него, которых она искренне любила в то время, как меня отправляла куда подальше пасти коров и свиней, а когда я возвращался, каждый раз делала строгое лицо и говорила одно: «Исаак, сынок, ты опять заставил ждать свою мать и праздно шатался. Нет, ты не любишь меня…»

Джейн сказала:

– Ты сейчас насмехаешься над мамой, и это мне

не нравится. Успокой свою душу и прости ее. Иначе ты будешь мучаться и совершать гадкие поступки всю жизнь. Вот и сегодня ты пришел к обеду грязный, потому что подрался. Или ты думаешь, что твои одноклассники должны терпеть твое воровство и шпильки?

Исаак сжал губы и ответил:

– Я провинился... Хотел досадить Сторерам. Но они первые обзывали меня. Поэтому я разозлился, нашел в грязи палку и напал на них, использовав хитрость. На войне все средства хороши.

Джейн одарила Исаака милой улыбкой и попросила:

– Успокойся, пожалуйста, очень прошу.

Это подействовало, и он спросил:

– Мистер Кларк сильно меня ругал?

– Даже наоборот. К тебе были благосклонны и думали, как тебе помочь, чтобы ты учился лучше. Ты на самом деле хороший.

Исаак умылся, вытер лицо чистым полотенцем и спросил:

– Ты правда думаешь, что я хороший?

– Да, я именно так и думаю.

– Ты очень добрая, и я хочу тебя отблагодарить!

Джейн ответила:

– Ты и так для меня многое делаешь – столики, чашечки и другие игрушки. Ими я играю с подружками. Ты еще сделал мне коляску на четырех колесах. Я чувствую, что ты меня любишь.

– Мне приятно тебя радовать.

Джейн подумала:

– Тогда мог бы ты соорудить для меня бумажного змея, который умел бы летать.

Исаак просиял:

– С удовольствием! Я точно рассчитаю геометрические параметры, а еще привяжу к хвосту бумажный фонарик, и тогда все подумают, что в ночном небе над Грантемом пролетает комета!

Девочка захлопала в ладоши:

– Гениально!

В дверь постучали, и в мансарду вошел мистер Бабингтон.

– Можно с вами посидеть? – спросил он.

Джейн сказала учтиво:

– Сэр, позвольте вас оставить, так как мне надо позаботиться о грязной одежде Исаака.

Проводив Джейн умилительной улыбкой, Бабингтон устроился на стуле и обратился к Исааку:

– Хочу должным образом представиться. Мое имя Хамфри Бабингтон. Миссис Кларк – моя родная сестра. Я приходской священник, и недавно мне выпала большая честь быть избранным членом совета Тринити колледжа в Кембридже. Ты слышал об этом университете?

– Да, сэр.

– Сегодня я познакомился с твоими механическими устройствами. Признаюсь, это было приятной неожиданностью. Я убедился в твоем интеллектуальном потенциале. Твои водяные и солнечные часы очень надежны. Ты сделал уникальную работающую модель мельницы. Скажи, пожалуйста, почему ты мастеришь эти механизмы?

Исаак ответил:

– Я делаю полезные вещи, чтобы доказать, что я достоин уважения и любви. Я сделал их для Джейн, и теперь она единственная, кто обо мне заботится.

Бабингтон сказал:

– Есть много способов добиться расположения людей. Почему ты выбрал механику?

Исаак ответил:

– Не знаю, сэр. Просто у меня так получается.

– Расскажи, как ты мастерил солнечные часы?

– Сначала я рассчитал движение солнца в моей тетради уравнений. Затем я изготовил и укрепил колышки на стенах и на крыше дома, и часы заработали. Все очень просто.

Господин Бабингтон кивнул:

– Теперь их называют Исааковым циферблатом. Удивительно, что по ним сверяют время.

Исаак пожал плечами:

– Что же тут удивительного? Солнце никогда не свернет со своего пути. Если расчеты верны, то и часы будут показывать правильное время. Я же все рассчитал точно. Кроме того, я еще составил собственный астрономический календарь, где отметил равноденствия и солнцестояния, и еще могу определять точное время по длине теней. Пространство и время взаимосвязаны.

Бабингтон внимательно слушал мальчика и не мог скрыть удивление:

– В тебе ярко выражается эмпирическая и практическая хватка. Ты превратил точные вычисления в полезные устройства. Я вижу в тебе прозорливость в понимании причин и следствий, а также упорство доводить дело до конца. В свои юные годы ты уже стал умелым мастером и отличным расчетчиком. У тебя золотые руки плот-

ника. Это исключительные способности любознательного и сообразительного молодого человека. Скажи мне, пожалуйста, чем еще ты увлекаешься, кроме механики?

Исаак ответил:

– Я читаю книги.

Бабингтон взглянул на полку и спросил:

– Это все твои книги?

– Да!

– Что же у тебя есть?

– Разное. Некоторые из них мало дают. К примеру, Пиндар или «Метаморфозы» Овидия. Вот отличная книга Джона Уилкинса «Математическая магия».

– Ты прочитал их все?

– Да! И сделал выписки в специальных тетрадях по разным интересным областям. К примеру, я выстраиваю алфавитные списки под заголовками «Искусства, ремесла и науки», «Птицы», «Одежды» и так далее. Тем самым, я систематизирую и организую свои знания.

Бабингтон попросил:

– Можно посмотреть одну из твоих тетрадок?

Исаак ответил:

– Возьмите наугад...

Бабингтон выбрал первую попавшую и улыбнулся, увидев название «Тетрадь для всякой чепухи».

Он открыл тетрадь на случайной странице и с улыбкой прочитал вслух:

– «Что есть танцы, как не валяние дурака?»

Исаак спросил серьезно:

– А вы так не считаете?

Бабингтон ответил:

– В тебе явно есть определенные силы. Но чтобы они полностью проявились, тебе надо учиться дальше. Ты чувствуешь такую необходимость?

Исаак ответил:

– Да, я хочу учиться, и я учился, даже когда моя мать принуждала меня продавать урожай. Меня не интересовали ни свиньи, ни овцы, ни садоводство, потому я не подчинялся, капризничал и срывал злость на слугах, а потом уединялся под деревом, чтобы читать или вырезать ножичком деревянные заготовки для своих моделей. Слуги считали меня придурковатым, а мать ругала меня за то, что я терял свиней и лошадей, которых потом долго искали.

– Что же было дальше?

– В дело вмешался мой дядя, Уильям Эйксоу,

который пригласил директора Грантемской школы, господина Стокса, а он уговорил маму отправить меня учиться сюда. Он сказал ей, что нельзя хоронить талант в сельских занятиях, что это будет потерей для всего мира, и предложил ей назначить мне стипендию в размере сорока фунтов в год, если она согласится.

Бабингтон сказал:

– Ты, наверное, должен быть безмерно благодарен как дяде, так и господину Стоксу.

– Да, я им очень признателен.

– Так почему же ты их огорчаешь тем, что твое имя значится на последних местах итогового формуляра?

Исаак опустил голову и уставился в пол.

Бабингтон продолжил:

– Возможно, тебе мешает чрезмерное увлечение механикой, и ты пренебрегаешь более рутинными занятиями?

Исаак молчал, и Бабингтон сказал:

– Я не сомневаюсь, что с твоими способностями ты обставишь кого угодно, если, конечно, пожелаешь. Если ты продвинешься вперед и займешь первое место в табеле, возрастет и уважение к тебе. Твои товарищи поймут, что тебя надо лю-

бить, а не обижать. Мать тоже будет больше любить…

Исаак задумался и спросил:

– Вы думаете, мать, правда, полюбит меня, если я буду хорошо учиться?

– Не сомневаюсь.

Исаак внезапно просиял и воскликнул:

– Мне нравится идея обойти Стореров в учебе…

– И не только их, но и всех остальных учеников класса. Ты полюбишь латинский язык, учение станет твоей душевной потребностью, школьные успехи будут существенны, а первое место в списке учеников для тебя будет вожделенно. Я верю, что ты легко можешь стать лучшим учеником школы, и вижу: в тебе есть дар божий! Используй его, чтобы стать хорошим. А я могу сделать тебе очень заманчивое предложение. В случае, если ты завершишь требуемый курс школьного обучения с отличием, я обязуюсь поспособствовать твоему приему в Тринити колледж в Кембридже, где я, как ты помнишь, являюсь членом совета. Ты мог бы стать моим сайзером. Будешь помогать и тем самым избежишь обычных расходов на обучение. Хочешь стать студентом в Тринити Колледже?

Исаак внезапно загорелся:

– Это очень щедрое предложение. Я благодарен и обещаю взяться за чистописание и превзойти все ожидания господина директора Стокса. Сделаю так, что он будет ставить меня в пример всем остальным.

– Отлично! Но продолжай читать и придумывать модели дальше. Возможно, в один день ты придумаешь модель мироздания и даже докажешь существование Бога математически.

Книга Падения:

Блуждание по раздражениям

1. ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Предводительница Хора Облаков

Поет.

Кони резво облетают
Гор высоких вереницу.
Всадник к Небу направляет
Золотую колесницу.

Хор

Поет.

Наш герой все ближе к Небу,
В мыслях он уж победитель!
Возвратится ли в Энанию
Счастья огонька властитель?

Платон

Йоуранош скакал в колеснице и наслаждался божественными видами, когда внезапно увидел на обочине дороги тело странного существа и остановился.

Йоуранош выходит из колесницы и приближается к лежащему на обочине.

Йоуранош – ликомыслием

Это живое существо?
Маленькое, как дитя.
Он раз в пять меньше моего.
Походит чем-то на меня.

Йоуранош – ликочувствием

О, Боги! Помогите мне!
Переполняют меня чувства!
Какой-то получеловек…
Разрезан кем-то и покусан?

Йоуранош – ликомыслием

Возможно, где-то воевал
И грозного он встретил воина.
Так был разрублен пополам
Он саблей острой и убойной.

Йоуранош – ликочувствием

Он еле дышит, еле жив
И потерял он половинку.
Где часть себя он позабыл,
И отчего себя покинул?
В нем чувствую родную душу.
Мне хочется ему помочь.

Мне Тоастерий дал микстуру,
сказал, поможет от всего.

Йоуранош – ликомыслием

Где же бутыль? О, вот она!
В светящей сумочке нашлась!
Давай, давай быстрее капну
Ему на губы пару капель!

Йоуранош – ликочувствием

Молю Богов его спасти,
Если на то есть воля свыше…
Микстура действует, встает!
Не дергайся, мой друг, потише...

Странник присел и озирается.

Странник

Вот пейзаж! Какая прелесть!
Какое чудное здесь место!
Все в неземном залито свете,
И даже ветерок божествен!
Но что за чудище я вижу?
О, Боже мой, какой кошмар!
Такой огромный, толстый, круглый.
Кто ты, о, грозный великан?

Какое жуткое уродство!
В нем не одно *лицо*, а два!
И рук две пары, так же ноги…
Смотреть боюсь, хочу бежать!
Ответь мне, чудище, кто ты?
И, вообще, скажи мне, где я?

Йоуранош – *ликомыслием*

Меж нас двоих чудной здесь ты.
Валяешься ни жив ни мертв.
Микстурой вылечил тебя.
Смотри, теперь стоишь, живешь…

Йоуранош – *ликочувствием*

Хоть ты урод и *лилипут*,
Полтела где-то потерял.
Мне кажется, что ты мне друг.
Все о тебе хочу узнать.
Так расскажи, откуда ты?
Что от судьбы и жизни ждешь?
И не сойду я с места прочь,
Пока ты не расскажешь все.

Странник

Я зря боюсь?

Йоуранош – ликомыслием

Конечно, зря!

Странник

Ты так велик!

Йоуранош – ликомыслием

А ты так мал…

Странник

А на тебе есть два лица.

Йоуранош – ликомыслием

А у тебя всего одно…

Странник

Это так невероятно!

Йоуранош – ликомыслием

Пусть будет так, но это факт.
Прими его и расскажи,
как ты сюда, вообще, попал?

Странник

Не помню, видимо, заснул.
Все это грезы, грезы, грезы.

Йоуранош – ликомыслием

А где ты был, когда заснул?

Странник

Мне кажется, был на земле!

Йоуранош – ликочувствием

Не может быть! Там нету жизни!

Йоуранош – ликомыслием

Там все кипит, бурлит и дышит
Горячим дымом ядовитым.

Странник

Нет, нет, не так! Красиво там.
Моря, вершины, облака, туман…
Поля, равнины и лесные кудри,
Животные живут и люди…

Йоуранош – ликочувствием

Ему не только половинку,
Еще и чувства отрубили…

Йоуранош – ликомыслием

Я помню, как-то Тоастерий предрекал: в далеком будущем, когда Земля остынет, охладится, иной народ появится тогда. Другие люди будут жить, вполне отличные от нас. Вот, отличается. Допустим, из будущего он попал…

Странник

А ты, выходит, что, из прошлого на колеснице этой прискакал?

Йоуранош – *ликомыслием*

Я из Энании Поднебесной.

Йоуранош – *ликочувствием*

А кто живет в твоей стране? Народ с одним *ли*цом?

Странник

Зачем нам два? У нас одно *ли*цо – мужское *или* женское, и все…

Йоуранош – *ликомыслием*

Ты женщина?

Странник

Нет, я мужчина! Это очевидно…

Йоуранош – *ликочувствием*

Не мне… Хотя кому-то, может быть… Но ужасает даже мысль мне самому быть, так как ты.

Йоуранош – *ликомыслием*

Это просто невозможно! И этому не быть!

Странник

А как ты, вообще, родился?

Твой папа в твою маму не влюбился?

Йоуранош – ликомыслием

Странно и непонятно говоришь.

Папа? Мама? Этих слов не слышал никогда.

Странник

А как иначе детям жизнь давать?

Йоуранош – ликомыслием

Вот если мне раздуться до конца,

То выделю я из себя мальца.

Странник

А как насчет любви у вас?

Йоуранош – ликомыслием

Что это, вообще, такое? Я не знаю.

Мы лишь хандрим, находимся в печали.

Йоуранош – ликочувствием

Грустим мы часто… Без всяких видимых причин. Так мучает тоска, что умереть хотим.

Йоуранош – ликомыслием

Вот потому я рвусь наверх, на Небеса.
Слава Богу, колесница очень хороша.
К Богам в обитель смело я ворвусь,
Нектар-лекарство счастья разыщу.

Странник

Обращается лицом к небу. Вдохновляется и произносит нараспев.

Чудик странный, добродушный,
Без любви не будет сладко.
Это знает даже глупый,
Лишь в любви находим счастье.
Без любви и обожания
Каждый будет плакать вечно.
Без любви и обожания
Все тоскуют бесконечно.

Йоуранош – ликомыслием

Что такое любовь? Расскажи…

Йоуранош – ликочувствием

Что такое любовь? Покажи…

Йоуранош – *ликомыслием*

Подскажи, как *л*юбовь мне найти?

Йоуранош – *ликочувствием*

Покажи, как народ свой спасти?

Странник

Поэты воспевают *л*юбовь. Я не поэт, но могу прочитать стих. Вспомни*л*, Слушай Руставели.

Странник опять вдохновляется и произносит.

Есть *л*юбовь высоких духом,
Отблеск высшего начала.
Чтобы дать о ней понятье,
Языка земного мало.
Дар небес – она нередко
Нас, *л*юдей, преобража*л*а
И терза*л*а тех несчастных,
Чья душа ее взалка*л*а.

Йоуранош – *ликомыслием*

Странник, что ты мне читаешь?
Странно завораживаешь.

Йоуранош – *ликочувствием*

И о чем твой стих чудесный?
Действуешь, будто кудесник.

Йоуранош – ликомыслием

Высоки твои частоты,
Суть, однако, ускользает.

Йоуранош – ликочувствием

Я умом не постигаю…
Что-то душу озаряет.

Странник

Продолжает читать с вдохновением.

Объяснить ее не в силах
Ни мудрец, ни чародей.
Понапрасну пустословы
Утомляют слух людей.
Но и тот, кто предан плоти,
Подражать стремится ей,
Если он вдали страдает
От возлюбленной своей.

Йоуранош – ликомыслием

Мысль твою хочу понять я,
Но смекалки не хватает.

Йоуранош – ликочувствием

Речь твою не постигаю,

Только песня слух ласкает.

Йоуранош – ликомыслием

Ты любовь воспел прекрасно,
От богов, наверное, слышал.

Йоуранош – ликочувствием

Буду их молить я страстно,
Подарить любовь на милость!

Странник

Продолжает декламацию.

Должен истинно влюбленный
Быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость,
Красноречие и сила,
Он богат, великодушен,
Он всегда исполнен пыла...
Те не в счет, кого природа
Этих доблестей лишила*.

Йоуранош – ликомыслием

Боги благие на Небе

Мне подарят озарение!

Йоуранош – *ликочувствием*

Страсть *любви* душой познаю
Растворюсь в небесном свете.

Йоуранош – *ликомыслием*

И с высоким этим знанием
Я вернусь в свою Энанию!

Йоуранош – *ликочувствием*

Тем *любимому* народу
Я спасенье возвещаю!

Огромный Йоуранош обнимает маленького странника.

Аристофан

Платон, ты волшебник! Заворожен не только твой Йоуранош, но и я!

Платон

После такого воспевания *любви* Странник заплакал. Наверное, он вспомнил что-то свое, а Йоуранош разбирался со своими противоречивыми чувствами, но не находил в себе ничего по-

хожего на любовь. Тогда он решил немедленно продолжить путь выше, к богам. Однако теперь он уже знал, что ему нужно от них. Любовь – вот, что он хотел потребовать от бессмертных богов. В знак благодарности Йоуранош подарил Страннику бутыль микстуры, вскочил в свою колесницу и полетел выше к Небу…

Йоуранош удалился на колеснице.

Странник

Какое чудное видение… Что это было? Не могу понять. Сказка, что ли, воплотилась? Был из мифа персонаж? Вот скачет он по облакам. Что-то не так... О! Болен я… И про любовь стихи сказав, любимую припомнил я… Дай, сделаю еще глоток… Лекарством великан помог.

Пьет.

Что же со мной? Вот заваруха... Мне кажется, что я взлетаю. Вернулись силы, бодрость духа… И я в эфире растворяюсь…

Исчезает. Аристофан смотрит вслед. Задумчив.

Аристофан

Платон, согласно твоему рассказу получается,

что бедный Йоуранош и его бедные соотечественники даже не знали, что такое любовь?! Они не ощущали биение сердца, не чувствовали трепет, не переживали прилив радости, и они никогда не возносились на крыльях любви?! Если так, то неудивительно, что они впадали в печаль и долго и мучительно хандрили. А странник… Кто он? Очевидно, он один из нас. Но как он попал туда, на обочину Небесной дороги?

Платон

Рассказать дальше?

Аристофан

Да, продолжай быстрей!

Платон

А ужин?

Аристофан

Ты кормишь мудростью и вдохновением, а это лучший ужин!

2. ЖАРКАЯ ССОРА

Жаркий спор возжигает огонь,

а жаркая ссора проливает кровь.

Адам завершил чтение главы и обернулся к Еве, но...

Вдохновительница спала с выражением полного безразличия на лице и похрапывала.

Горькая обида и жестокое унижение затмили ему разум.

Как разбивается океанская волна о скалистый берег, так вдребезги разрушилась его мечта, оставив за собой шипящую пену негодования.

Вместо музы перед ним дрыхла капризная кукла.

Тогда он отбросил книгу и вышел в кабинет, где сел за бретонский стол в полном отчаянии.

Он хотел немедленно сбежать с этого капкана развлечений под названием Восьмое чудо света.

Он воображал, как, проснувшись, она обнару-

жит его исчезновение, и они никогда уже не встретятся.

На фоне величественного океанского заката он нервно ходил по кабинету и несмотря на крайнее раздражение решил повременить с исчезновением до ближайшего порта. Возмущаясь с каждым шагом все больше, он мысленно спорил со спящей Евой, в уме требовал от нее стать музой, упорно не видя очевидное – музы обитают на вершине горы Геликон, ближе к миру вечных идей, где они поют гимны бессмертным богам и не стремятся в ресторан «Романтика» за равиоли с креветками после целого дня спа-процедур.

Как часто бывает в мире иллюзий, Адам решил успокоить себя алкоголем и набрал номер бара.

Тут проснулась Ева:

– Красавчик, пусть принесут мне джин с тоником, – сказала она сонным голосом.

Раздражение полыхало внутри Адама, но он подавил чувства и выполнил ее просьбу.

Бармен, как обычно, принял заказ и после непонятной паузы сказал растерянно:

– Простите, господин Гуськин, система сообщает о нехватке средств на вашем счете.

Адам возмутился:

– Что за чушь?! Я миллионер!

Тем временем Ева поднялась с постели, подсела к Адаму и спросила с некоторой тревогой:

– Пранк какой-то? Запусти приложение в телефоне и сам проверь.

Адам не заглядывал в эту программу после того, как на его счет был зачислен миллион от Золотова. Теперь он прильнул к экрану и остолбенел. Там был большой ноль.

Ева возмутилась:

– Ты промотал миллион?!

Адам сорвался и закричал:

– Я промотал?! Ты смотри на эти расходы! Семьдесят тысяч на спа процедуры, сто тридцать тысяч на выпивку, двести тысяч на рестораны и столько же на казино. Наконец, твоя тупая Вогельфлюгель... На твое непробиваемое уныние не хватит всех денег мира.

Ева влепила Адаму пощечину и заорала:

– Идиот! Рядом с таким козлом, как ты, нельзя не быть унылой! Я не тратила твоих денег! Посмотри на себя! Даже веселую книгу не можешь написать – нагоняешь чтением скуку.

В ответ Адам взорвался.

Он ругал, оскорблял и поносил ее.

Она орала в ответ и била его по лицу.

Они озверели.

Он бежал за ней, чтобы схватить ее за волосы.

Она бросала в него все, что попадало в руки.

Вполне могла случиться трагедия, но их спас звонок в дверь…

Ева бросила на пол графин, который хотела запустить в Адама, и заперлась в ванной комнате с сигаретами, а он потащился открывать.

На пороге стоял улыбающийся Кило-Униформ-Кило с двумя бутылками дорогих напитков на подносе. Он сказал:

– Вижу, в вашем море громоздятся волны, срываются гребни, и пена ложится полосами по ветру. Но после каждого шторма будет штиль, и все успокоится... Бармен сообщил мне о ваших

финансовых затруднениях. Не сомневаюсь, скоро вы разберетесь с банком, а пока примите наш комплимент – «Бриз Золотова» для вас и джин для Евы. Позвольте поднять вместе с вами бокал за ваше скорейшее примирение.

Не дожидаясь ответа, капитан вошел, ловко открыл «Бриз Золотова», налил два стакана и, чокнувшись с Адамом, сказал тихим голосом:

– Не переживайте. Девушки быстро отходят. Выпейте и наслаждайтесь жизнью! Желаю вам штиля.

Адам жадно осушил бокал.

Тогда капитан налил ему еще и сказал:

– К сожалению, меня зовут капитанские обязанности. Ваше здоровье!

Кук удалился, а Адаму полегчало.

Злость и раздражение задыхались в алкоголе.

Вернулась Ева и удивилась:

– Ого, мне подарили джин? С чего бы это? Сделай мне коктейль, пожалуйста.

Адам выполнил просьбу.

Она выпила глоток и сказала ласково:

– Красавчик, я тебя обидела, прости. Не будем ссориться.

Адам ответил:

– Что сказать отцу? Его убьет новость о том, что мы все пустили на ветер! Не знаю, как быть дальше? Я в отчаянии.

Ева возразила:

– Не мы, дорогой, а ты. У меня в жизни не было миллиона, и я не могла ничего пускать на ветер. Не впутывай меня в это. А совет могу дать. Бери кредит.

– Как потом возвращать?

Ева пожала плечами:

– А я откуда знаю? Ты мужчина.

Адам вздохнул:

– Не надо было бросать финансовый. Доучился бы, знал бы, как экономить. Теперь я умею только писать… И я зря потерял два месяца. Думал, ты будешь вдохновлять...

Адам запнулся на полуслове. Что-то его кольнуло в животе, и он с подозрением посмотрел на «Бриз».

А Ева ответила:

– Не будь тупым! Я фешониста с хай-класс подиумом и экспенс билбордами в портфолио. Я не умею быть музой романиста-лузера...

Адам с недоумением посмотрел на Еву, а она почувствовала, что брякнула лишнее, но внезапно решилась на что-то смелое и сказала:

– Лучше я тебе открою жестокую правду: премию ты не заслужил, а получил только благодаря Эрнсту Перову, который тайно признался мне, что выбрал твою никудышную книгу только ради того, чтобы поставить тебя в пример другим начинающим неудачникам в литературе.

У Адама перехватило дыхание. То ли от ужасной новости, то ли от «Бриза»...

Он с трудом выдохнул и сказал:

– Не может быть...

Ева усмехнулась:

– Никак... Эрнст – деловой человек. Сделав тебя победителем, он провернул какую-то аферу со ставками вместе с букмекерской конторой Ставкова. Будь уверен: они отлично заработали. Очнись, наконец, брось писать, найди кредит и новое заня-

тие. Однако теперь меня интересует другое… Как ты собираешься дальше обеспечивать мое благосостояние?

Разбитый и подавленный Адам пробормотал:

– Какая ты жестокая… Никакого сострадания и заботы...

Ева парировала:

– Ты прав. У меня лишь селфи-сострадание, каждый должен заботиться о себе. Никто тебе не поможет, если ты сам себе не поможешь.

Адам еле дышал:

– Я думал, ты любила меня…

Ева похлопала ресницами и ответила:

– Перестань шеймить меня. Кроме любви, красавчик, мне нужна хай-класс жизнь и дрифтинг в роскоши, но никак не претензии от мужчины. Этот разговор мне надоел. Пройдусь по палубе, а ты пока найди следующий миллиончик. Гламур нужен и тебе тоже.

Адам вспыхнул и крикнул ей вдогонку:

– Иди на палубу, ищи нового спонсора…

В ответ она хлопнула сначала дверью, а затем – два раза ресницами.

Адам опять почувствовал режущую боль в желудке, алкоголь сильно ударил в голову, и он окончательно взбесился. В ярости он раскидал мебель, швырнул стулья в телевизор, разбросал одеяла, разбил бутылку о стену и… свалился на кровать, где разрыдался. Отчаяние лило из него горькими слезами, пока подушка не промокла насквозь. Это немного помогло выплеснуть вулканические эмоции и…

Потом стало совсем плохо. Он почувствовал приступ рвоты, попытался встать, чтобы дотащиться до ванной, но потерял равновесие и свалился на пол.

Прямо за иллюминатором пролетел вертолет.

– Уже галлюцинирую? – пробормотал он и плавно выпал из реальности.

3. ВИДЕНИЕ И СЛОВО

Вникни в слово и уразумей видение.

После приступа Питирим целыми днями хотел спать, с трудом поднимал голову с подушки и еле вставал.

Очередной раз проверив пульс, Шприц сказал:

– У него гиперсомния, болезнь сонливости. Нарушена функция мозга, что-то в лимбических или гипоталламических структурах. Нужно выписывать психостимуляторы.

Энграф отвечал:

– Чем дальше, тем страннее он себя ведет. Говорит чуднее чудного. Я очень переживаю за него.

– Я бы перевел его в стационар.

О лечебнице Питирим не хотел даже слышать. За ним ухаживал Энграф – кормил его, подолгу сидел у кровати и, наконец, перенес редакцию «Тишиглушинской Зари» в его спальню.

Но болезнь прогрессировала.

Энграф умолял:

– Хватит тебе спать! Встань, пройдемся, весна на улице, отличная погода.

Питирим огрызался:

– Не хочу. Я жду Адама.

– Но какой смысл ждать его в постели? Ты болен. Давай полечимся в центральной лечебнице. Там красивые санитарки, хорошие врачи, выйдешь оттуда, как новенький…

– Нет! Встану, когда вернется Адам. Он сейчас пишет свою новую книгу про Платона. Думаю, почти дописал. Он такой молодец! Привезет с собой прекрасную жену, и скоро в яблоневом саду будет бегать мой внук. Возможно, Адам пожелает купить дом на берегу океана. Поеду, если позовут. А в лечебницу не поеду.

Однажды Энграф спросил:

– Что ты увидел, когда тебе стало плохо? Ты все записывал, но мне не рассказал.

Питирим ответил:

– Я не хочу это обсуждать.

– Почему? Я же твой друг.

– Нет! – твердо сказал Питирим, – записи только для Адама… Не смей брать!

– Мне обидно, когда ты что-то скрываешь от меня.

Питирим сжал губы, но внезапно решил признаться и сказал:

– Хорошо, только не смей никому говорить!

– Могила темнее темной...

– Я путешествовал в дивный потусторонний мир. Я все описал для того, чтобы Адам использовал это в будущем романе. Уверен, ему пригодится. Сам я ничего не создал. Но Адам – творец! И мой материал ему поможет написать еще одну выдающуюся книгу! А не встаю я потому, что боюсь пропустить следующее видение… Чувствую, надо быть всегда наготове.

4. ЯБЛОКО

Змей обольстил меня, и я ела...

Возмущенно хлопнув дверью и ресницами, Ева вышла на верхнюю палубу, чтобы на свежем воздухе показать вселенной глубину своих оскорбленных чувств. Она села на лавочку лицом к океану, спиной к людям и решила, что это наилучший язык тела для передачи своего унижения.

Однако на палубе было пусто, и тогда она насупила брови, сделала селфи, опубликовала и приписала «батхерт». Бегло просмотрев комменты, она отложила мобильный, посмотрела на бескрайний океан и задумалась о своей тяжелой жизни. Морские волны и закат гипнотизировали, и ей показалось, что в океане отражается ее измученная душа.

Это море, гладкое, спокойное и красивое на поверхности, было переполнено опасными морскими существами в глубине. Так же и ее внутренний мир, внешне красиво причесанный, кишел страш-

ными глубоководными монстрами. Они не всплывали, но мутили подсознание и все подчинялись одному чудовищу – большому осьминогу, который покрывал собой бескрайнее океанское дно. Когда осьминогу что-то не нравилось, он беспокоился и беспорядочно махал щупальцами, что вызывало зыбь и барашки. Однако он мог разбушеваться без всякого повода и вызвать цунами, которое грозило разрушить континенты. Наверное, этот страшный осьминог поселился у нее в душе в далеком и давно забытом детстве, а через него проявлялась воля строгой матери. Он возмущался и успокаивался в точности, как мать.

И теперь, в миг оскорбленного достоинства, внутренний осьминог заговорил с глубокого дна на мамин манер:

– Плюнь на дурака, который спустил деньги. Смотри вперед! Найди состоятельного милягу, который обеспечит тебе роскошь и блеск. Ты Мисс Вселенная и должна жить на широкую ногу!

Страшно возражать внутренней маме. Еще страшнее не повиноваться. Тем более, что осьминогу вторили другие ужасные создания, не такие могучие, но тоже очень страшные.

Проснулась большущая рыба-гадюка, темная,

как ночь, с красными глазами и острыми змеиными зубами. Она появилась во время первого конкурса красоты, куда совсем юную Еву принудительно отправила мама. Конкурс спонсировал криминальный авторитет того времени, который сразу положил на Еву глаз, приказал жюри голосовать за нее и сделал ее своей любовницей… Он относился к ней, как к товару, но радовал дорогими подарками, и она поняла, что если уж надо продавать себя, то лучше – подороже. Став Мисс Вселенной, Ева прославилась – о ней писали глянцевые журналы, ей предлагали выгодные контракты.

Однажды она сопровождала спонсора-криминала в казино и, выходя оттуда, стала свидетельницей его убийства… Пули летели над ее головой, криминал умер у нее на глазах.

Было чудом, что она сама осталась цела.

Именно тогда в ее душе родилась рыба-гадюка жадности.

Она никогда не дремала и теперь возвысила голос вслед за осьминогом:

– Да, да! Мисс Вселенная должна купаться в золоте и бриллиантах!

От этого крика проснулась светло-серая химера

со страшными зелеными глазами и острыми клыками. Она дремала рядом с рыбой-гадюкой и появилась в душе Евы, когда она сблизилась с директором итальянского модельного дома. Он был хищником и похитил Еву после какой-то вечеринки. Жадный до славы, он использовал Еву и втянул ее в стремление самовозвеличивания. Вскоре Ева рассталась с итальянцем, но химера осталась, окрепла и теперь включилась в дело, сказав:

– Тебе надо ярко сиять на небосводе, чтобы все тебя замечали и восхищались! Найди того, кто прославит тебя и вознесет!

Осьминог размахивал щупальцами все сильнее, огромные волны поднимались над поверхностью, и внутренний океан Евы волновался все сильнее.

Неожиданно всплыли веселые и улыбчивые дельфины.

Это удивило Еву.

Их раньше не было…

Когда же они появились?

Может, с Адамом?

Да, точно!

Они ничего не боялись и резвились среди огромных волн. Вокруг них вода успокаивалась, и в голове Евы рождались иные мысли. Тогда Ева

решилась даже возразить осьминогу:

– Хватит мне гнаться за богатством и славой. Это не приносит счастья. Мне плохо… Я хочу семью. Адам тоже не против... Мы бы жили в деревне и, возможно, с моей помощью и заботой он станет по-настоящему великим писателем! Может быть, случится чудо, и у нас даже родится ребенок… Я мечтаю быть мамой! Мне надо вернуться к Адаму, попросить у него прощения, помириться и больше не ссориться. Возможно, я никогда не любила так, как люблю теперь его.

Дельфины радовались, прыгали выше и ныряли глубже.

Океан почти полностью успокоился, но осьминог продолжал возмущаться в глубине. В ярости он замахал своими щупальцами, а гадюка вместе с химерой разогнали волны дальше, и океан заштормил.

Дельфины стали слабыми, а Осьминог закричал:

– Любви нет! Любовь – сентиментальная чушь, придуманная слабаками! Все мужчины – подлецы и всегда бросают девушек! Сегодня любит, завтра забудет. Таков закон! Только взаимовыгодная привязанность значима. Иди и ищи немедленно спон-

сора, который обеспечит тебя, пока будете вместе.

Химера напала на дельфинов, угрожая отравить их своим ядом, и они ушли под воду.

Ева вытерла слезу и оглянулась...

Возможно, она неосознанно искала следующего покупателя ее космической красоты и…

Перед ней возник Кило-Униформ-Кило с широкой механической улыбкой на лице.

– Подарите мне пару минут вашего времени, – галантно сказал он.

Гадюка хихикала, химера блаженствовала, а осьминог сомневался:

– Он миллионер?

Ева подумала:

«Я не замечала его страстных взглядов на себе, но это можно легко поправить – достаточно пройтись перед ним подиумным шагом».

После этой мысли недовольные дельфины уплыли далеко за горизонт…

Капитан присел и сказал:

– Хочу вам сообщить, что сегодня вас ожидает особый Сьерра-Униформ-Ромео-Папа-Ромео-Индия-Зулу.

Ева посмотрела на капитана с удивлением:

– Переведите на человеческий.

– Сюрприз!

– Хватит мне сюрпризов на сегодня.

Капитан указал в небо на приближающийся вертолет и сказал:

– Подарок летит к вам! Приглашаю на капитанский мостик. Полюбуемся посадкой.

Пару минут спустя Ева с удивлением проследила за тем, как вертолет приземлился, а капитан объявил по громкой связи на весь «Эдем»:

– Дамы и господа, дети и взрослые, с вами говорит капитан Кук. Я нахожусь на капитанском мостике в компании Евы Ресничкиной, самой прекрасной девушки во вселенной. Только что в «Эдем» прибыл подарок для нее! Подарок порадует и нас. Этот вертолет привез «Люцифериозов», любимую рок-группу Евы! Приходите через час на их концерт!

Ева широко открыла рот, хотела подскочить и завизжать от неожиданной радости, но шок был настолько мощным, что она забыла даже пост выложить.

«Эдем» пришел в безумный восторг.

Дети бегали, как осатаневшие, и орали:

– Урааа! К нам прилетели «Люцифериозы»!

Ева воскликнула:

– Сбылась моя мечта!

Осьминог со дна океана задал вопрос:

– Интересно, а кто оплачивает этот сюрприз? Неужели Кук?

Ева восторженно посмотрела на капитана, а он сказал ей:

– Приглашаю в концертный зал, где для вас заказан самый почетный столик у сцены.

Ева решила проверить капитана, внезапно напустила хмурый взгляд и сказала:

– Я благодарна, но вы знаете, что я должна сходить за Адамом.

Капитан улыбнулся как-то странно и ответил:

– Позвольте, я позабочусь о нем и немедленно отправлю к нему стюарда.

Ева кивнула…

Из вертолета выпрыгнули Винт, Болт и Молот, и весь «Эдем» направился в концертный зал.

Вскоре Ева уже сидела за столиком у сцены, который был накрыт на двоих. Здесь у нее появился порыв сходить за Адамом, но осьминог из глубины заорал:

– Не смей!

Внезапно выплыли дельфины и запели:

– Почему бы нет?! Адам, семья и свет!

Может, она и пошла бы, но... Капитан задержал.

– Шоу начинается! – сказал он ей, выбежал на сцену и закричал в микрофон. – Сейчас нас потрясет. На сцену повалят высокие волны, морская пена полосами будет ложиться по ветру, а гребни будут рассыпаться в брызги. Это все обещает нам любимая вами группа «Люцифериозы»!

Зал взорвался аплодисментами.

Когда они поутихли, капитан сказал:

– Но до их появления я должен представить вам виновника нашего сегодняшнего торжества. Он подарил этот концерт Еве и нам! Встречайте величайшего филантропа мира! Златан Золотов!

На сцену вышел грузный Златан, а Ева захлопала ресницами:

«Вот тебе и Сьерра-Униформ...»

– Да здравствуют все эдемовцы! – закричал филантроп. – Я бороздил моря на своей яхте недалеко от вашего плавающего рая и захотел сделать доброе дело. Я вспомнил, что среди вас моя близкая подруга. Она очень любит «Люцифериозов». Я решил сделать подарок ей, а заодно и вам! Встречайте виновницу нашего праздника! Прекрасная Ева Ресничкина!

Она хотела убежать, но ноги подкосились…

Под аплодисменты Золотов спустился со сцены, а группа начала свое выступление.

Пока Златан шел к ней, Ева решила изобразить ледяную статую и сказала себе: «Не буду двигаться и даже не посмотрю в его сторону».

А он подошел и спросил:

– Можно пришвартоваться, пока рядом с вами пусто?

Статуя лишь пожала плечами, давая понять, что происходящее ее не касается, и что она здесь случайно.

Златан присел и приказал подбежавшему официанту:

– Даме джин с тоником, а мне мой собственный «Бриз»...

Затем он повернулся к Еве:

– Я тоже рад тебя видеть, дорогая.

Статуя решила съязвить:

– Я вовсе не рада.

Златан улыбнулся:

– Не злись на меня. Я пришел помириться.

– Ты поступил со мной бессовестно, жестоко оскорбил и бросил!

Осьминог ликовал и подсказывал: «Все мужчины – подлецы!»

Ева вторила осьминогу:

– Все мужчины – подлецы… Зачем ты меня преследуешь? Сначала появился в «Гранд Арене» с глупым приглашением на какой-то вшивый бал к какому-то вонючему президенту Франции. Теперь ты здесь… Ты вообще знаешь, чего тебе надо?

Златан улыбался:

– Я же сказал, хочу помириться. Кстати, где твой Ромео?

– Я не Джульетта, а он Адам и очень меня любит. И я его люблю! Он лучший писатель планеты, и он сейчас подойдет. Так что ты здесь лишний.

Златан засмеялся:

– Как же лишний? Вы гуляете на мои деньги!

– Не хотел – не давал бы. С чего ты, вообще, расщедрился на писателей? Не твой стиль.

Златан ответил:

– У меня нет от тебя секретов, дорогая. Мне на хвост сели налоговики трех стран. Помощники посоветовали активизировать благотворительность, чтобы иметь плюсы, если прижмут. Они же и решили спонсировать писателей. Ты знаешь, любимая, миллионом больше, миллионом меньше, для меня без разницы.

– Желаю успехов и хочу сказать чао, и я тебе не любимая, потому что у меня разболелась голова, и меня ждет парень.

Златан продолжал улыбаться:

– Я правда хочу тебя вернуть прямо сейчас.

Статуя изобразила ехидну и ответила:

– У тебя своя жизнь, а у меня своя. У тебя бывшая первая, бывшая вторая, теперь жена текущая и везде потомство. А мне не хочется жить с мыслью, что нас где-то застукают твои бывшие, или текущие, или ты сам сбежишь к старухе на день рождения… Ты поступил со мной подло. Помнишь? Оставил меня, как дуру. Я ненавижу тебя и твою яхту!

Златан слушал и улыбался шире:

– Вернись, пожалуйста. Я уже развожусь с женой текущей.

– Никуда я не вернусь к тебе, и ты не купишь меня за «Люцифериозов».

Златан ответил:

– «Люцифериозы» – просто фон. Я предлагаю намного больше!

Златан медленно достал из кармана коробочку и приоткрыл ее.

Ледяная статуя прикидывалась, что никогда в

жизни не посмотрит туда, но химера внутри нее разожгла алчность, она взглянула и сразу же начала таять.

От сверкающих бриллиантов невозможно было оторвать глаз.

Златан пояснил:

– «Колье Людовика»! Украшение из коллекции французских монархов. Непревзойденный шедевр ювелирного искусства! Куплено на Сотбис для тебя. Вернешься ко мне, и оно твое...

Дельфины почувствовали неладное и засуетились.

Осьминог радовался, а Ева сказала не совсем уверенно:

– Я ненавижу твою яхту.

Златан невозмутимо продолжал улыбаться:

– У меня уже новая.

Ева сделала строгое лицо и сказала:

– Нет значит нет!

Златан пожал плечами, медленно закрыл коробку и ответил:

– Как скажешь, королева.

Осьминог замахал щупальцами, океан заволновался, дельфины исчезли под водой, и Ева воскликнула:

– Дай взглянуть еще раз...

Искусный мастер взяток быстро убрал коробку в карман и сказал:

– Иди за мной прямо сейчас и будешь смотреть на это вечно! Я встаю…

Осьминог из глубины приказал – «за ним!»

Ева спросила:

– Я не могу оставить здесь два чемодана модельного прикида с чокер-топами, лампшейдингами и ботильенами.

Золотов ответил:

– Тебя ждет новый гардероб на яхте!

– У меня еще розовая Вогельфлюгель...

– Тебя ждет новая на яхте! И все в твоем вкусе.

Ева тяжело дышала от волнения, и у нее остался последний вопрос:

– А курить на твоей новой яхте можно?

– Королева сама устанавливает правила...

Ева выхватила драгоценность из рук Златана, как хищница, и сказала:

– Ну, веди меня отсюда, наглый красавчик! Мне надоела эта колымага со своей уборной.

Они покидали зал под неразборчивый рев «Люциферизов».

5. БЕДА

Не из праха выходит горе,

и не из земли вырастает беда.

Адам с трудом вернулся в реальность. В глаза ему светили лучи утреннего солнца. Он еле повернул затекшую шею и с удивлением обнаружил себя на полу.

Голова раскалывалась, и он прошептал:

– Что со мной? Ева, дорогая, помоги...

Ответа не последовало.

Он поднялся на ноги.

В королевском люксе творился хаос: мебель была перевернута, белье – разбросано, посуда разбита.

– Что здесь было? – спросил он себя, но память была начисто стерта.

Шатаясь, он направился в ванную и удивился – запах табака выветрился.

Он опять окликнул Еву:

– Ты бросила курить?

Тишина.

Чтобы как-то прийти в себя, Адам облился холодной водой, закутался в банный халат и позвонил Еве.

Мобильный был отключен.

Тогда он написал ей сообщение, решив, что она где-нибудь на спа-процедурах...

Раздался звонок.

Адам поплелся открывать.

В дверях стоял Кило-Униформ-Кило с чашкой горячего кофе на подносе.

– Отрезвляющий напиток для вас! Надеюсь, в душе у вас штиль.

Адам ответил:

– Кофе кстати. Только я в замешательстве. Думаю, вчера перепил, и из головы выпали все подробности. Простите за беспорядок.

– Горничная приберется, – успокоил капитан.

Они сели.

Адам потер лоб, отпил глоток кофе, и память начала к нему странным образом возвращаться:

– Я читал ей книгу, но она заснула, и это меня сильно разозлило.

Капитан сказал:

– Была и другая проблема. У вас закончились

деньги. Возможно, это известие вас поразило, и вы посчитали нужным выпить лишнее.

– Кошмар... Что же было потом?

– Потом у нас был концерт «Люцифериозов». Их на вертолете привез господин Золотов и подарил Еве отличное шоу.

Адам насторожился:

– Здесь был Золотов?

– Да, – ответил капитан и отвел взгляд в сторону.

– А где Ева?

Капитан сморщился и сказал:

– Это, наверное, самый болезненный вопрос, но мой долг – рассказать вам все. Обещайте выслушать меня с достойным спокойствием.

Адам напрягся:

– Не пугайте меня. Что случилось?

– Ева покинула «Эдем» вместе с мистером Золотовым.

Адам долго молчал, не отрывая взгляд от Кука, и тупо спросил:

– Она вернется к обеду?

Капитан отрицательно покачал головой:

– Нет...

– К ужину?

– Вы не поняли. Она отчалила на яхте с господином Золотовым.

Адам удивился:

– Сбежала от меня?

Капитан ответил:

– Если вы предпочитаете такую формулировку, то да!

Адам почувствовал, как к горлу подступил какой-то комок, который внезапно взорвался отчаянным плачем:

– Не может быть... Я потерял все и теперь не знаю, как быть!

Капитан ответил:

– Уверен, вы справитесь. «Эдем» у вас оплачен до конца плавания. Платные услуги будут недоступны, но это не жизненно важно. А девушку советую забыть... Вас могли бы утешить другие женщины. Здесь их много.

– Мне никто не нужен, кроме Евы.

– Настроение изменчиво, как погода в плавании. После шторма в гавани наступает штиль...

Первые дни Адам не мог выйти из королевского люкса – кропил слезами бретонский стол и ноче-

вал под ним. Он пробовал писать, но не смог связать и двух слов.

Ева крепко сидела у него в голове.

Он внезапно обнаружил, что скучает по Питириму и Энграфу, которые с нетерпением ждали его.

Часто с Адамом связывался Боргес, которому Адам солгал и брякнул, что рукопись почти завершена. Потом не смог признаться во лжи. Крестный взял с него слово, что после плавания Адам приедет прямо к нему в гости.

– У меня столько всего нового! И дом мой не узнаешь. Скорее бы тебе показать!

Время от времени он набирал Еву. Телефон по-прежнему был выключен.

Было удивительно, что она не обновляла странички соцсетей и ничего не публиковала.

Адаму казалось, будто Ева дала ему попробовать яблоко познания страсти, и теперь он чувствовал себя голым посередине «Эдема», и ему было стыдно, но Бог не прогонял его.

Он хотел стереть все воспоминания о Еве, но это было невозможно.

Наконец Адам вылез из-под бретонского стола,

сложил вещи Евы в ее розовые чемоданы, вынес их на палубу и выбросил за борт.

Чемоданы тонули медленно, но когда они скрылись под водой, Адаму немного полегчало, и его мысли вернулись к Платону.

Вспыхнула надежда угодить под небесные капли идей.

Скоро пошел дождь, и Адам выбежал на палубу с надеждой, что капли этого дождя принесут ему вдохновение. Он долго стоял под ливнем, промок насквозь, но...

Вода была обычной.

Тогда Адам совсем разочаровался и стал думать о самоубийстве.

Включилась его природная способность воображать, и он живо представил, как бросается с палубы, как его кусает акула, как он задыхается, как ему больно и как мучительно он умирает.

Вот тогда он непременно забудет Еву.

Фантазии увлекали его дальше. Он представил, как спасатели достают его изуродованное тело, как его укладывают в гроб, как отправляют самолетом на родину, однако… В багажном отсеке самолета ему стало очень неуютно и холодно. Чуть позже

он сообразил, что холодно ему будет уже тогда, когда его тело заморозят...

Самым приятным в этих грезах был образ несчастной Евы, которая приходит на его похороны и терзается чувством вины. Адам, как подросток, думал, что его смерть будет ей достойным наказанием.

Он даже выбрал ночь для самоубийства, но в тот день получил сообщение из банка – ему предоставили небольшой кредит. Его планы резко изменились, и он пошел топиться в алкоголе.

Выпивка давала лишь иллюзорное облегчение. Тяжесть возвращалась с похмельем, но к концу путешествия Ева частично все-таки выпала из души.

Наконец, плавание завершилось.

Кило-Униформ-Кило с почтением провожал Адама, благодарил и извинялся, если что не так.

Адам спустился на нижнюю палубу и, как только увидел розовую Вогельфлюгель, все мучительные размышления о Еве разом вернулись к нему. Он бы выбросил ненавистную машину в море, если была бы такая возможность, но...

Надо было как-то добираться до Большого Города.

Адам махнул рукой на терзания внутри себя, сел за руль и неделю спустя остановился перед обновленным домом крестного.

6. ВИНА

Если же я виноват, то убей меня.

Крестный выбежал на порог, обнял Адама, и оба открыли рты от изумления. Адам поражался обновленному дому Боргеса:

– Зачем ты перестроил дом под пещеру?

А Боргес недоумевал по поводу розовой Вогельфлюгель.

– Зачем ты купил машину куклы Барби?

Выразив взаимное удивление, Боргес предложил поговорить за столом и повел Адама в дом.

Они ужинали одни.

Боргес сказал:

– Сначала расскажи ты. Как попутешествовал?

Адам описал свой кругосветный вояж и заключил:

– Несмотря на внешний блеск никакого счастья… Мы были, как Адам и Ева в «Эдеме», которые согрешили, и за это господь изгнал их оттуда с позором.

Внимательно выслушав, Боргес сказал:

– Сказать правду, ничего другого я и не ожидал от этих отношений. Теперь показывай рукопись про Платона. Самое время презентовать новую книгу.

Адам опустил голову, отвел взгляд и ответил:

– Крестный, я виноват... Я лгал о том, что пишу. У меня не было вдохновения. Ведь книгу про Ньютона я увидел под волшебным дождем и не мог не работать. Я тогда лихорадочно переносил небесные мысли на бумагу. Но теперь ничего подобного не было, и я в отчаянии. Рукописи нет.

Боргес был поражен.

Сначала он вскочил и быстро прошелся по комнате.

Затем закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов и, успокоив себя, сказал:

– Раньше я взорвался бы, услышав такое. Но теперь я сильно изменился. Пока ты плавал, во мне произошла глубокая перемена. Ко мне пришла вера и стремление найти связь с Богом. Я немедленно переделал свой дом в пещеру и построил зал для медитации. Там я провожу много времени в молитвах и должен сказать, что это сильно помогает принимать все обстоятельства. Теперь я не в обиде на тебя. Если перед нами возникла трудность, нам надо найти выход. Для начала опишем ситуацию… Ты уехал в творческое плавание, но

вместо творчества случилось твое грехопадение – муза оказалась лишь фешонисткой, а ты превратился в менеджера по ее досугу. А потом она убежала с Золотовым…

Адам поразился:

– Ты знал? Откуда?

Боргес ответил с насмешкой:

– Я нанял лучшего частного сыщика по кличке Жорж, с которым, кстати, дружу. Он следил за вами во время плавания и обо всем мне докладывал…

У Адама отвисла челюсть:

– Правда?

Боргес воскликнул:

– Не тупи! Зачем кого-то нанимать, когда вся желтая пресса только о том и пишет, как Золотов прилетел за Евой в «Эдем» и украл ее у Адама... А на следующее утро интерпол арестовал их прямо на яхте Золотова за неуплату налогов.

Адам воскликнул:

– Кошмар... Где она теперь?!

Боргес махнул рукой:

– Этого не знаю, но она сбежала бы от тебя рано или поздно. Я старался тебя предупредить не связываться с ней, но ты был глух. Теперь, чем быстрее ты забудешь ее, тем лучше для тебя и для тво-

ей работы. А я предлагаю сосредоточиться на главном! Ты намерен продолжить работу над новой книгой?

Адам ответил:

– Да! Я очень хочу…

– Тогда ты должен сделать все возможное, чтобы не повторить ошибку твоего отца. Он купил себе зеленую записную книжку, когда был студентом, но ничего туда не записал. Причина? Вдохновения ждал… Всю жизнь можно ждать… Но вдохновение не птица! Оно не летает само по себе! Оно внутри тебя! Не надо ждать его от беспутной женщины или искать в кругосветном путешествии… Я убедился сам. Во время своих глубоких медитаций я обнаружил, что вдохновение надо искать внутри себя. Там есть открытая дверь связи с высшим миром идей.

Адам повторил с удивлением:

– Внутри нас есть открытая дверь связи с высшим миром идей?

Боргес ответил:

– Да! Нечего ждать! Просто надо создать условия и войти. Все идеи, которые люди «открывали», именно из этого единственного высшего источника. Все книги уже написаны там, все открытия уже сделаны там, все гениальные картины, скульптуры, сооружения уже написаны, изваяны

и выстроены там… Не физически, конечно, идеально. Вдохновляющий дождь, под который ты попал однажды, пролился на тебя не зря и вовсе не случайно. И если ты хочешь вернуть то состояние, если хочешь попасть под тот же ливень, тебе нужно поработать над собой и что-то предпринять. Ничего не изменится, если праздно ждать.

– Как мне быть? – спросил Адам.

– Иди за мной, и я покажу, что делаю.

Они встали, поднялись на верхний этаж, где Боргес показал Адаму пустой зал с одним единственным креслом посередине.

Боргес сказал:

– Это моя комната для сосредоточения. Каждый день я сижу в этом кресле по несколько часов и настраиваю свой мозг, свое сердце и свою душу.

Адам спросил с удивлением:

– Настраиваешь на что?

Боргес ответил:

– Человеческое тело – сложная антенна, настроенная на определенную волну. В зависимости от настроя и приходят идеи небесные или земные. Ты можешь настроить свою антенну на пошлость, и тогда в твою голову будут залетать мысли пошлые. Ты можешь настроить свою антенну на ангелов, и тогда тебя будут освещать

мысли ангельские. Настройся на Платона, и полетят мысли платоновские через капли, или снежинки, или звездопад, или во сне, или в полудреме… Не важно как. Но без настроя никак! Не сомневаюсь, когда на тебя пролился дождь идей, твой мозг был настроен на соответствующую волну. Теперь он настроен на страсть к Еве... Где же место для Платона? Поменяй волну и для начала выкинь Еву из головы!.. Иди, я дам тебе посидеть в моем сакральном кресле. Садись… Мне интересно, что будешь чувствовать.

Адам сел, и по всему телу забегали мурашки.

Он ощутил прилив сил и сказал:

– Мне надо в Тишиглушь. Наверное, только в умиротворении открывается внутренняя дверь в духовный мир беспредельности. Но… Есть одна проблема.

– Что же еще?

Адам горько вздохнул и сказал:

– Одолжи мне немного денег.

Боргес рассмеялся:

– Ты что, шутишь? Полгода назад ты держал в руках чек в один миллион долларов, а теперь просишь взаймы?.. Она высосала все, оставив тебя с пустым кошельком в розовой Вогельфлюгель.

Адаму было очень стыдно:

– Я поступил ужасно.

Боргес сделал несколько глубоких вдохов и сказал:

– Ладно, сделаем так… В долг я тебе давать ничего не буду, однако помогу. Предлагаю подписать договор с моим издательством на твою новую книгу с обязательством сдать рукопись в течение шести месяцев. Тогда издательство немедленно выплатит тебе аванс. На спокойную жизнь в Тишиглуши хватит. Ну как, ты согласен?

Адам ответил:

– Буду работать день и ночь…

– Отлично! – сказал Боргес. – Тогда пойдем отдыхать. Завтра у тебя длинная дорога. Я покажу тебе спальню...

Они вышли из зала.

Адам остановил крестного и спросил:

– Ты правда дружишь с лучшим сыщиком?

– Да. Почему ты спрашиваешь?

– Я подумал… Он не мог бы… В общем, я бы хотел разыскать Еву… Ты сказал, что ее арестовали и, может быть, ей нужна помощь?..

Боргес отчаянно покачал головой:

– Ты не в своем уме... Выкинь ее немедленно из головы! Идем спать!

Скоро Адам остался один в гостевой спальне крестного.

Но заснуть он не мог…

Постоял у окна, походил по комнате, посидел на кровати.

Его не покидали мысли о Еве.

Тогда ему вспомнилась подружка Евы Мадонна, и он написал ей.

«Привет, Мадонна! Ищу Еву. Подскажешь, как с ней связаться?»

Минуту спустя пришло сообщение с номером...

Адама била радостная дрожь...

Он набрался духа и написал Еве:

«Узнал об аресте сегодня от крестного. Могу помочь?»

Последующие пять минут тянулись пять лет.

Адам уже изнемогал от томительного ожидания, как его мобильный щелкнул и засветился – сообщение от Евы…

Она ответила ему коротко:

«Приходи в Афросиниан. Прямо сейчас».

Он вскочил, накинул куртку и вышел из дома на цыпочках, намереваясь увидеть Еву и сказать ей в лицо, что он обижен, оскорблен и унижен.

7. ПРОЩЕНИЕ

Адам припарковал Вогельфлюгель в темном переулке, в ста шагах от главного входа в Афросиниан.

Мамонт сразу узнал его:

– Добро пожаловать! Сегодня у нас играют экстрим рокеры. Повалил народ. Все столики забиты, но я найду вам место у стойки бара.

Адам ответил:

– Я не за музыкой.

Мамонт понимающе кивнул, учтиво приоткрыл дверь и сказал:

– Я читал вашего Ньютона. Книга супер! Но… Мне кажется, что в ней чего-то не хватает?

Адам с трудом пробился к стойке и заказал апельсиновый фреш.

Ева появилась за его спиной внезапно и сказала:

– Привет, чудик. Спасибо, что пришел.

Чудик резко обернулся и сразу почувствовал,

что она как-то сильно изменилась. То ли прическа не та, а может, держалась скромнее, или высокомерия было меньше… Начинать с обид Адаму расхотелось, но ответил он вполне угрюмо:

– Привет…

Она спросила:

– Угостишь? Я тоже буду фреш.

Потом они долго молчали.

Адам не находил слов и вдруг выпалил:

– Ты сбежала с Золотовым! Я страдал…

Она молча кивнула.

Последовала еще одна длинная пауза.

Адам заметил, что она не перечит, как обычно, и, совсем растерявшись, спросил:

– Ты какая-то сама не своя…

Она ответила:

– У меня была вспышка озарения, которая перевернула мое сознание. Я хочу рассказать тебе об этом, но прошу, не упрекай, пока не доскажу.

– Хорошо.

– Благодарю, – ответила она, хотя раньше благодарность была для нее чужда, и начала рассказывать издалека, – я росла с мамой в строгости, а отца даже не знаю. Угодить маме было очень трудно. Я мечтала увидеть ее счастливой, я хотела, что-

бы она больше улыбалась, но не знала, как это сделать… Однажды мы смотрели фильм – миллионер полюбил простую девушку и женился на ней – тогда мама сказала: «Вот она сделала свою мать счастливой…» Мне было около девяти лет, но я помню, как эти слова врезались в мою душу, как гвозди… И я стала воображать миллионера, который полюбит меня и женится на мне. Тогда же я решила учиться сложному искусству обольщения у мамы. Она была очень требовательной, но как только появлялся состоятельный мужчина, она делалась учтивой и ласковой, и искусно прихорашивалась. От нее я усваивала все виды заботы о себе и навык торговли своей красотой. Но как только я подросла, я неожиданно влюбилась в бедного соседского парня и забыла про миллионера. Мы тайно встречались, мечтали пожениться, хотели сбежать. Мама узнала, возмутилась и потребовала немедленно разорвать невыгодные отношения. Я умоляла ее быть снисходительной, но она забрала меня в Большой Город против моей воли, отдала в модельную студию и отправила на конкурс «Мисс Вселенная», как только мне исполнилось восемнадцать. На конкурсе я прошла через весь ужас соперничества, взаимной ненависти, вражды и научилась быть жестокой. Вскоре мама заболела тяжелой формой рака и ушла из жизни, оставив во мне свою материнскую программу – искать и

влюблять в себя состоятельных…

Адам внимательно слушал Еву и удивлялся:

– Почему ты раньше не рассказывала об этом?

– Не хотелось вспоминать о неприятном. Или, может быть, я боялась открыть перед тобой свой ужасный внутренний мир… Я не любила по-настоящему никого, кроме того соседского парня и… тебя…

Адам удивился:

– Меня?

Она кивнула и ответила:

– Да, тебя! С тобой с самого начала все вышло по-другому. Я стояла на сцене, увидела тебя в клоунском смокинге и назвала тебя жалким чмом. Потом неожиданно, как по взмаху волшебной палочки, ты превратился в миллионера. Вот тогда и включилась материнская программа, и я, как зомбированная, начала обольщать тебя. На самом деле я, конечно, хотела общаться не с тобой, а с твоими деньгами и подсознательно порадовать маму тем, что покорила еще одного состоятельного мужчину. Но на «Эдеме» я поняла, что ты любишь не столько мое тело, сколько меня саму – такую же простую девушку, как и ты сам. Что-то во мне призывало меня помочь тебе работать над книгой, но мне мешал глубоководный осьминог, олицетворение моей матери, который приказывал

заботиться только о себе. Я готова отдать многое, чтобы научиться заботиться о любимых людях. Мне кажется, что забота сделала бы меня счастливой, но меня никто никогда не учил заботе. После нашей ссоры я ушла на верхнюю палубу, смотрела на бескрайний океан, и из меня лезли гадкие существа, населяющие мою душу – химера, и гнида, и осьминог… Все они часть материнской программы обольщения и… Золотов приполз, как змей… Меня тянуло к тебе, но внутренняя мать опять оказалась сильнее… Я поплелась за Золотовым… Это было самой большой ошибкой в моей жизни. И я была жестоко наказана…

Чем дальше рассказывала Ева, тем больше Адам проникался сочувствием.

– Потом тебя арестовали? – спросил он.

Она ответила:

– На яхте Золотов признался мне во многом. Он хвалился тем, что подкупил капитана Кука, и тот подсыпал тебе снотворное в «Бриз». Потому ты и вырубился…

Адам возмутился:

– Как? Неужели Кило-Униформ-Кило… Потому-то он просил прощения, когда мы расставались…

– На рассвете яхту Золотова взяла налоговая полиция. Было ужасно! Нас окружили полицейские

катера, угрожали через громкоговорители, требовали сдаться. Сам Золотов метался, кричал, ругался, потом схватился за штурвал, протаранил полицейский катер и, возможно, оторвался бы, но прилетели вертолеты и... Все было, как в остросюжетном кино. На яхту высадился десант. Вооруженные до зубов люди надели на Золотова наручники и арестовали всех нас… Я дрожала от страха, как мышь, и проклинала свою судьбу. Меня бросили в одиночную камеру, где я провела жуткую, но в то же время счастливую ночь. Там я первый раз серьезно задумалась о своей жизни и поняла, что не живу, а существую по материнскому коду. Мною управляет не моя воля, а жуткий осьминог вместе с гнидой и химерой, которые глубоко засели на дно моей психики, чтобы мутить мне душу… Сидя на холодном бетонном полу, я почувствовала, что должна освободиться от всех внутренних монстров, и во мне проснулось стремление заботиться о тебе. Я хочу любить и быть любимой по-настоящему… Я поняла, что ты был тем единственным, кто меня искренне любит… А я предала тебя… Теперь, когда ты написал мне, я пригласила тебя на эту встречу для того, чтобы попросить у тебя прощения… Прости, Адам, если можешь… Я хочу послужить тебе музой и помощницей, готовить тебе завтрак, и… хочу, наконец, родить тебе ребенка…

Ева расплакалась, а Адам был настолько пора-

жен ее исповедью, что не знал, что сказать.

Она вытерла слезы и продолжила:

– Утром, когда за мной пришли следователи, я была уже совсем другой Евой. Я победила жуткое материнское воспитание и возвысилась до любви… Потом меня допрашивали, задавали унизительные вопросы, оскорбляли и требовали выдать какую-то информацию о махинациях Золотова, но я ничего не знала. Наконец, они поняли, что я ни при чем, и выкинули на все четыре стороны. Мне помогла Мадонна. Она приехала со своим новым ухажером, каким-то чистокровным принцем, и отправила меня домой… Хотела позвонить тебе, но не смогла. Боялась, что ты отвергнешь меня. Какое счастье, что ты написал сам! И что пришел сюда по моей просьбе…

Адам спросил:

– И ты искренне желаешь быть со мной?

– Да!

– И ты хочешь поехать завтра же в Тишиглушь, где вместо сияющей скатерти Крисье обед накрывают на старом номере «Тишиглушинской Зари», а вместо цимбопогона едят вареную картошку?

– Поеду, не задумываясь, если возьмешь.

– Кроме всего прочего, у меня даже нет средств к существованию.

Она ответила:

– А вот это я могу поправить.

– Как? – удивился Адам.

Она расстегнула верхние пуговицы своей рубашки, показала Адаму колье Людовика на своей груди и сказала:

– Это наш лотерейный билет! Украшение французских монархов, которым Золотов соблазнил меня. Оно стоит целое состояние. К счастью, полицейские не обратили внимание, посчитав за простую бижутерию. Продадим, и нам хватит надолго.

Тут ударили громкие барабаны рокеров.

Адам почувствовал переворот в своей душе – высказывать Еве претензии расхотелось.

Она сказала:

– Пойдем отсюда.

Адам спросил:

– Хочешь курить?

– Нет, – ответила она, – курить я бросила… Хочу поехать с тобой в Тишиглушь прямо сейчас.

Адам выходил из Афросиниана счастливым.

Под пристальным взглядом Мамонта они шли к припаркованной в переулке Вогельфлюгель.

Ева сказала:

– Я прочитала твоего Ньютона, и это очень хорошая книга. Правда, чего-то в ней не хватает…

Адам хотел спросить, чего именно, но...

За его спиной раздался отчаянный крик Мамонта:

– Не смей! Убью!..

Адам уже не успел оглянуться…

Подкравшийся со спины преступник замахнулся бейсбольной битой и ударил Адама по голове.

Адам почувствовал, что ему выбили мозги, и упал.

Ева закричала.

Преступник напал на нее, разорвал ей рубашку и сорвал драгоценное колье.

Ева пыталась сопротивляться, но он ударил ее в грудь…

Она упала рядом с Адамом…

Мамонт почти нагнал негодяя, но тот вскочил на мотоцикл и скрылся за углом…

Мамонт вызвал скорую:

– Потерпите, врачи уже едут!

Ева посмотрела на Адама и еле выговорила:

– У тебя голова разбита.

Адам посмотрел на Еву и еле выговорил:

– У тебя идет кровь изо рта.

Кто-то где-то выключил им сначала свет, а потом и звук.

8. МАЛЬЧИК С КРАСИВОЙ РАКУШКОЙ

Третий фрагмент из бестселлера Адама.

Хамфри Бабингтон приехал в Кембридж к Исааку Ньютону с особым поручением от профессора Барроу. Всего за восемь лет юный Исаак прошел длинный путь от студента Тринити Колледжа до известного и почитаемого натурфилософа. И теперь Колледж хотел предложить ему почетную должность. Однако сам Исаак вел скрытный образ жизни – почти не покидал дом, день и ночь находился в научных изысканиях.

Преподобный Бабингтон осторожно постучал в дверь, но никто не отозвался, и Бабингтону пришлось стучать громче. Наконец, он услышал какие-то шорохи. Дверь открыл Уикинс, заспанный помощник Ньютона.

– Добрый вечер, Уикинс, – сказал Бабингтон, – еще вечер, а вы уже спите?

Уикинс ответил:

– Простите, сэр, я прикорнул от недосыпа, а господин Ньютон по-прежнему работает. Он по-

чти не спит и не отрывается от своих занятий.

Бабингтон спросил:

– Никогда не отдыхает?

– Иной раз забывает даже о еде. Часто его ужин подолгу стоит нетронутым. А на днях он вышел с намерением пообедать в столовой колледжа, но в дверях воскликнул «Эврика» и, как Архимед, бросился к столу, чтобы писать до глубокой ночи… Однако что мы стоим на пороге? Проходите, сэр, вы, наверное, к нему по какому-то важному делу?

– Да, мне необходимо с ним обстоятельно переговорить.

– Проходите, он в своем кабинете, как всегда… Никогда не скачет, не играет в кегли и никаких физических упражнений не предпринимает. Он считает, что каждый час, не проведенный за изысканиями, потерян… Он даже не укладывается в постель до раннего утра и, поспав пару часов, снова возобновляет свои труды. Теперь он работает уже шесть недель без перерыва. У него там постоянно горит огонь, но я не могу понять, для каких целей. Мне кажется, что он рвется постичь нечто, что лежит за пределами возможностей человеческого познания. Он хочет систематизировать всю вселенную, понять и объяснить все, начиная божественным порядком светил, заканчивая мельчайшими частицами.

Бабингтон сказал:

– Очень интересно…

– Вот мы и пришли, сэр, его штудия за этой дверью. Зовите, если буду нужен.

Бабингтон вошел в темную комнату с задернутыми шторами.

Ньютон был так поглощен своим занятием, что даже не оторвался от печки, где на маленькой жаровне что-то варилось. Рядом стоял медный алембик, в котором кипела зеленая жидкость. Полки были обставлены колбами и сосудами с кислотами и маслами.

Бабингтон постоял и кашлянул, чтобы привлечь внимание.

– Уикинс, идите спать, мне ничего не нужно, – сказал Исаак не оборачиваясь, тут же бросился к письменному столу, который был забит книгами и рукописями, и начал что-то лихорадочно записывать.

Бабингтон выждал еще минуту и сказал:

– Исаак, здесь не твой слуга, а гость с очень важным поручением.

Только теперь Ньютон оглянулся и с удивлением воскликнул:

– Господин Бабингтон! Сэр… Как это я вас не заметил?

– Учитывая степень твоей увлеченности, это не удивительно.

Ньютон поклонился:

– Какая честь для меня…

– Я приехал из моего городка Бутби после того, как получил письмо от профессора Барроу. Он попросил меня поговорить с тобой и обсудить одну очень важную и, возможно, деликатную тему.

Ньютон засуетился:

– Конечно, да… С удовольствием… Давайте присядем.

– Но мне очень интересно узнать, чем ты сейчас занят?

Ньютон несколько засмущался и ответил неопределенно:

– Сэр, я думаю, пока рано об этом говорить. Я хочу довести до конца кое-какие опыты и тогда…

– То, что я здесь вижу, похоже на темное искусство алхимии.

Ньютон сказал:

– Сэр, прошу вас, поговорим об этом после… Пожалуйста, располагайтесь и расскажите, какое у вас поручение?

Бабингтон сел на диван и ответил:

– Хорошо, но я не уйду, пока ты не расскажешь о своих исследованиях. Обещай!

Ньютон сел напротив Бабингтона и нехотя согласился:

– При условии, что все останется между нами.

Бабингтон ответил:

– Дорогой Исаак, ты знаешь мое доброжелательное отношение к тебе. Поэтому ты можешь мне всецело доверять. Я не буду выдавать твои тайны… Теперь о важном поручении. Профессор Барроу, который занимает очень почетную должность лукасианского профессора, уходит и желает передать это место тебе.

Ньютон воскликнул:

– Почему он уходит, профессор Барроу?

– Его величество, Карл II назначил его придворным капелланом, так что он переезжает в Лондон.

Ньютон удивился:

– Какая новость! Но мне всего двадцать шесть. Прошло лишь восемь лет, как вы меня привезли в Кембридж… Неужели я достоин такой чести называться лукасианским профессором?

Бабингтон ответил:

– Это звание не только почетно, но еще налагает большую ответственность. Сам Барроу считает тебя истинным гением в математических тонко-

стях. Я с ним согласен и уверен: за тебя проголосует коллегия Тринити Колледжа. Члены коллегии были поражены твоим телескопом. Он вызвал феноменальный фурор, когда его выставили на обозрение. Все удивились и признали, что это чудо искусства. Одно дело – твои гениальные чертежи, но восхищало мастерство исполнения! Мне и сейчас трудно поверить в то, что ты сам смастерил его так искусно.

– Если бы я ожидал, пока другие изготовят для меня инструменты и прочие вещи, я бы не добился толку. У меня есть собственный токарный станок и стол, и сверла, и резцы. Я сам сделал параболическое зеркало из сплава олова и меди. Кстати, и состав разработал я сам. Затем я отшлифовал и отполировал зеркало так, чтобы оно блестело, как стекло. После этого осталось соорудить трубу и подпорки. Но это было легче всего остального. Так у меня получился телескоп-рефлектор, который намного эффективнее рефракторного, потому что не дает никаких аберраций. Теперь мой телескоп увеличивает зримый диаметр небесных тел примерно в сорок раз.

Бабингтон сказал:

– Ты достоин великой похвалы, даже если бы ты за всю жизнь совершил лишь это открытие.

– Признание мне льстит, однако изготовить та-

кой телескоп – дело простое, незначительное и обыденное.

Бабингтон не согласился:

– Это не обыденность, а революция! Однако ты также совершил открытия в области оптики.

Ньютон ответил с готовностью:

– Ну, это просто философское открытие. Экспериментируя с призмами, я обнаружил, что белый цвет состоит из множества цветов, которые далее не делятся – тайное действие Бога!

Бабингтон сказал:

– Вот за эти заслуги тебя изберут на должность лукасианского профессора. Ты будешь читать лекции по геометрии, астрономии, оптике, либо иной математической дисциплине, у тебя будет ежегодный доход в сто фунтов и большая свобода заниматься собственными исследованиями. Однако есть нюанс. Твоя новая должность обяжет тебя принять священнический сан. Это значит, что тебе придется заявить о приверженности концепции Святой Троицы. У тебя все порядке с верой?

Ньютон замешкался:

– Почему вы спрашиваете?

Бабингтон испытывающе посмотрел на него и ответил:

– Все твои ранние исследования укладываются в

рамки натурфилософии, однако удивляет то, чем ты занимаешься теперь. Ты что-то греешь на жаровнях, перегоняешь какие-то жидкости. Эти штудии совсем не похожи на научные изыскания, а скорее напоминают алхимические опыты. Если об этом узнают члены коллегии, вряд ли они проголосуют за тебя. Пожалуйста, расскажи мне все, как есть. Что ты изучаешь?

Ньютон нервно задергался и выпалил:

– Да, я погрузился в некоторые иные предметы, которые ныне полностью поглощают почти все мое время и мысли. Это, действительно, алхимия, но я не стремлюсь получить золото из неблагородных металлов и разбогатеть, как другие алхимики. У меня цель духовная.

– Какая же?

– Познание Бога.

Преподобный удивился.

– Бог познается в церкви, а не в алхимической лаборатории.

Ньютон почти прокричал:

– Нет!

Бабингтон взглянул на него с опаской.

Исаак успокоил себя и сказал:

– Я измеряю притяжение математическими уравнениями, но как увидеть ту потустороннюю

силу, которая заставляет частицы притягиваться или отталкиваться? Вполне возможно, что именно в алхимии я найду необходимые указания. Вся вселенная засеяна неким божьим золотом, мировой субстанцией, от чего есть смерть и воскресение. Я хочу познать этот жизненный инстинкт духа, живой атом, который превращает набор мертвых корпускул в одушевленную материю. В нем универсальный ключ познания, но его не уловить, как летучий ртутный дух. Он повсюду один и тот же, как в церкви, так и здесь! Я хочу познать этот божественный элемент, который не только превратит свинец в золото, но сможет даровать саму жизнь. Перед этой великой загадкой вселенной я кажусь себе маленьким мальчиком, который забавляется на берегу океана, радуется, находя ракушку чуть красивее других, когда у ног плещется океан непознанной правды.

Бабингтон оглядел книжную полку и только теперь заметил кучу алхимической литературы, включая шеститомник Лазаруса Цетнера.

– Где ты покупаешь все это?

– В Лондоне. В книжной лавке «Пеликан, Литл-Бритейн». У меня около двухсот книг по алхимии. Большинство я уже законспектировал. Я обнаружил, что эта наука берет начало в далекой Античности, и мне кажется, что первым алхимиком был

Моисей. Я твердо верю в древние знания, и алхимическая логика мысли дает мне возможность объединить их с экспериментальными методами современности. Я чувствую, что заново открываю забытые математические принципы, найденные еще Пифагором. Вот бы мне когда-нибудь с ним встретиться...

Бабингтон сказал:

– Вряд ли коллегия Тринити Колледжа будет поощрять чародея, в которого ты превращаешься.

– А я никому и не думаю сообщать! Если я что-то и открою, то это будет лишь малой частью глубин, которые я постигну!

Бабингтон спросил:

– В чем же польза – познавать во тьме своей лаборатории, если никто не узнает результаты?

Исаак ответил:

– Не все можно передавать людям. Многое из того, что я уже знаю, принесет неисчислимые бедствия миру. Поэтому я шифрую тексты и прячу открытия в анаграммах и головоломках… Но вы не думайте, что вечную истину я ищу только в алхимии. Я изучаю тайнопись в пророчестве Даниила, в откровении Иоанна Богослова и по всему святому писанию. Я не вижу разрыва между наукой, алхимией и теологией. Все они служат путям Господним.

Ньютон встал, пошарил в бумагах и достал несколько листов с формулами и чертежами.

Положив их перед Бабингтоном, он сказал:

– Ангелы обратились к Иоанну Богослову: «Встань и измерь храм Божий…» Я исследовал древние документы и измерил храм Соломона. Этот великий царь был глубочайшим философом. Он впитал в себя мудрость древних и построил свой храм. Через храм он явил тайную схему, по которой создана вселенная. Вот я вычертил детальный план этого великого сооружения…

Пока Бабингтон удивлялся чертежам, Ньютон пошарил еще, извлек небольшой очерк и сказал:

– Здесь я исследовал все пророчества, все символы, я составил каталог всех пророков, создал словарь событий, которые происходили в мире и будут происходить в будущем.

Бабингтон спросил:

– Что же будет происходить?

Ньютон ответил, не задумываясь:

– В 1944 году окончатся тяготы евреев, а в 2370-м наступит мирное тысячелетие. Преподобный, благодаря вам я здесь, и я хочу быть ближе к Божественному. Я хочу открывать тайны Бога, чтобы Он признал во мне достойного сына. Как Христа…

Бабингтон перекрестился и сказал:

– Не надо сравнивать себя с Ним! Тебя могут обвинить в ереси и арианстве… Хотя, с другой стороны, я понимаю, что только широта взгляда приводит к истине. Я вижу, что ты ненасытно любопытен. Вижу также, что ты стремишься к познанию не ради славы. Я твой верный друг, обещаю всегда защищать тебя. Дорогой Исаак, скажи мне прямо и честно, ты веруешь в Бога?

Ньютон сказал:

– Да! Истинная религия начинается с Ноя и его сыновей. Дальше ее несли Авраам, Исаак и Моисей. Ее принял Пифагор и передал своим ученикам. Христос дает образец той же самой первоначальной веры. Суть ее заключается в том, что мы должны преклоняться пред единственным незримым Богом и молиться ему. Я чувствую себя слугой Бога и исследую его тайны, чтобы приблизиться к нему. Мне постепенно открываются секреты света и гравитации. Я нахожусь в расцвете изобретательского возраста. И я не могу оставить никакой предмет, который меня увлечет. Я учусь возделывать свой ум. И когда передо мной приоткрывается то, что скрыто от всех живущих людей, я чувствую восхитительное ощущение власти над миром. Дабы усилить свои способности и сосредоточить внимание, я ограничиваюсь малым количеством хлеба, вина и воды. Я чувствую себя послан-

ником, чтобы раскрыть человечеству некоторые великие тайны. И когда я проникаю в них, я начинаю ощущать любовь… Я слуга Бога. Он меня любит и… я хочу наслаждаться этим ощущением.

Произнеся слово «любовь», Исаак внезапно погрустнел. На него навалились то ли мысли, то ли воспоминания, и некоторая внутренняя боль отразилась на его лице.

Последовало долгое молчание.

Затем Бабингтон спросил:

– Исаак, дорогой, я чувствую, что в тебе живет настоящий гений. Поэтому я убежден, что мы должны сделать все, чтобы у тебя была возможность заниматься всем, чем ты посчитаешь нужным. Тебе необходима полная свобода, которую даст тебе должность лукасианского профессора. Я вижу, что священнический сан не по тебе, но решение этого вопроса отложим на потом. Меня волнует другое – насколько ты сам уравновешен и спокоен? Ты произнес слово «любовь», и я заметил, что-то причиняет тебе страдания. Откройся мне и в этом, пожалуйста.

Внезапно Ньютон прослезился и ответил:

– Вы знаете, что в детстве мне не хватало материнской любви. Мама всегда была строга и сурова… Я обижался, убегал и прятался под кроватью… Иногда мне кажется, что я готов не спать, не

есть, истязать себя ради того, чтобы найти знаки Бога в этом бренном мире и тем самым обрести Его любовь… Может быть, мать, увидев мои успехи, тоже простит и полюбит меня.

Растроганный Бабингтон встал и обнял Исаака.

Свет от лампы упал на бумаги, которые лежали на столе, и Бабингтон заметил странную подпись – «Иегова Санктус Унус».

– Исаак, скажи, пожалуйста, что означает эта подпись?

Ньютон взглянул и ответил:

– Это анаграмма моего имени Исаакус Ньютонус. Означает святой и единый Бог… Я думал, что так Бог меня лучше заметит, и тогда я обрету Его любовь…

Бабингтон кивнул и сказал:

– Продумай речь, которую ты произнесешь перед голосованием на коллегии… И будь осторожен, сын мой…

9. БОЛЕЗНЬ

А после этого поразил Господь внутренности его болезнью неизлечимой.

В тот самый вечер, когда с Адамом и Евой случилась трагедия, Энграф пришел к сонному Питириму, чтобы накормить его ужином, и Питирим ему показался бледным:

– Как ты себя чувствуешь?

Питирим ответил вяло:

– Отлично…

– А я вижу, что не отлично. Язык еле поворачиваешь.

Питирим нахмурился:

– Я жду Адама.

– Дождись его здоровым! Шприц говорит, тебе нужна лечебница.

Питирим отказался:

– Буду ждать Адама здесь. Чувствую, он уже едет…

Сразу после этих слов Питириму стало хуже. Он тяжело дышал, и перепуганный Энграф по-

звал Шприца, но Питириму стало совсем плохо. Он закрыл глаза, почернел и, поняв, что теперь его отвезут в лечебницу против воли, выговорил из последних сил:

– Возьмите Георгия Победоносца... Хочу, чтоб икона была со мной...

Час спустя они уже ехали в лечебницу Большого Города.

10. СМЫСЛ

Душа! Пожри смысл и поглоти мудрость.

Тьма отступила, и перед Адамом высветилось усатое лицо человека в белом халате.

Не успел Адам подумать – что это за дядька? – как усач вероломно посветил ему фонариком в глаз и сказал:

– Господин Гуськин, Адам, доброе утро! Я ваш лечащий врач, Макар Лекарькин. На вас напал грабитель, и вы получили тяжелую черепно-мозговую травму. Скажите, пожалуйста, вы меня слышите?

Адам ответил:

– Отлично слышу. Где Ева? Позовите ее.

Доктор помолчал и сказал:

– У вас повреждены важные участки мозга, что приводит к серьезным нарушениям моторики. Мне надо знать, слышите вы меня или нет? От этого зависит ваше лечение. Если вы меня слышите, моргните глазом, или пошевелите указательным

пальцем правой руки, или пошевелите указательным пальцем правой ноги.

Адам помахал всеми частями тела и ответил:

– Моргаю, шевелюсь... Вы что, слепой?

Доктор отреагировал очень странно. Он повернулся спиной к Адаму и обратился к толпе студентов:

– Перед вами типичный случай «Кома Траума-тикум», что в переводе с латинского означает коматозное состояние, вызванное черепно-мозговой травмой. Кома не болезнь. Ее возникновение – следствие осложнений различных заболеваний, что сопровождается серьезными нарушениями функционирования центральной нервной системы...

Адам не верил ушам и кричал:

– Эй, вы, перестаньте нести чепуху! Ауууу!

Адам думал, что его услышит хоть кто-то из присутствующих, но…

Никто из студентов не отреагировал.

Это было похоже на ночной кошмар, и Адам отключился.

Очнувшись в следующий раз, он увидел над собой дядю Энграфа:

– Адам, что с тобой случилось?

Адам сказал:

– Не знаю, меня все игнорируют...

Энграф вытер слезу и ответил:

– Врач обнадеживает, но… Что за испытание посылает нам Бог?!

Адам закричал:

– Дядя Энграф, со мной все хорошо! Надо только найти Еву и поехать домой…

Энграф вздохнул и покачал головой:

– Чернее черного пошла у нас жизненная полоса. На тебя напал грабитель, а твой отец тяжело заболел. Теперь Макар Лекарькин борется за ваши жизни… Почему счастье отвернулось от нас?

Адам негодовал:

– Мой отец, наверное, убивается из-за того, что я растранжирил миллион.

Энграф сказал:

– Теперь вот как. Ты лежишь здесь в коме, а он лежит этажом выше. Вас не могут привести в чувства. Я ношусь между вами и не знаю, как быть…

Адам ответил:

– Дядя Энграф, я скоро встану и все поправлю! Я тебе обещаю! Я…

Адам хотел еще что-то сказать, но Энграф неожиданно направился к двери.

– Ты куда? Постой! Поговори со мной еще…

Но дядя вышел, и Адам в ужасе понял, что Энграф тоже оглох…

Никто не отзывался на его отчаянный крик, и он отключился.

В следующее пробуждение над ним опять стоял усач:

– Господин Гуськин, Адам, доброе утро! Я ваш лечащий врач, Макар Лекарькин. На вас напал грабитель, и вы получили тяжелую черепно-мозговую травму. Скажите, пожалуйста, вы меня слышите?

Адам заорал:

– Да! Да! Да!

А доктор помолчал и сказал:

– У вас повреждены важные участки мозга и нарушена моторика…

Мозг Адама отозвался эхом – моторика… мото… мо…

И внезапно он понял, что парализован, и запаниковал.

Он порывался вскочить, но остался на месте, взбесился и отключился.

Тянулись дни.

Каждое утро начиналось с физиономии Ле-

карькина, который приводил все новые группы студентов. Он настойчиво повторял один и тот же текст.

– Господин Гуськин, Адам, доброе утро…

Адам насмехался:

– Да, да, да... Ты Лекарькин, по прозвищу дебил…

Но врач, конечно, не реагировал на оскорбление и продолжал свое:

– На вас напал грабитель и…

Адам бесцеремонно оскорблял и обзывал бедного врача, придумывал все новые колкости, но врач был глух.

Сам Адам полностью осознавал трагичность своего положения – теперь он двигался только иллюзорно.

Дядя Энграф часто навещал Адама и каждый раз плакал.

Медсестра Анна колола его и подолгу говорила по телефону с подругой о том, что очень хочет получить должность в новом отделении, которое в скором времени открывал фонд «Забота». Это был экспериментальный проект. Суть была в том, что умирающего онкобольного помещали в одну палату с больным ребенком, предполагая, что между

ними возникнет взаимная забота, и тем самым их состояние будет облегчаться.

Дни тянулись в однообразии – Лекарькин, Энграф, Анна, уколы, процедуры…

В одно утро случилось неожиданное чудо…

Адаму показалось, что в окошко заглядывают особые солнечные лучики. Может, они грели больше, или светили ярче. В любом случае они освещали усы Лекарькина живее.

Врач опять включил свою пластинку:

– Господин Гуськин, Адам, доброе утро…

Адам перебил его и закричал:

– Ты, Макар Имбецилович! Я все слышу и вижу, но твой кретинизм достигает космоса, и ты...

Внезапно Адам остановился, так как лицо Макара начало быстро меняться.

Студенты засмеялись, а врач закричал:

– Анна! Скорей! Он заговорил! Наше лечение помогло!

Адам обрадовался:

– Наконец, вы меня слышите! Где Ева?

Прибежали медсестры, а за ними – счастливый Энграф, но о Еве никто ничего не мог сказать, и ее мобильный был отключен.

Скоро Адама посадили, потом поставили на ноги, однако Евы и след простыл.

Он связывался с Мадонной, но она тоже ничем не могла помочь:

– Посты не публикует, ничего не лайкает, Ева растворилась… Где ее искать? Ума не приложу. Я в шоке. Надеюсь, что с ней все норм.

– Ты сама где? – спросил Адам.

– На Таити. Сюда привез меня мой принц. Смотри, я его тебе покажу. Вот, видишь, лежит и загорает…

Несколько раз Адама посещал Боргес, сочувствовал, ободрял.

Приходили также следователи, спрашивали о нападении и сказали, что разыскивают Еву, но пока безуспешно.

Скоро Адам самостоятельно отправился навестить отца, который находился в другом отделении той же лечебницы.

Питирим был исхудавшим и очень сонным.

Услышав голос Адама, он еле приоткрыл глаз, прослезился и сказал очень ослабшим голосом:

– Сынок! Наконец, я тебя вижу…

Адам обнял Питирима:

– Отец, я тебя люблю!

Питирим ответил:

– Ты стал великим писателем, и я хочу попросить у тебя прощения за то, что мешал писать. Я горько ошибался во многом, а ты правильно сделал, что не послушал меня! Зря я мечтал о славе и о деньгах. В смерти я понял, что есть нечто намного важнее... Да, стоило умирать для этого.

– Папа, о чем ты говоришь? – удивился Адам.

Питириму было тяжело говорить, но ему надо было высказаться, и он продолжил:

– Я долго ждал тебя, чтобы рассказать об этом. Слушай... Мы смотрели трансляцию из «Гранд Арены». Я желал, чтобы ты достиг славы и успеха, но вместе с тем боялся этого. В тот момент я не понимал причину моего страха, но когда тебя назвали лучшим писателем планеты, я переволновался, и мое сердце остановилось. Я умер и попал в какое-то удивительное пространство. Создавалось впечатление, что я куда-то улетел. Нет! Я лишь углубился в себя и осознал, что не понимал никогда – есть реальность, не понятая умом и скрытая под обманчивыми оболочками моего тела, моей принадлежности, моего эго и моих эмоций. Эта реальность отличается от земной своей беспредельностью. Ее я нашел не где-то за тридевять зе-

мель, а прямо в себе самом – бесконечно близко и далеко одновременно. Я попал во вселенную своей истинной сущности, где я не был ни мужчиной, ни женщиной, ни сыном, ни отцом, ни мужем, ни журналистом, ни писателем, а был чистой душой, свободной от всех панцирей, масок и оболочек. Там же я понял, что смерти нет! Нечего бояться! Прах земной должен вернуться к земле, и оболочка должна испариться. Тогда распадается иллюзия, развеивается туман неопределенности, и освобождается чистая душа. Эти ощущения невозможно передать в словах. Но я постарался описать их для тебя. Теперь молюсь, чтобы мой опыт вдохновил тебя на познание своей истинной, внутренней природы.

Адам сказал:

– Папа, не говори так, ты меня пугаешь.

Питирим отдышался и ответил:

– Страх – часть иллюзорной оболочки. Как тупая тишиглушинская курица вздрагивает при каждом шорохе, я тоже боялся всего: остаться без крыши над головой, без денег и без пропитания. В глубине своей безграничности стало очевидно – чистой душе нечего бояться! Этот глубокий уровень моего сознания оторвался от всего земного и

отождествился с вечным. Оказалось, так чудесно отбросить маски, которые я носил всю жизнь.

Адам внимательно присмотрелся к Питириму и почувствовал, что несмотря на болезненное состояние он как-то сиял сквозь кожу и тело…

– Отец, ты стал каким-то совсем другим.

– Сейчас моя оболочка общается с тобой. А я хотел бы, чтобы общались наши чистые души напрямую. В тебе, как и во мне, вечность скрывается за всей той иллюзорной шелухой, которой мы придаем большой смысл, но с точки зрения вечности она бессмысленна. Теперь мне больше не нужны твои деньги или слава. Я люблю тебя – частицу вечного сияния, и я хочу вдохновить тебя проснуться в спектакле твоей жизни… Пещера Платона – очень хороший образ! Напиши о том, как вырваться из мира теней в свет, как преодолеть ловушку ума и пробудиться от сна, который мы считаем бодрствованием. Я проснулся, когда умирал. Теперь я мечтаю, чтобы ты проснулся при жизни.

Адам не все понимал, но чувствовал облегчение.

Питирим сказал:

– Для меня наступило новое время – всегда сей-

час, и открылось как прошлое, так и будущее. Там я встретил очень удивительное творение – две сущности, два лика сошлись в одно. И он ничего не знал о любви. Я читал ему стихи о любви, а он поил меня волшебной микстурой, которую хранил в светящейся сумочке. Благодаря ему я воскрес и записал все, как мог, в свой зеленый блокнот… Бери его. Теперь он твой. Получилась очень интересная история… Обещай внимательно прочитать. Видимо, я жил ради той чудесной встречи и нашел свою миссию: рассказать тебе о нашей внутренней вселенной – это мир, где свет сияет по-особому, и откуда идут к нам все идеи. Теперь я не боюсь вечности. Достаточно выйти из пещеры нашего неразумения, как начинается чудесный мир с удивительным светом, и где-то там сияет наша Ангелина… Я хочу, чтобы ты все узнал об этом мире при жизни.

Питирим улыбнулся, передал Адаму свой зеленый блокнот и в ту же ночь покинул тело.

11. ЧИСЛО ДНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Как капля воды из моря или крупинка песка, так малы лета его в дне вечности.

Питирима похоронили рядом с Ангелиной. Энграф, Крис Коровьев и Боргес выступали с речью. После скромных поминок тишиглушинцы разошлись.

Боргес соболезновал и ободрял Адама, как мог.

Прощаясь с ним, Адам сказал:

– Крестный, Питирим оставил мне свой зеленый блокнот с заметками о своем потустороннем путешествии. Мне кажется, что он описывал тот самый внутренний мир, который ты ищешь в своем зале для медитации.

Боргес ответил:

– Прочти внимательно и отправь копию мне.

Вечером Адам с Энграфом остались одни и долго молчали.

Потом Энграф сказал:

– Ты знаешь, я верю, что после смерти тоже есть счастье. Но в отличие от земного оно там

должно быть вечным. Когда Питирим и Ангелина поженились, я был на вершине счастья. Они, конечно, тоже! Потом родился ты, и счастья стало больше. Мне казалось, что это навсегда, но сначала ушла Ангелина, теперь ушел Питирим, а тебя изувечил какой-то изверг, и ты потерял Еву. Земное счастье непостоянно. Вечно счастливой может быть только душа...

Адам ответил:

– Ты прав. Когда я внезапно стал богатым и знаменитым, я думал, что на вершине счастья, и это навсегда. Но с этой вершины я быстро свалился, и все развеялось в пепел. Я потерял деньги, померкла слава, ушел из жизни отец, и любимая девушка бесследно исчезла. Осталась тоска в душе и невыносимая боль голове. Макар дал пилюли, но они не помогают. Особенно невыносимо вечером. Боль в висках расползается по всему черепу… Мне кажется, что я стал немощным инвалидом, и без Евы не поправлюсь.

Энграф спросил:

– Так для счастья нам надо ее найти? Давай наймем частного детектива.

Адам резко оживился:

– Боргес упоминал, что хорошо знаком с луч-

шим детективом по имени Жорж, но у меня нет денег.

Энграф ответил:

– Я дам. Для твоего счастья я готов на все.

Адам удивился:

– Откуда у тебя столько? Зарплату Золотова копил?

– Нет, выиграл в тотализаторе.

Адам вытаращил глаза:

– Какой спорт?

– Сейчас спорт сделали из литературы. Я поставил на тебя и выиграл сто тысяч. Кстати, деньги очень пригодились для лечения Питирима. Но большая часть осталась. Звони Жоржу! Пусть он найдет тебе Еву, я заплачу за наше счастье…

На радостях головная боль Адама отступила. Он присел на постели и сказал:

– Дядя Энграф! Ты мне подарил надежду!

С детективом связались легко. Жорж долго расспрашивал и обещал сделать все, что в его силах, после чего Адам успокоился, стал улыбаться, с головой тоже полегчало.

Тогда он сказал Энграфу:

– Возьми теперь блокнот Питирима и прочти

его записи вслух.

Энграф подскочил от радости, открыл зеленую записную книжку, сел поближе к постели Адама и начал читать:

«Если закрыть глаза в земном мире, они откроются в небесном. Так случилось со мной.

Я умер, заснул, меня больше не было для бренного.

И тогда я воскрес в смерти, пробудился во сне, возродился для вечного.

Мое истинное «Я» освободилось от спирали земного сознания и подключилось к беспредельности.

Обособленность исчезла.

Возродилось единение.

Проснулось спавшее Царство Божие – вот блаженство.

Я был ослеплен сиянием яркого света истины, в котором слились все противоположности, и во мне родилось божественное сознание: нечего терять, я свободен от земного; нечего приобретать, я полон вечностью. Во мне слились все идеи, которые я не мог найти в жизни, но искать больше не хотелось.

Развеялся туман, я увидел красивейшее поле с благоухающими цветами, и передо мной возник человек, совсем не похожий на нас. Во-первых, он был огромный и круглый, как шар, раз в пять больше меня. Во-вторых, он имел по две пары рук и ног, так что всего конечностей на нем было восемь. И, наконец, у него было два лица... Из них одно отдаленно напоминало женское, а другое – мужское.

Двуликий человек, круглый, как шар или сфера. Перед ним я заговорил стихами Гомера.

Носил он светящуюся сумку, из которой извлек волшебную микстуру.

Выпив чудное лекарство, я почувствовал бодрость и радость.

Он смотрел мне в глаза то одним лицом, то другим, а я ощущал прилив духовных сил.

Я понял, что он из далекого прошлого, и у них там нет ничего хорошего.

Хоть и дали боги им бессмертие, но обделили любовью, и как следствие...

Вечно хандрили, пока среди них не родился герой, который решился просить любовь у богов.

И я понял, почему не могу писать. Слава Богу, хоть в смерти я осознал.

Искал я истины только вовне, а надо было искать в глубине».

Энграф сделал паузу и посмотрел на Адама:

– Ты спишь?

Адам ответил:

– Нет, закрываю глаза. Во-первых, так голова болит меньше, а во-вторых, слушая, настраиваю тело на вдохновение.

– Это как?

– Как учил крестный.

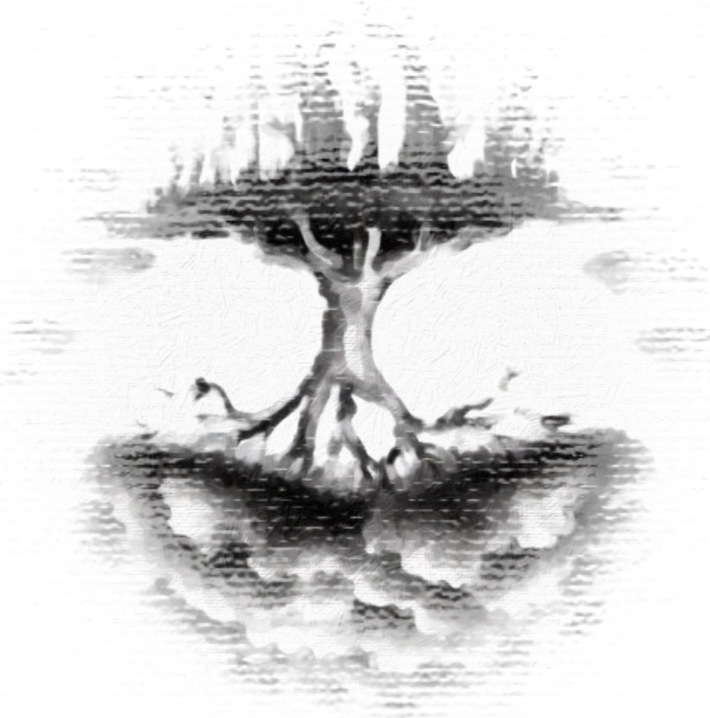

Книга Взлета:

Небо

и

Занебесье

1. ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Платон

Аристофан, предлагаю следовать дальше за мной. Я покажу тебе, как выглядит рубеж миров. Там, где вселенные соединяются, там, где бессмертные со смертными соприкасаются. Над землей возвышается вершина горы – Геликон. По одну сторону этой горы земля и мы с тобой. А за высокой вершиной простирается неба простор. Вот куда спешит Йоуранош – сквозь Небесные Врата в обитель бессмертных богов.

Аристофан

Платон, ты мой проводник по вселенной мудрости, освободи меня от всякой глупости.

Открывается величественный вид на Геликон.

Предводительница Хора Облаков

Поет.

Скачет без устали доблестный конь,
Выше взлетает Йоуранош,
Глаз не смыкает в дороге герой.
Вот, предстает перед ним Геликон.

Хор

Поют.

Великая возвышенность
С вершинами высокими,
Увенчана волшебными
Туманами далекими,
Покрыта покрывалами
Земными и небесными,
Для смертных недоступная,
Обжитая бессмертными.
В земные облака она
Основой упирается,
Вершиной же к далекому
Астралу устремляется,
К макушкам ее облачным
Тропинка удаляется,
Где славные бессмертные
Бессмертием упиваются.

Платон

Наш доблестный путешественник, подгоняя колесницу прорицателя Тоастерия, спешил к богам, чтобы добыть у них эликсир счастья. На самой вершине горы Геликон он увидел

великий храм, в котором обитали музы. Храм этот называется Мусейоном, и он погружен в вечный туман.

Открываются очертания храма в тумане. Над храмом вырисовывается радуга.

В Мусейоне сокрыты загадочные радужные ворота, ведущие на Небо. Ворота огромные, арочные и очень напоминают радугу, которую мы иногда видим на земле, но цвета в ней намного ярче и прекрасней. Никто из людей не сможет проникнуть сквозь эту радугу, если музы не позволят. А в Мусейоне обитают три музы – тонкие создания. Ими руководит мусагет – Аполлон, предводитель муз. На рассвете с восходом солнца начинают они свой священный танец, нежное тело свое омывают в священных родниках и заводят веселый хоровод. Затем они одеваются в густой туман, из уст их льются сладкие звуки, их небесная песня звучит созвучным хором, на что бессмертные боги откликаются с Неба своей музыкой. Они нашептывают им чудесную песню, а музы вторят им облачным танцем. Наконец они вьют нежные облака, которые проливаются на людей дождем идей.

Аристофан

Платон, так значит, это музы во мне поют прекрасно, торжественно и важно? Так это значит, я вдохновлен бываю их дыханием? Кто они?

Платон

Единомысленные девы. Полигимния вдохновляет на гимны в честь бессмертных богов. Каллиопа пробуждает способность на божественные рифмы для возвышенных поэм. Урания нашептывает тайны мироздания. Так голосами прелестными они хором славили богов, когда увидели, что на вершину горы Геликон поднялся Йоуранош.

Выходит Йоуранош. Удивленно озирается.

Йоуранош – ликомыслием

Создания чудесные
В тумане различаю.
Божественный их танец
С трудом я понимаю.

Йоуранош – ликочувствием

Душой средь них воспряну!

О, как они прекрасны,
Отвагой наполняюсь!
Слетелись для меня ли?

Из тумана появляются три музы. Они плывут по пространству и поют.

Хор трех Муз

Добрые сестры, на Гелиоконе мы обитаем.
В храме великом, в Мусейоне мы промышляем.
Тонкое тело в озере чистом мы омываем.
Небо родное в песнях высоких мы восхваляем,
Днем хороводы, дивные глазу мы затеваем.
Нежно танцуем в тонком эфире, мягко ступаем.
Ночью сияем, крыльями светим, в небе мелькаем.
Славим богов и людям их волю мы сообщаем.

Каллиопа

Приближается к Йоураношу и парит вокруг него.

Обниму тебя я нежно,
С неба рифмы ты добудешь,
Окроплю язык росою,
Кем ты был? Себя забудешь,
Я спою тебе о Небе,

Песня тонкий разум будит.
Прославляй потом в поэмах,
Все что было или будет.

Полигимния

Присоединяется к Каллиопе, и теперь вокруг Йоураноша парят две музы.

Спустившись с вершины божественной выси,
Песнь завожу,
Густым, непроглядным туманом одевшись,
Гимн пропою,
К высокому Небу песню священную
Я возношу.
Всех, кто услышит мой ангельский голос,
Я заворожу.

Урания

К Йоураношу приближается третья муза. Вместе с остальными она кружит над его головой и поет.

Следуй за мною ночью и утром.
Тихо шептать я буду на ухо
То, что сокрыто в тайных науках,
То, что богами подарено людям.

Йоуранош – ликочувствием

Музы нежные, я вижу,
Вы чудесны, вы прекрасны.
Восхитительно поете,
Я хочу остаться с вами...
Но народ спасать мне надо
От божественной напасти.
Я к бессмертным отправляюсь,
Долг зовет, лечу я дальше.

Йоуранош – ликомыслием

Я любовь ищу на Небе,
Боги тайну мне доверят,
Что не познано, то манит,
Верю вечным я заветам.
Выпрошу я тайну счастья...
То, что ныне нам запретно
Станет достояньем нашим!
И вернусь домой с победой!

Хор трех Муз

Глупый ты мальчик, осознаешь ли,
О чем говоришь?!
В мире бессмертных смерть лишь найдешь,
С позором сгоришь.

Нечего делать на Небе тебе.
Ты нам покорись.
Нас ты послушай и чистыми звуками
Сам зазвенишь.
Мраком покрытый путь восхождения
Не для тебя.
Хищники рвутся душу твою
Разорвать и сожрать.
Нет в тебе света, нечем дорогу
Тебе освещать,
С нами останься, к нам прислонись,
У нас процветай.

Аристофан

Бедный Йоуранош. Он проделал долгий путь, и теперь перед ним возникла непреодолимая трудность. Неужели музы не позволят ему идти дальше?

Платон

Музы отвернулись от него, и тогда Аполлон, мусагет и предводитель муз, окутал Йоураноша непроглядным туманом. Много дней и ночей блуждал бедный под радугой. Он плакал, причитал, но не находил тропинку к Небу.

Наконец он отчаялся, упал на землю и взвыл от горя. И этот его зов услышала четвертая муза…

Аристофан

Четвертая? Ты говорил, что их три! Кто же она?

Платон

Свободная муза, по Мусейону летает как хочет. Эрата – так для нас звучит имя ее!

Аристофан

Ого! Ты о богине любви?

Платон

Скорее, она сама есть любовь…

Эрата

Опускается к Йоураношу, который блуждает в тумане.

Кто-то плачет здесь в несчастье,
Ясность превратил в ненастье,
Покорить бессмертных страстен,
Ищет в синем небе счастье.
Здесь герой мечтает страстно
Весь народ свой осчастливить.
Мне б воспользоваться властью
И героя возвеличить.

Аристофан

Вот это сюрприз! Неужели Эрата, проявление любви, или даже сама любовь, хочет проводить Йоураноша на Небо?

Платон

Да! Она развеяла перед Йоураношем непроглядный туман, и он увидел тропинку к небесной радуге… Йоуранош немедленно вскочил на свою колесницу и поскакал за Эратой, которая повела его к Небесным Вратам. Не задумываясь, он переступил сакральный порог и прошел под радугой. Это доставило ему неописуемое удовольствие, и в порыве поскорее увидеть бессмертных, он вступил на тропинку Неба. За ним внимательно следил Кинокефал…

Аристофан

Кто?

Платон

Кинокефал – огромный псеглавый рыцарь. Он охраняет Небесные Врата. Каждого проходящего он обнюхивает, запоминает запах

и будет ждать – он не тронет входящего, но насмерть загрызет выходящего.

Аристофан

О… Значит *ли* это, что Йоуранош обречен?

2. ОПЯТЬ ЯБЛОКО

Последующая неделя была самой ужасной в жизни Адама. Головная боль мучила все сильнее, а Жорж не мог найти Еву.

Адам вспомнил совет крестного и принялся за чтение бульварных электронных изданий, но от них голова болела сильнее.

Вот некоторые заголовки:

«С кем могла сбежать известная фотомодель?»

«Ради кого бросила примадонна своего великого писателя?»

«Полиция продолжает безуспешно искать таинственно исчезнувшую Мисс Вселенную».

«Правда ли, что Ева Ресничкина блаженствует с новым почитателем на необитаемом острове с вечно спелыми фруктами?»

«Золотов притащил чемодан налички в зал суда в качестве залога и в тот же вечер скрылся от правосудия».

«Интерпол ищет разорившегося миллиардера

по всему миру».

Один раз звонила Мадонна, чтобы поплакаться. Ее бросил принц, который оказался предателем и просто выкинул ее, как старую тряпку. О Еве Мадонна ничего не знала.

Почти каждый день звонил крестный, справлялся о здоровье и настоятельно советовал сосредоточиться на новой книге, но Адам даже не мог думать об этом.

К концу недели головная боль стала совсем нестерпимой. Шприц созванивался с Макаром, но толку от этого было мало.

– Попробуем прикладывать лед ко лбу, – сказал в итоге Шприц.

– И это вся ваша медицина? – возмущался Энграф.

Лед приложили, Адаму полегчало, и пришла новость от Жоржа. Он позвонил и сказал:

– Я схватил негодяя, который напал на вас. Полиция упустила, но от меня ему не скрыться. Им оказался мерзкий наемник. Сначала не хотел раскалываться, но мы его прижали, и он признался, что выполнял заказ Золотова.

Адам был в шоке:

– Как? Что ему было нужно от нас?

Жорж ответил:

– Хотел вернуть антикварное колье Людовика, которое ранее подарил Еве.

Адам возмутился:

– Какой подонок!

Жорж продолжил:

– Золотов удачно продал колье и внес залог за свое освобождение. Ему запретили покидать страну, но он сбежал. Полиция не нашла его, а я его разыскал! Он скрывается среди шаманов в Гватемальских джунглях, но Ева не с ним. Могу выдать Золотова полиции, если желаете... А Еву продолжаем искать. Одно ясно: она жива и, скорее всего, маскируется под чужим именем. Нам бы понять ее мотив…

Адам возмущался из-за подонка Золотова, который испортил ему жизнь. После нападения что-то случилось с Евой, а Адам стал почти что инвалидом.

– Дядя Энграф, – сказал Адам, – тебе надо немедленно бросить работу в редакции. Нельзя быть связанным с этой опасной силой!

– Такая сила окружает нас со всех сторон! Главное – не поддаваться... Кстати, ты тоже мог бы не поддаваться. Не ехал бы в круиз, вернулся бы с

Евой сюда, жили бы сладко на тишиглушинской природе.

– Она бы не согласилась...

– Так значит, вы поддались дьявольской руке, которая заманила вас в сети удовольствий.

Адам был в отчаянии.

– Что было, то было... Но я не могу успокоиться… Не нахожу ответы... Не понимаю, в чем смысл всего происходящего? Что мною, вообще, движет? Почему на меня внезапно пролился вдохновляющий дождь? Почему судьба неожиданно вознесла меня на вершину славы, где я безумно влюбился и больно упал? Почему все разом рухнуло, когда мы с Евой нашли лад? Почему ушел Питирим? В чем смысл всего? Где источник этого смысла?

Дальше эмоции Адама поутихли, двойная доза успокоительного усмирила его, и он положил голову на подушку.

Энграф предложил отвлечься:

– Давай поговорим о смысле… Ты же Платона изучал! Расскажи, что он говорит об этом?

– Голова опять раскалывается, и трудно говорить. Там мои конспекты. Бери, прочти вслух. А я послушаю…

Энграф был рад. Он открыл блокнот, устроился у его постели на кушетке и прочитал:

– «Сравнение души человека с колесницей». Интересно! Читаем дальше... «Платон рисует нам крылатую парную упряжку с возничим. Возничий для него – некоторая истинная сущность человеческой души. А кони в колеснице разные. Один из них черной масти, горбатый, тучный, с мощной, но короткой шеей. Он олицетворяет почитание похоти и чревоугодия, жажду алчности и зависти, стремление к тщеславию и гнев. Этот конь – друг наглости и похвальбы. Он глух и еле повинуется бичу. А другой – белой масти… Он прекрасен, стройный на вид, шея у него высокая. Он любит почет, но при этом рассудителен и совестлив. Он друг истины. Можно направлять его одним лишь приказанием и словом, бич ему не нужен. Он олицетворяет любовь к мудрости. И эти два коня тянут колесницу в разные стороны и рвут ее... Сложно приходится вознице, повелителю души».

Слушая голос Энграфа, Адам погружался в себя, как учил крестный, и продолжал слушать.

– Куда же направляет колесницу повелитель души? Читаю дальше. «А душа хочет к богу, на вершину Неба, где можно созерцать подлинное бытие. Оттуда открывается умопомрачительный

вид на царство Единого Всевышнего. Белый конь устремлен наверх, но черный – проявляет упорство. Это значит, что, если человек следует своей похоти, тогда в колеснице души возникает смятение и борьба. Возничий не справляется, может легко покалечиться, сломать крылья и упасть. Такая колесница носится, пока не натолкнется на что-нибудь твердое, чтобы вселиться туда и получить земное тело. Смертный – сопряжение души и тела. Чистая же душа, свободная от земных страстей, совершенная и окрыленная, парит в вышине и правит миром вместе с бессмертными богами, у которых кони и возничие все благородны и происходят от благородных». Тем временем бессмертные боги отправляются на праздничный пир, поднимаются к вершине небесного хребта и, не теряя равновесия, созерцают то, что за пределами Неба – Занебесье и мир чистой истины...

Адам провалился в сон.

Заметив это, Энграф отложил конспект и сам уснул в кресле.

Адам проснулся пару часов спустя от сильной боли и с чувством неопределенной тревоги. Энграф громко храпел в кресле.

Адам понял, что так ему больше не заснуть, и тихо вышел в яблоневый сад. Свежий воздух об-

легчил боль и развеял тревожность. Адам сел за письменный стол под большой яблоней и сделал глубокий вдох.

Наверху светила луна, внизу трещали цикады, которые по преданию Платона некогда были людьми-певцами. Они так любили петь, что забывали о пище и питье, в самозабвении умирали и отправлялись к музам известить их о земных делах.

Мысль о самозабвенно певучих людях увлекла Адама дальше в мир идей Платона, и тут с дерева сорвалось яблоко.

Адам почему-то подумал, что яблоко волшебное...

Оно падало медленно, нарушая закон притяжения, и вопреки вычислениям Ньютона летело с корявой ветки, как пушинка или перышко, а упав в траву, легко засветилось лунными оттенками. Почему-то Адам вспомнил все сказочные яблоки сразу – райское, искушения, раздора, коварные, усыпляющие, омолаживающие...

Дальше было страннее…

Яблоко покатилось в сторону Адама и остановилось у его ног.

Адаму показалось, что самое время надкусить яблоко, при этом загадав заветное желание.

Для начала Адам поднял яблоко.

Это было гораздо легче, чем определить заветное желание. Чтобы не ошибиться, Адам закрыл глаза, мысленно поплыл за звуками цикад и вообразил семейный уют. Себя он представил отцом, Еву – мамой, а рядом с ними сам по себе нарисовался мальчик.

Адам решил, что это идеальное заветное желание, и надкусил яблоко.

Приятный вкус медленно растворился во рту, аромат наполнил все тело и…

Внезапно головная боль улетучилась.

Адам опешил.

Он не мог поверить, что мигрень испарилась.

Он не смел пошевелиться и наслаждался неожиданной легкостью.

Приятное ощущение невесомости продолжалось около минуты и…

Вдруг Адам услышал четкий, достаточно громкий голос с очень странным носовым призвуком.

От этой неожиданности он вскочил и замер…

3. ОКЕАН ТЕНЕЙ

Итак послушай голоса их;

только представь им и объяви им права царя,

который будет царствовать над ними.

Голос с носовым призвуком сказал:

– Вообразите, сэр, что вся материя вселенной, включая солнце и планеты, равномерно рассеяна по всему небу, а каждая частица этой материи обладает тяготением ко всему остальному… Вообразили?

Ошарашенный Адам осматривался по всем сторонам, но вокруг не было никого, кроме порхающих ночных бабочек, и Адам осознал, что голос звучал у него в голове.

Ошарашенным звучал и голос:

– Однако куда это я попал? – спросил он. – Я гулял по парку и вдруг обнаружил себя в этом замкнутом пространстве! Что со мной?

Адам приказал голосу:

– Замолчи!

Но голос его не услышал и продолжил гнусавить о своем:

– Где бы я ни был, я не могу не размышлять и не составлять уравнения. Поэтому продолжаю… Итак, мы вообразили, что вся материя тяготеет ко всей материи. Теперь вообразим, что все пространство, по которому рассеяна эта материя, была бы конечной… Представили?

Вдруг Адам узнал манеру речи и воскликнул:

– Ты Ньютон?

Вместо ответа в голове Адама прозвучал другой голос, с хрипотцой:

– Хорошо, перед моим мысленным взором предстает пространство с рассеянной материей, каждая частица которой тяготеет ко всему остальному. Что дальше?

Адама передернуло от мысли, что голоса вели философский диалог, не обращая внимания на владельца головы.

Гнусавый голос ответил тому, с хрипотцой:

– Дальше то, что если все было бы так, тогда вся материя стремилась бы ко всей остальной материи и падала бы на центр пространства в одну большую сферическую массу. Но мы наблюдаем совсем другое! Материя равномерно распределена и образует бесконечно много больших масс,

рассеянных на больших расстояниях друг от друга по всему бесконечному пространству.

Голос с хрипотцой ответил:

– Ты, мой друг, хочешь доказать беспредельность единой вселенной?

Адам внезапно понял, что голос с хрипотцой говорит, как Платон, и закричал:

– Эй, вы…

Голос с хрипотцой услышал возглас и возмутился:

– Не надо орать! Помолчи и дай Ньютону высказаться.

Тогда гнусавый голос продолжил:

– Да, сэр, я именно хочу доказать беспредельность вселенной…

Голос с хрипотцой ответил:

– Ты никогда этого не добьешься, сидя в своей пещере.

– В какой пещере?

Платон ответил:

– В той, где большинство людей находятся с малых лет. Они в оковах, не могут повернуть шею и видят только то, что у них прямо перед глазами.

Ньютон ответил:

– Это нелепая умозрительная реальность, но, если вы очень просите, допускаю.

Платон сказал:

– Представь дальше, что ты сам узник. А в пещере есть просвет, откуда проникает яркий небесный свет, но ты обращен спиной к просвету. А между тобой и источником света другие люди проносят статуи и изображения живых существ, сделанные из камня и дерева, и все держат так, что тени падают перед тобой на стену пещеры. А ты в кандалах и с рождения видишь только тени и больше ничего!

Адам выписывал в свой конспект этот миф Платона о пещере, но теперь, слушая впечатляющий голос автора, он четко представил себя в пещере и сказал в полголоса:

– Все, что я видел в жизни, это тень какой-то утвари, которую проносят за моей спиной, тогда как сами предметы я никогда не увижу, пока с меня не снимут оковы. Я хочу увидеть истину!

Тем временем Ньютон ответил Платону:

– Сэр, очевидно, что вы предлагаете вообразить нечто абсурдное и бессмысленное, но я не буду противоречить вам.

Платон сказал:

– Теперь вообрази, о чем бы ты говорил с такими же узниками, которые сидят рядом, если они тоже видят лишь тени на стене?

Адам представил узником дядю Энграфа, своих

родителей, а Ньютон сказал:

– Мы бы обсуждали только тени, которые видим.

Платон ответил:

– Теперь подумай сам, наблюдая за небом, не видишь ли ты лишь тени звезд?! Так ты классифицируешь тени, измеряешь их, составляешь суждение о тенях, но от тебя ускользает сущность звезды. Все твои уравнения измеряют только взаимосвязь теней. Какой в этом смысл?

Наступило молчание.

Адам замер в ожидании. Он вспомнил предсмертные наставления Питирима, который говорил о светлом мире, который начинается за пещерой неразумения и спросил:

– Возможно ли, вообще, выйти из пещеры?

Платон сказал:

– Теперь вообрази, что в пещеру пришли освободители, помогли подняться, повернуть шею, и теперь ты смотришь на ярчайшее сияние после того, как всю жизнь находился во тьме. Что ты будешь чувствовать?

Адам воскликнул:

– Мне пришлось бы зажмурить глаза и дождаться, пока привыкнет зрение…

Платон сказал:

– Вот именно! Когда глаз привыкнет к свету, все скрытое станет явным.

Ньютон возмутился:

– Я теряю время с вами. Прошу вас, сэр, избавьте меня от ваших беспочвенных измышлений, нам не по пути.

Платон ответил:

– Не смеши. Какой у тебя путь, когда ты заперт в голове писателя?

В голосе Ньютона появилась тревога:

– Как я здесь оказался?

Платон ответил:

– Ты случайно, а я намеренно.

– Какое же у вас намерение?

– Хочу освободить Адама и показать ему путь из темной пещеры земных теней на свет.

Перепуганный Ньютон прогнусавил:

– На свет?

Платон ответил бодро и весело:

– Да! Туда, где открывается вся истина мироздания во цвете.

Адам воскликнул:

– Тогда я найду Еву?!

Платон ответил:

– Все возможно…

Адам сказал решительно:

– Говори быстрей, куда идти?

Внезапно запротестовал гнусавый голос:

– Я никуда не иду…

Однако Платон не обратил внимания на возражение и сказал:

– Нам нужна колесница.

Адам оглянулся и увидел розовую Вогельфлюгель у ворот.

– Эта подойдет?

Платон спросил:

– А где лошади?

– Там пятьсот лошадей под капотом.

Платон воскликнул:

– Как интересно!

Ньютон продолжал возмущаться:

– Я не тронусь с места, и вы обязаны учитывать мое мнение!

Адам уже выезжал за ворота.

Платон восхищался:

– Ого! Какая же сила ею движет?

Адам спросил:

– Платон, куда едем?

– Направо.

4. ДОРОГА

И будет там большая дорога,

и путь по ней назовется путем святым.

Адам удивился:

– Направо тупик – тишиглушинское непроходимое болото.

Платон ответил невозмутимо:

– Вселенная, у которой нет ни начала, ни конца, ни середины, не может иметь и тупик. Только замкнутое и ограниченное сознание водит по замкнутому и ограниченному кругу. Расширяем сознание, исчезает тупик.

Адам резко затормозил.

Вогельфлюгель остановилась.

Дальше непроглядная даль, скрытая под тонким слоем болотного тумана.

Адам сказал:

– Дорога закончилась. Дальше нет почвы под ногами.

Платон отозвался:

– Не верь глазам и поезжай вперед! Это лишь болото твоих сомнений.

Здесь ожил детский страх Адама. Дядя Энграф не раз пугал его рассказом о болотном чудище.

Платон сказал:

– Твой дядя также рассказывал о красивейшем поле со сладкими ягодами, которое простирается за болотом.

Адам возмутился:

– Никто не видел то поле!

Платон возразил:

– Я видел поле и ягоды пробовал… Преодолеешь болото заблуждений, откроются сладкие плоды мудрости и счастья.

Адам сказал:

– Энграф говорил, счастье только здесь…

Платон ответил:

– А Питирим говорил, что счастье внутри.

Адам удивился:

– Откуда ты знаешь?

– Я же в твоей голове! – ответил невозмутимо Платон и добавил. – У тебя волшебная колесница. Правда, она без крыльев, но… Думаю, хорошего разгона должно хватить.

Опять вмешался Ньютон:

– Пока вы философствовали, я составил уравнение и рассчитал, что сила вытаскивания ноги из болота со скоростью десятой части метра в секунду равна силе поднятия десяти телег, полностью нагруженных камнями. Это означает, что зыбучая жидкость быстро поглотит глупца, который осмелится шагнуть…

Платон ответил на это:

– Решение за тобой, Адам, но я не позволил бы себе взять руководство, пока не рассмотрел бы все со всех сторон. Ведь мне было бы стыдно за нас, если бы я привел вас к гибели.

Это звучало очень убедительно. Адам быстро вернулся за руль и до упора выжал педаль газа. Розовое чудо заревело, разогналось и рвануло прямо в болото…

Платон ликовал:

– Теперь взлетаем вверх!

Но машина никуда не взлетела, а немедленно увязла…

Колеса буксовали и расплескивали жутко пахнущую болотную жижу. Адама бросало во все стороны, но он все сильнее выжимал педаль газа, отчего машина проседала дальше, наталкивалась на невидимые кочки, но порог был пройден, и обрат-

ного пути не было.

И Вогельфлюгель прорвалась...

Адам не помнил, как это произошло, но машина выехала на более твердую болотную почву, возвысилась над трясиной и… рванула вперед с мощностью в триста лошадиных сил.

Адам остановился и оглянулся.

Дымка болотного тумана была теперь позади, а впереди он увидел огромное поле со сладкими ягодами и закричал:

– Здесь начинается новая вселенная!

Эхо невидимых гор возвращало его голос, а сам он прыгал от восторга, как маленький мальчик, который открывает новую вселенную… Адама переполняло волнующее чувство первооткрывателя. Он преодолел тот рубеж, куда его не пускали с детства… Кто мог поверить, что Тишиглушь вовсе не тупик?!

Забрезжил рассвет, и перед Адамом открылся умопомрачительный вид восходящего солнца! Пейзаж был просто неземным… Солнце светило так ярко, что Ньютон ахнул, а Адам чуть не ослеп.

Платон успокоил:

– Глаза привыкнут. Но когда бы ты ни пришел сюда, всегда нашел бы здесь все таким прекрас-

ным. Поедем дальше?

Адам вернулся в машину и бодро пустился по восходящей в гору дороге. Вогельфлюгель легко преодолевала подъемы, а пейзажи становились все восхитительнее.

Заговорил Ньютон:

– Хочу признаться, я благодарен за то, что вы взяли меня против моей воли. Я не должен был сопротивляться вам. Если бы вы оставили меня, я не почувствовал бы этот удивительный рассвет, и меня не посетило бы озарение.

Платон спросил:

– Какое же было у тебя озарение?

– Я очень много размышляю о тяготении тел друг к другу. Это факт. Но меня всегда мучил вопрос, как же одно тело воздействует на другое на расстоянии через пустоту? Если между солнцем и землей есть только пустое пространство, то посредством чего через это пустое пространство передается сила тяготения? И только здесь я вдруг понял, что тяготение вызывается неким таинственным, мыслящим агентом! Эта сверхъестественная сила, которая разместила планеты в гармонии. Творец системы проникает очень тонким духом даже в самые твердые тела, и тогда они притяги-

вают одно другое. И Он весьма искусен в механике и геометрии.

Платон ответил:

– А для меня очевидно, что у каждой планеты есть внутренний правитель, который движет ею подобно кормчему в своей ладье.

Адам сказал:

– Мне хочется нарисовать или описать эту красоту.

Платон ответил:

– Я хочу, чтобы ты стал необычным художником.

– Что ты имеешь ввиду?

– Обычный художник смотрит на солнце и рисует копию. Но видимое солнце уже есть копия чистой идеи солнца. А чистая идея так же сильно отличается от видимого солнца, как видимое солнце отличается от копии солнца на холсте. И чем выше смотрит художник, тем лучше он видит не просто видимое, но мыслимое… Тогда можно созерцать непосредственно чистую идею и нарисовать копии божественных образов. Таких художников называют гениальными! Это художники духа! Я хочу сделать тебя, Адам, художником духа. И ты уже на пути к этому…

5. РУИНЫ ЗНАНИИ

Города твои превращу в развалины.

Скоро Адам увидел развалины на обочине.

Он остановил Вогельфлюгель и вышел посмотреть.

– Что это за место, и кто здесь жил? – спросил он.

Платон ответил:

– Мы между Небом и Землей, а называется это место Поднебесьем. Его давным-давно создали бессмертные боги, которые загорелись желанием творить. Тогда же они сотворили первых людей по образу и подобию своему – бесполых великанов.

– Возможно, Питирим встречал одного из них... А как они жили?

– В разные эпохи – по-разному. При мудрецах было больше процветания и развития, нежели при монархах, однако худшее время было при демократии, когда дикие народы избирали таких же диких правителей, которые вели народ к еще большей дикости. Теперь от тех гигантов остались

только поднебесные развалины.

Адам ходил по исполинским руинам. Перед ним возникали громадные памятники двуликих с глубокой тоской на обоих лицах, а Платон рассказывал:

– В те далекие времена на этих каменистых и пустынных местах были божественные леса и роскошные равнины, покрытые тучной почвой. Отличную землю возделывали истинные землепашцы, и двуликие жили в полном изобилии. У них было все! Не было только любви, пока не родился однажды среди них герой, который устремился к бессмертным богам на Небо...

Адам спросил с интересом:

– Как же он попал на Небо?

К этому моменту глаза Адама привыкли к сиянию Поднебесья настолько, что он увидел вдалеке вершину.

Платон сказал:

– Гора Геликон. Она великолепна! Через нее проходит единственный путь на Небо.

Адам присмотрелся:

– Там я вижу радугу.

– Это Небесные Врата…

Адам сказал решительно:

– Значит, мне туда…

6. НЕБЕСНЫЕ ВРАТА

И будет радуга Моя в облаке.

Чем ближе к вершине, тем удивительнее казалась сияющая и живая радуга. Она чудесным образом подпирала весь небосвод и разделяла пространство надвое. По эту сторону возвышалась высокая гора Геликон, по другую была непроглядная, но манящая фиолетовая дымка таинственной вечности.

Адам сразу узнал радугу своего детства – ту самую, под которой он не смог пробежаться вместе с отцом. Теперь он дал себе слово проникнуть по ту сторону радуги любой ценой.

У подножья Геликона закончилась дорога. Здесь Адам оставил Вогельфлюгель и дальше взбирался пешком, пока не увидел огромный древний храм, стоявший прямо под радугой...

Платон сказал:

– Великий Мусейон. Здесь обитают три Музы, руководимые великим бессмертным богом Аполлоном. Нежное тело они омывают в священном

роднике и заводят радужный хоровод под водительством Аполлона.

– Я увижу бога солнца? – спросил Адам.

– Нет! Ты для него случайный смертный. Примерно, как муравей для тебя. Вряд ли он обратит на тебя внимание.

– Что же за радугой, в фиолетовом свечении?

– Радуга над Мусейоном разделяет вселенную на две половины. По эту сторону видимый и чувственный мир, а по ту сторону – Небо и мир бессмертных богов.

Адам стремился вперед:

– Мне туда! Об этом я мечтал всю жизнь!

Ньютон вмешался:

– А меня совсем туда не тянет. На земле столько всего надо исследовать!

Платон сказал:

– Музы могут проводить тебя под радугой, но их невозможно уговорить. Если ты их увидишь, они будут соблазнять блаженством здесь…

Внезапно пространство заполнилось неземной мелодией.

Невидимый исполнитель так искусно играл на таинственном инструменте, что музыка звучала одновременно со всех возможных сторон.

Вместе с этой музыкой фиолетовая дымка немного отступила, чуть-чуть развеялась, и перед Адамом открылась роща неописуемой красоты. Огромные деревья, красивые кусты, сияющие цветы и ярко зеленая трава – все в этой роще было неземным и медленно двигалось в гармонии с проникновенной мелодией. Вершины гор покачивались, облака плыли в такт, листья шелестели в унисон, кусты шуршали в ритм, цветы вальсировали в ногу, а трава колыхалась в бит.

Приятная прохлада рощи позвала Адама.

Он вошел в нее и встал на пороге прозрачного родничка, вода в котором тоже подтанцовывала под ритм неземной музыки.

Адам вдохнул небесный ветерок, попил воду из волшебного родника и тогда ощутил, что простое, до невозможности гармоничное звучание таинственного инструмента воспринималось не слухом, а непосредственно душой.

В тот же миг фиолетовое свечение за радугой зашевелилось и, подобно артистам, из фиолета выступили очаровательные создания. Три прекрасные девы…

Они плыли, не касаясь земли, светились, как звезды, и грациозно танцевали под музыку. Их

кожа сияла цветом индиго, в волосах искрились блестки, а белые платья волшебными волнами развевались по ветру. Они подлетели ближе, и Адам услышал их пение.

Скучно нам на Геликоне,
Люди нас не посещают,
Раньше было все иначе,
Мы поэтов вдохновляли,
Нас творцы боготворили,
К нам ученые взывали,
Наши ласковые взгляды
Всех на подвиг подвигали.
Но теперь другое время,
Поколенья поменялись,
Почитатели исчезли,
И поэты потерялись,
Для кого нам петь? Не знаем!
Нас никто не вспоминает,
Здесь мы чахнем молодыми,
Красоту свою теряем.
Геликон давно другим стал,
Нас тоска съедает, скука.

Наше пенье, вдохновенье,

Больше никому не нужно.

Жизнь не в радость, мы в печали,

Нам теперь здесь очень грустно.

Нет нам больше утешенья,

Солнце наше светит тускло.

Внезапно они заметили Адама и запели радостнее.

Посмотрите, кто взлетел к нам

На вершину Геликона!

Люди муз давно забыли,

Вспомнил нас из них хоть кто-то.

Как не радоваться счастью?!

Примем гостя мы с почетом,

Наши чары щедро дарим,

Будем вдохновлять героя.

Так музы водили таинственный хоровод под волшебную музыку. Затем одна из них выступила вперед, подлетела к Адаму и присела прямо в воздухе. Адам почувствовал ее магическую силу и увидел, что ее голову украшает золотая, сверкающая корона, а в руке она держит книгу.

Она пропела ему:

Каллиопа мое имя.
Знай, была всегда я рядом
И к познанию вселенных
Твою душу направляла.
Шепот мой ты часто слышал,
Я твой дар преумножала.
В трудные минуты жизни
В сновиденьях ободряла.
Все Небесные идеи
Для тебя я шила, ткала,
Вдохновенье в дождь веселый
Для тебя упаковала.
Капли озарений чистых
На тебя я проливала.
Книгу сочинять и дальше
Издавать я помогала.
Умоляю, дальше слушай:
Книгу лучшую напишешь.
Следуй моему лишь зову,
Зря ты в людях музу ищешь.
Все награды ты получишь,
Если только мною дышишь.
Оглянись, во всем и всюду
Только лишь меня увидишь.

Адам воскликнул:

– Каллиопа, ты очаровательна, но… Мне надо на Небо, сквозь радугу и… Мне нужна Ева!

После этих слов Каллиопа потускнела, и тогда засияла вторая муза. Сидя на легкой волне, она приплыла к Адаму, и он увидел лиру в ее руках. Она подыгрывала уже звучащей музыке и напевала.

Полигимнией зовусь я,
Будем песней говорить.
Спой со мной бессмертным гимны,
И бессмертье ощутишь,
Звезд звучанье, песнь вселенной
Я хочу тебе дарить,
И в космической гармонии
Я хочу с тобой парить.
Голос мой, звучащий славно,
Достигает мир богов.
Каждый, кто со мной созвучен,
Сам взлетает высоко.
Завораживает песня,
Если вместе мы споем.
Пусть твой поиск завершится,
оставайся здесь со мной.

Адам ответил:

– Ваше предложение соблазнительно, но я не буду петь без Евы, потому что я люблю ее!

После этих его слов к Адаму поплыла третья муза. Она держала в руках живой сферический небосвод с мерцающими звездами и сияющими галактиками.

– Что это? – спросил удивленный Адам.

Она пропела в ответ:

Я Урания, и познанье
Мне дается в тонком теле.
В беспредельности вселенной
Мне открыты настежь двери,
Все секреты мирозданья
Я в руках держу, как свечи,
Будь со мной в сиянии знаний,
Мудрость обретешь навеки.
Стоит только попросить, и
Вечность мы тебе откроем.
Творчество твое возвысим,
Обновим, благоустроим.
С нашей помощью ты сможешь
Храмы мысленно построить,
Душу мы тебе на вечность,
На бессмертие настроим.

Адам насладился песней и ответил твердо:

– Я буду летать только с моей Евой!

Тогда все три Музы хором потускнели и пропели:

Предлагала Каллиопа
По эфиру погулять,
Все секреты про бессмертных
И про вечность рассказать,
Занебесные идеи
Прямо в ухо нашептать,
Вместе радоваться жизни
И на книгу вдохновлять.
Полигимния хотела
В вечности его согреть,
Созерцать все тайны мира,
Гимн Всевышнему пропеть.
А Урания приглашала
Беспредельность осмотреть,
Вместе сочинять трактаты,
Вместе творчеством гореть.

Адам им ответил:

– У вас очень красиво, но я чувствую другое при-

звание. За радугой меня ждет та самая неизведанная вселенная, к которой я стремился с детства. Проведите меня туда, развейте туман, а дальше я сам разберусь.

В ответ Музы пропели грустно:

Путь ты в неизвестность держишь,
Как и многие глупцы,
Высоко надменно метишь,
Как другие гордецы,
В мыслях только Еву вертишь,
Строишь на песке дворцы,
Вряд ли явное заметишь,
Как и многие слепцы.

Вдруг произошло другое удивительнейшее явление.

Из фиолетового свечения вылетела огромная золотая колесница с мощными лебедиными крыльями.

Наездник сиял, как частичка солнца.

Музы склонились перед ним в почтении и запели.

Златоликий, дальновержец,
Кифаред и музыкант,
Вот наш вождь и наш водитель,
Наш отец и сводный брат.

На кифаре он играет,
В хороводе водит нас,
Бог бессмертный прилетел к нам
Прямо из Парнасских скал.

Откуда-то из глубины души Адам услышал имя этого бессмертного бога…

7. ФЕБ-АПОЛЛОН

...И кто скажет человеку,

что будет после него под солнцем?

Адам увидел перед собой величественного бога солнца. У него был золотой лук на плече, а на золотой кифаре он наигрывал тот самый мотив, который приводил в движение всю волшебную рощу. Под эту музыку танцевали музы, птицы и даже растения.

Аполлон окинул взглядом Адама и пропел ему:

Звездный дух во мне сияет,
Потому и стал я Фебом.
Под кифару я пою и
Называюсь кифаредом.
Муз вожу я в хороводе,
Именуюсь мусагетом.
Выпускаю стрелы метко,
Величаюсь стреловержцем.
Я тебя убить обязан!
Нет сомнений, понимаешь.

Смертного на Геликон мне
Совесть допустить мешает.
Там, за радугой на Небе,
Ты сгоришь в сиянии солнца.
Лучше просто подчинись мне,
Скоро будешь снова дома.
Смертному не подобает
В Небо дерзко устремляться.
Развернись быстрей обратно,
Радуйся, что жив остался.
На земле купайся в славе,
Долгой жизнью наслаждайся.
Больше не о чем болтать нам.
Вон отсюда! Выметайся.

Аполлон махнул Адаму рукой на прощание, воспарил наверх и призвал муз следовать за ним, но...

Адам закричал ему вслед:

– Нет! Я иду в фиолетовое сияние, и никто мне не помешает!

Аполлон взял странный аккорд и прекратил игру.

Внезапная тишина обездвижила всю рощу. От этой неслыханной дерзости Музы застыли в ужасе, растения перестали двигаться, а птицы все разом замолчали.

Бессмертный бог внезапно взмахнул рукой и пустил в Адама огненную стрелу… Стрела вонзилась в землю в двух шагах от него. За первой последовала вторая и третья, и…

Секунду спустя Адам стоял посередине полыхающих стрел, которые образовали вполне обыденное сердечко.

Аполлон подошел к Адаму и пропел ему:

Никогда не промахнется
Золотистый лук мой меткий,
Сердцевину протыкаю,
Если не послушен смертный.
Застрелю тебя с заботой,
В мир отправишься блаженный.
Смерть легка на Геликоне,
В это скоро сам поверишь.
На тебя смотрю и вижу,
Эрот ранил прямо душу.
В чувствах смешанных потерян
И запутан не на шутку...
Трижды он меня заставил
Танцевать под злую дудку.
Так и быть, открою правду,
Ничего скрывать не буду.

Аполлон сел, снял с головы лавровый венок, уложил его рядом с собой и продолжил петь под новую мелодию:

Как-то Эрот возомнил, что
Он сильнее всех бессмертных,
Натянул наглец тетиву,
В сердце выпустил мне стрелы.
Это было вероломство.
Разум мой ослаб, померкнув.
Надо мною превосходство
Доказать хотел он этим.
В нимфу я влюбился глупо,
Дафной деву называли.
Ей вколол другие стрелы,
Те, что чувства убивали.
Пламя страсти в ней потухло,
А моя грудь полыхала,
Я мечтал на ней жениться,
А она трусцой сбежала.
Очи отражали звезды,
Я мечтал налюбоваться,
Гнался я за ней по полю,
Но в лесах она скрывалась.
Добежала до волшебных вод
И у реки упала.

Еле дышит, горько плачет.
Я подумал, что попалась.
Но кричит волшебным водам:
«Клятву смерти принимайте,
Никому не покорюсь я,
Красоту мою смывайте!
Удалите смело прелесть,
Чудо чудное свершайте,
Тело нежное в мгновенье
В дерево преображайте».
Волосы позеленели,
Превратился палец в ветку,
Вся корою обрастает,
Корни устремились в землю.
Дева в древо обернулась,
Красота преобразилась,
Деревом лавровым стала,
Ни за что не покорилась.
Горько я страдал и плакал,
Дальше жить мне не хотелось,
И решил венком лавровым
Чтить героев и поэтов.
«Мне супругою не будешь,
Будь же ты вечнозеленой» –
Так сказал прекрасной Дафне
И влюбился в лист лавровый.

Сплел венок себе на память,
Пусть чело мне украшает,
Негодяя же Эрота
Пусть всевышний проклинает.
Ты его коварство помни,
Никогда не доверяйся.
Дерево полюбишь страстно,
Он же будет забавляться.

Аполлон грустно посмотрел на свой лавровый венок, вернул его себе на голову и продолжил:

После Дафны Кориниду
Повстречал я и влюбился.
Девушку боготворил и
Скоро я на ней женился.
В те века со мной жил ворон.
Белый, словно снег, светился.
Он служил мне почтальоном,
Ветер обгоняла птица.
Вновь явился гадкий
Эрот со своим злодейским планом,
В Кориниду запустил он
Роковые стрелы градом.
Загорелась Коронида,
К смертному пылая страстью,
То у берега встречалась

тайно, то в саду украдкой.
О предательстве не зная,
Я играл на Геликоне,
Развлекал бессмертных лирой,
Муз водил я в хороводе.
Прилетел курьер мой ворон
И накаркал об измене.
Загорелся жаждой мщенья,
Воспылал мой разум в гневе.
Как посмела?! С грязным смертным
Ложе мерзко разделила.
Лук свой выхватил и стрелы...
В грудь ей смерть отправил мигом.
Солнце меркнет, дева дух свой
Испускает и рыдает:
«Не одну меня убил ты,
В чреве сын твой умирает...
От тебя ношу ребенка,
Как душа твоя не воет?
Ведь сегодня погибаю
Не одна, а гибнут двое…»
Я не знал, она носила
От меня ребенка, сына!
Ненавидел лук свой меткий,
Пожалел о смерти сильно.

На костре она горела,
Я же был в ужасном гневе.
Не могло же мое семя
Обратиться в прах и пепел?
Вырвал сына из утробы
И понесся я, как ветер,
И отправился к Хирону,
Друг кентавр мой жил в пещере.
Полузверь был очень счастлив
Мальчику бессмертной крови.
Говорил: «В ребенке вижу
Я возвышенные корни».
Передал Хирону сына
Для отеческой заботы.
Пусть науке врачевания
Учит ночи, дни и годы.
Вижу, за донос награду
Ждет предатель, белый ворон.
«Вестник зла – кричу – гадюка!
Каркающий, ненадежный,
Будь отныне черной птицей,
Как язык твой жутко-темный.
И отбросами кормиться
Будет все твое потомство».
Стрелы похоти хранятся
У Эрота в тайном месте,

Страсть кончается плачевно,
Страшные узнаешь вести.
И тогда сказал я: «Хватит!
Надо больше чтить мне вечность.
Храм воздвигну, чтоб познать в нем,
Как себя, так беспредельность».

Адам слушал затаив дыхание. Он думал о своем. Неужели его любовь к Еве можно свести к похоти?

Набрав несколько последних аккордов, Аполлон изменил ключ и запел следующую песню.

Истомленный горем плавал
Долго я в открытом море.
К берегам пристал Тельфусы,
Остров был красив, спокоен.
Возвышалась там царица
На серебряном престоле.
Мне в любви она поклялась,
Я поверил... Вышло горе...
Эрот снова лук готовил,
Стрелы выпустил в царицу.
Возбудил он в ней коварство,
Вероломство и гордыню.
Про мою любовь навеки
Королева позабыла,

Улыбалась мне, но в сердце
Погубить меня решила.
Говорит она лукаво:
«Мудрый, славный мой владыка,
Ты замыслил храм пространный,
Да не выйдет нам ошибка.
На Тельфусе очень шумно,
Пролегает путь торговый.
Неспокойно будет в храме,
Строить здесь его не стоит.
Я приметила для храма
Место славное на Крисе,
В изобилии растут там
Золотые кипарисы.
Очень тихо днем и ночью,
Шум копыт не будет слышен,
Караванами не ходят,
Твой алтарь пребудет в мире».
Так, обманутый, как мальчик,
Я поплыл на чуждый остров.
Я не знал, что в тихой бухте
Притаился драконоза.
И как только я фундамент
Заложил для храма в Крисе,
На меня дракон напал, и
Мы сцепились в жуткой битве.

Ах, коварная Тельфуса
О драконе мерзком знала.
И на верную погибель
Вероломно отправляла.
Дикий змей хотел смертельно
Со спины меня ужалить.
Но всегда готов я к битве,
Стрелы в змея я отправил.
Поразили драконозу
Огненные мои стрелы,
Ползал гадкий в жутком смраде,
Предвкушая запах смерти.
В черной крови он купался,
Причитал и задыхался.
Наконец уткнулся в землю,
С жизнью ревом распрощался.
Я дракона бросил в воду,
Пусть гниет в морской пучине.
Сам отправился к Тельфусе,
Сильно злился, был обижен.
В гневе ей кричал: «За подлость
Накажу тебя жестоко.
Сердце каменное носишь,
Пусть скалою обернешься».
Завалил камнями бухту,
Превратил в скалу Тельфусу,

Храм на той скале воздвигнул –
Лично в нем молиться буду.
На стене фасадной в камне
Вытесал слова напутствий –
Каждый пусть себя познает –
И в блаженстве мир пребудет.

Феб-Аполлон набрал последний аккорд, музыка замолкла, и он сказал Адаму:

– Наш диалог закончен. Тебе здесь не место. Возвращайся на землю, женись, роди мальчика, напиши еще одну книгу…

Адам перебил бессмертного бога:

– Нет! Мой путь только на Небо! Я пойду к радуге, а ты можешь пускать стрелы в спину!

Аполлон посмотрел на Адама наискось и ответил:

– Ты, вообще, знаешь, о чем говоришь? Врата Неба охраняет псеглавый рыцарь по имени Кинокефал! Он тебя живым съест. Не лучше ли тебе умереть от моей нежной стрелы? Но зачем же в спину? Лучше в грудь!

Сказав это, Аполлон взлетел к облакам и, натянув лук, пустил огненную стрелу в сердце Адама…

Перед глазами Адама пронеслась его короткая жизнь.

Он чувствовал любовь к матери, к отцу, к Еве…

И это была не плотская любовь, не похоть!

И если настал последний миг, но…

Вдруг какая-то неведомая сила изменила направление стрелы, и она разбилась о камень.

Аполлон оглянулся с удивлением:

– Я никогда не промахиваюсь. Кто помешал моей стреле?

Из фиолетового сияния радуги выделился комочек света. Он быстро подлетел к Адаму и превратился в красивую женщину.

Музы зашептали:

– Эрата…

Аполлон сказал:

– Ну, конечно! Опять хитрая Эрата… Зачем прилетела? Что же тебе надо?

Эрата не ответила Аполлону и пропела Адаму сладким голосом:

Тебе взлететь я помогу.
Под облаками проведу.
Вершину Неба покажу,
На просветленье наведу.

Аполлон возмутился:

– Зачем тебе этот смертный?

Эрата пропела дальше:

Любовь Адама вознесет
На занебесный горизонт,
Туда, куда душа зовет
Да не препятствует никто.

Аполлон махнул рукой и сказал:

– Делай, что хочешь, а я посмотрю, как с Кинокефалом его познакомишь…

Эрата зажгла факел и позвала Адама следовать.

За мной, мой друг, скорей летим,
Пора нам Небо посетить,
Дела великие свершить,
Мечтою путь твой осветить.

Эрата поплыла перед Адамом, окрашивая все пространство в семицвет, и слилась с Небесной Радугой.

Адам последовал за ней в ослепительно яркий свет, и они вышли с другой стороны Радуги.

Сбылась заветная мечта Адама…

8. ЖЕЛАНИЕ ДУШИ

Как лань желает к потокам воды,

так желает душа моя к Тебе, Боже!

Но радость была короткой – путь на Небо Адаму преградил монстр – рыцарь с огромной собачьей мордой.

«Кинокефал!» – с ужасом подумал Адам и замер, охваченный животным страхом, а чудовище обнюхивало его со всех сторон. Спасла Эрата. Она что-то нашептала Кинокефалу, как-то задобрила его и, смягчившись, он сказал хриплым голосом:

– Чую в смертном плотскую любовь, гордыню, самость. Не понимаю, что ты в нем нашла, Эрата? Ты просишь пощадить его… Ну, так и быть. Не загрызу его сейчас, но непременно съем на обратном пути. Запах его врезался мне в память навсегда и никуда не денется он от меня.

После этих слов Конокефал отступил и растворился в сиянии.

За ним исчезла Эрата.

Адам остался в ярком сиянии без всяких ориен-

тиров.

Даже Платон с Ньютоном выпали из его головы и внезапно материализовались из сияющего тумана в очень необычные формы.

Перед Адамом появились Пегас и Кентавр.

Пегас был белой масти – кудрявый, атлетичный, стройный, с высокой шеей. В нем чувствовалась рассудительность и совестливость. Он олицетворял любовь и мудрость. И заговорил уже знакомым голосом Платона:

– Ого-го! Вот чудесная метаморфоза! Сначала я ожил в голове Адама, где начал быть и мыслить. Затем у меня появилось лошадиное тело с крыльями! Я друг истины и всегда мечтал полетать Пегасом…

Он разбежался, взлетел, с радостным кличем сделал круг над головой Адама и приземлился рядом с Кентавром.

Кентавр, в свою очередь, был черной масти, горбатый, тучный, с мощной, но короткой шеей. В нем чувствовалось стремление к тщеславию, а голова у него была покрыта кудрявым черным париком, и был он одет в какой-то смешной дублет… Он сделал несколько неуклюжих движений, подпрыгнул, споткнулся, ударился о выступ облака и

сказал гнусавым голосом Ньютона:

– Что за ужасная трансформация? Кто вогнал мой чистый разум в это вонючее тело? Кошмар!.. Я с детства ненавидел домашний скот и… Теперь сам стал лошадью... Ужас!!!

Платон-Пегас сказал:

– А я всегда мечтал быть крылатым… Буду разумным конем в колеснице Адама и вознесу хозяина прямо на вершину Неба.

Ньютон-Кентавр возмутился:

– Я не хочу запрягаться, потому что я вам не упряжное животное, а натурфилософ…

Адам сказал им:

– Платон, твоя идея мне нравится, как всегда, но… Где та колесница, в которую я мог бы вас запрячь?

Рассеялся туман, и Адам увидел Вогельфлюгель, трансформировавшуюся в небольшую колесницу. Обрадовавшись, Адам вскочил в колесницу, а Пегас с Кентавром сами запряглись в нее. Вожжи сами уложились в руки Адама, и он воскликнул:

– Колесница моей души… Вперед! Вперед! На вершину Неба! Приказываю лететь без остановки.

Пегас ликовал:

– Ура! Мы взлетаем…

Но Кентавр противился и вырывался из упряжи.

Пегас восклицал:

– Кнут ему!

Адам взмахнул кнутом и в неистовом порыве закричал:

– Ева!!! Я лечу к тебе!

Пегас засиял белизной, а Кентавр сморщился от мощного удара кнута, весь почернел и, нехотя повинуясь, тоже поскакал наверх.

Чем выше взлетал Адам, тем сложнее было управлять колесницей…

Из-за несогласованности Пегаса с Кентавром возникало такое смятение и борьба, что колесница переворачивалась и в любой миг могла сорваться.

От напряжения Адама бросало в пот, он кричал, он дергал вожжи то влево, то вправо, он мог покалечиться сто раз, но кое-как все-таки добивался продвижения, только благодаря неистовому желанию достигнуть Неба.

Вскоре он почувствовал жуткую боль в спине и понял, что, ударяя кнутом по Кентавру, тем самым бьет по спине и себя тоже. Но не бить было нельзя… Кентавр не слушался, рвался вниз, и уго-

монить его получалось только кнутом.

«Лучше изнывать от боли, чем сорваться и разбиться», – думал Адам и бил Кентавра еще сильнее и морщился от боли.

Так колесница приближалась к серебристым облакам и врезалась в них, когда Адам совсем лишился сил.

Его ослепило сияние, время для него вовсе остановилось, и в душе наступил приятный покой. Он осторожно встал, убедился, что легко ступает по серебряной облачной поверхности, и увидел, что его кони претерпели еще одно превращение.

Они превратились в людей…

Платон сказал:

– Еще одна волшебная метаморфоза. На пороге Неба я воплотился в Пегаса, а на вершине копыта превратились в руки, грива – в бороду, а лошадиная шкура – в хитон! Я опять хожу в обличии человека! Адам, все благодаря тебе! Добро пожаловать на вершину Неба!

Здесь же был Ньютон в дорогом коуте с ленточками, в пышном парике на голове, с прозрачной призмой в левой руке и с телескопом – в правой.

Он сказал недовольным тоном:

– Достопочтенные господа, я не хотел сюда лететь, но, видимо, зря. Здесь я опять очеловечен... Все против законов мироздания. Неужели здесь открывается доступ к мудрости творца и первопричинам всего, что не познается разумом?!

Тем временем глаза Адама привыкли к сиянию, и он стал различать очертания Небесного мира, который простирался до беспредельности. Здесь было много волшебных деревьев. Их ветви устремлялись к Небу, листья переливались миллионами оттенков, и ни одно дерево не было похоже на другое. Были прямые и кривые, стройные и перекошенные, с гладкой и морщинистой корой. Все были плодовые. На некоторых что-то дозревало в то время, как другие только цвели. Кое-где плоды выглядели хорошо, но большинство имело отталкивающий и гниющий вид.

Глаза привыкали дальше. Теперь Адам посмотрел наверх и удивился еще больше. Там были верхние деревья. Они росли с Неба вниз. Их корни уходили далеко вверх и терялись в невообразимо яркой голубизне, а их мощные ветви свисали сверху.

Верхние деревья сильно отличались от нижних. Все они были стройными, имели гладкую кору, а

их листья сияли Занебесной красотой. И плодов на верхних деревьях было намного больше.

Было также удивительно, что плоды верхних деревьев падали сверху вниз в то время, как плоды нижних деревьев падали снизу вверх... Или, скорее, взлетали?

– Двойная гравитация! – воскликнул Ньютон и направил свой телескоп наверх. – Это явление надо изучить...

По всему этому лесному пространству сверкало множество тончайших молний. Они рисовали восхитительные узоры, а между ними то там, то здесь возникали и исчезали радуги.

Где-то шли дожди. Тоже двусторонние... Сверху лил теплый и прозрачный дождик. Его живительная влага увлажняла все пространство и источала приятный аромат свежести. Несколько капель упало на самого Адама, и он почувствовал прилив вдохновения.

Это были те самые капли!

Другой дождь проливался снизу вверх! Это была мутная, грязная и вонючая вода.

Платон оглядывался с восхищением:

– Перед нами открыта дверь тайн вселенной! Здесь, на этих деревьях, растут плоды идей и пер-

вообразов всего.

Ньютон тоже не мог сдержать себя. Он смотрел то через телескоп, то через призму:

– Вы правы, сэр, я хочу все исследовать…

Адам увидел, что очень высоко в Небе, среди небесных деревьев, летали сверкающие колесницы. Платон сказал:

– Вот и колесницы бессмертных богов! У них кони и возничие – все происходят от благородных. Они хорошо управляемы и легко совершают путь к вершине, где созерцают истину за пределами Неба. Твоя душа, Адам, некогда сопутствовала бессмертным богам. Ты уже видел сияющую красоту и приобщался к божественным таинствам, потому что сам был блаженным, непорочным и не испытавшим зла. Все, что ты узнаешь теперь, есть лишь припоминание того, что ты уже некогда видел.

– Я хочу найти здесь Еву и… смысл всего.

Платон поднял руки наверх и сказал:

– Добро пожаловать в мир красоты самой по себе! Здесь найдется суть всего!

9. ПЛОДЫ ДОБРЫЕ И ХУДЫЕ

Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые,

а худое дерево приносит и плоды худые.

Адам спросил Платона:

– Вот ты привел меня на Небо. С чего начать?

Платон ответил:

– Внимательно оглянись. Твои глаза еще привыкают к сиянию Неба. Что ты видишь?

Адам сказал:

– Вижу яркий блеск и плодовые деревья двух видов. Одни растут отсюда вверх, а другие сверху сюда. Это удивительно, но это факт. Ого! Теперь я увидел необычных людей. Кто-то сидит под деревом, кто-то бродит в тени. Многие ищут и собирают плоды, которые падают сверху вниз… Теперь вижу больше… Похоже, что эти люди занимаются творчеством. Кто-то играет на волшебных инструментах, кто-то рисует живые картины, кто-то пишет в больших книгах перьями сказочных птиц. Мне кажется, что все эти люди собирают небесные плоды для своего творчества...

Платон ответил:

– Тебе правильно кажется. На всех этих деревьях зреют плоды мыслей. На нижних растут мысли земные, на верхних – идеи Занебесные. Все деревья корнями уходят куда-нибудь и питаются оттуда. Нижние уходят невидимыми корнями далеко вниз, к Земле. Соответственно, они питаются людскими мыслями и помыслами, желаниями и страстями. То, что они вбирают оттуда, собирается в их плоды. Если бы большинство людей носили в себе чистые мысли, эти деревья росли бы стройными, красивыми, и их плоды были бы все красивыми на вид и сладкими на вкус. Но из-за эгоистичных и похотливых мыслей эти деревья становятся кривыми, болеют, а плоды на них зреют некрасивые и невкусные. Все это – следствие мысленной отравы твоих современников. Созревшие плоды этих деревьев падают снизу вверх, или, точнее, летят наверх и несут настрой Земли в Занебесье. Видя эти плоды, Единый Всевышний, наверное, очень грустит о несовершенстве людей. Верхние же деревья уходят корнями в беспредельное Занебесье, где питаются чистейшими идеями. Поэтому они растут стройными, красивыми и благостными. Их плоды прекрасны на вкус, восхи-

тительны на вид и приятны на запах. Они содержат божественные идеи и пропитаны вечностью. Все гениальные идеи оттуда.

Ньютон возразил:

– А мне кажется, что многое я понял усилием своего разума.

Платон сказал:

– Так кажется многим… Но разум – лишь приемник для высших идей. Яблоки не падают без провидения, а гениальные мысли не рождаются без первообразов. Хозяин идей не человек, а Единый Всевышний. Здесь, на Небе, собирают плоды чистых первообразов как бессмертные боги, так и смертные, неистово устремленные к Занебесью. И те, и другие питаются плодами высших идей, и тогда у них все выходит прекрасным. Единый Всевышний производит прекраснейшее, а люди все копируют у Него. Здесь рай для творцов и созидателей. На Земле о таком даже мечтать нельзя. Там лишь можно питаться объедками Занебесных первообразов, которые Музы пережевывают для восприимчивых людей. К примеру, идея книги Адама про Ньютона пришла к нему вместе с волшебным дождем вдохновения от Каллиопы. Ты даже не писал, а списывал. Так делают все Земные творцы.

Ньютон сжал губы и нахмурился.

Платон продолжил:

– Грустно, что многие люди вообще не стремятся услышать Единого Всевышнего, не хотят признать, что небо и земля, живое и неживое, теплое и холодное, приятное и отталкивающее – все имеет свой идеальный источник и небесный образец там, наверху, в Занебесьи. Все на Земле иллюзорно.

Адам не находил себе места и сказал:

– Мне не терпится найти свой смысл и Еву. Как это сделать?

Платон ответил:

– Предлагаю спросить у кого-нибудь из тех, кто уже нашел… Выбери здесь любого и поговори.

Адам оглянулся и увидел неподалеку человека с причудливым музыкальным инструментом, который сидел под стройным деревом.

Ньютон посмотрел через свой телескоп и подпрыгнул от радости:

– Это же Пифагор! Самый великий математик во вселенной! Я не мог даже мечтать о том, чтобы встретить его!

10. МУЗЫКА СФЕР

Они изобрели музыкальные строи

и гимны предали писанию.

Они подошли поближе.

Пифагор, облаченный в жалкие лохмотья, сидел под большим деревом, сосредоточенно смотрел вверх и играл на причудливом музыкальном инструменте с одной единственной струной.

Платон объяснил:

– Это монохорд. Пифагор сам его изобрел для математических расчетов.

Адам удивился:

– Как это он изучает математику, используя музыкальный инструмент?

– Математика и музыка – родные сестры. Ты не знал, что музыкальная гармония полностью арифметична? А Пифагор изобрел мусическую математику.

Рядом с Пифагором Ньютон пришел в сильное возбуждение и сказал:

– Достопочтенный сэр, господин Пифагор, я же

с вами полностью согласен! В звездах и планетах воплощаются гармоничные музыкальные отношения, а взаимное притяжение планет – часть этой гармонии. Я смотрю на небо и вижу музыкальные сочетания – кварты и квинты, и более сложные пропорции. Музыкальная математика определяет то, как эфир сгущается в материю и созидается мироздание…

Тем временем Пифагор продолжал смотреть далеко в Занебесье и играть на монохорде. Адаму казалось, что он считывает музыку с неба, и вдруг он заиграл очень красивую мелодию. Вибрация, вызванная монохордом Пифагора, была негромкой, но настолько мощной, что эфир задрожал, и над головой математика образовалось миниатюрное солнце. Пифагор играл дальше, а маленькое солнце закружилось в такт и выбросило из себя планеты с астероидами. Все закружилось в гармоничном танце, планеты летели за солнцем по спирали, а за планетами следовали спутники, и Адам не сомневался, что во всем присутствовал разум.

Ньютон не находил места и сказал Пифагору:

– Сэр, я всегда подозревал, что вселенная – это вибрация эфира, который приводится в движение разумной силой. Теперь я вижу это чудо своими

глазами в ваших гениальных музыкально-акустических экспериментах!

Пифагор перестал играть, монохорд замолк, и миниатюрное солнце с планетами бесследно растворилось в эфире.

Ньютон воскликнул:

– Нет, нет! Умоляю вас, не останавливайтесь!

Пифагор сморщился и ответил:

– Не шуми, мальчик!

– О, сэр, пожалуйста, простите, я вам помешал. Вы величайший математик, и я хочу учиться у вас…

Пифагор сказал:

– Тогда замолчи и слушай… Я разметил длину струны линейкой на моем монохорде и теперь проверяю гармоничность звучания разных пропорций. Вся струна целиком и половина сразу за этим дает звучание на октаву выше. Соотношение трех к двум дает другую гармонию – квинту. Теперь слушай эпитрит – это соотношение всей струны к трем четвертям… Нравится? А сразу за этим берем двойную октаву, сумму октавы и квинты, дуодецима и неожиданная кварта…

Все эти октавы, квинты и дуодецимы материализовались в миниатюрные звезды и планеты, ко-

торые стрелами вылетали из-под монохорда, кружились, а затем исчезали, как только звучание затихало.

Ньютон закричал:

– Боже! Вы нашли не просто звучание, а ключ к структуре вселенной! Диссонансное звучание порождает первичный хаос, а консонанс – упорядочивает…

Пифагор даже не взглянул на Ньютона и вместо ответа пропел:

– Куриос великий, Бог-Разум безликий, ум ты вселенский, наш образ вечный!

С одного занебесного дерева, будто бы следуя напеву Пифагора, сорвался плод, похожий на волшебное яблоко, и плавно опустился прямо к ногам Ньютона.

Ньютон пристально посмотрел на плод и спросил:

– Сэр, вы вызвали плод смысла моей жизни?

Пифагор ответил:

– Нет. Это лишь скромная идея… Прими ее, как ученик.

Ньютон жадно схватил яблоко, надкусил, озарился, возбудился и закричал:

– Движение по круговым орбитам порождает

монотонное звучание, а движение по эллиптическим орбитам порождает полифоническую музыку! Мы могли бы усовершенствовать музыкальную модель, привнеся в нее чисто математическую темперацию. Если мы используем равномерно темперированную шкалу, то получим октаву, которая разбита на двенадцать равных полутонов и согласно числовой симметрии имеет вид палиндрома! Господин Пифагор, сэр, прошу вас, сыграйте палиндром...

Пифагор внимательно посмотрел на Ньютона, который замер в ожидании ответа, и сказал:

– Неплохая мысль… Поблагодарим Занебесье!

Пифагор начал играть, и из его монохорда вместе с музыкой полились цветные лучи.

Это привело и без того перевозбужденного Ньютона в полное смятение. Он закричал:

– Гармония цветов и акустические консонансы имеют общую основу. Звук – это колебание воздуха, а цвет – колебание эфира… Вот восхитительная цветомузыкальная аналогия. Цвета в спектре соответствуют длине струн ключа и тона, малой терции, кварты, квинты, большой сексты, септимы и октавы. Очевидно, что разность синусов преломления лучей пропорциональна распределе-

нию разности синусов падения… Вот он, уже знакомый акустический палиндром!

Пифагор играл, и хоровод все новых галактик в гармонии кружил над ним, но, к ужасу Ньютона, он внезапно остановился и обратился к Адаму:

– Послушай, мальчик, математику любви…

Струна Пифагора задела струну души Адама. У него побежали мурашки, а из-под монохорда вылетело новое миниатюрное солнышко. Оно засияло, подлетело к Адаму, и внезапно в нем проявилось грустное личико Евы…

Адам дрогнул, не мог поверить глазам, но…

Факт был перед ним!

Ева все отчетливее, но все грустнее светила из солнышка.

Адам задрожал от удивления и спросил ее:

– Ева, любимая, где ты? Я так скучаю по тебе… Понимаю, что ты в беде, но не знаю, где тебя искать?

В глазах Евы появились слезы.

Адам воскликнул:

– Отчаявшись отыскать тебя на земле, я поднялся на Небо… Поговори со мной, дай мне хоть намек, что с тобой?

Ева опустила голову, и секунду спустя солныш-

ко исчезло.

Душа Адама заплакала, и он прошептал:

– Откуда он знает про Еву? Это на самом деле Пифагор?

Платон ответил:

– Может, он, может кто-то из бессмертных богов прикидывается Пифагором ради забавы. Кто бы он ни был, он зрит в Занебесье и творит высокие образы через гармонию мусического искусства…

Вдруг одно из верхних деревьев опустило свою длинную ветку к голове Ньютона, и на ней за считанные секунды созрел огромный светящийся плод.

Адам понял – это точно не простая идея.

Платон прошептал:

– Очень похоже на плод смысла жизни Ньютона. Это очень серьезно! Посмотрим, что будет, когда он прикоснется…

11. БОЖЕСТВЕННАЯ АЛХИМИЯ

Вера же есть осуществление ожидаемого

и уверенность в невидимом.

Ньютон в упор смотрел на покачивающийся светящийся шарик, наконец решился осторожно прикоснуться к нему пальцем. Свет плода начал перетекать в Ньютона, как переливается жидкость из одного сосуда в другой. Несколько мгновений спустя свет шарика наполнил Ньютона целиком, и тот ярко засиял!

Пифагор сыграл в честь него гармоничный небесный палиндром, и Ньютон воскликнул:

– Я хочу построить Храм Единого Всевышнего!

Адам удивился:

– Как может быть храм смыслом его жизни?

– Посмотрим, – сказал с некоторым удивлением Платон.

Ньютон схватил тетрадь, начал что-то лихорадочно чертить и приговаривать:

– Я просчитаю истинный Храм, который Творец универсума дал Соломону. Я свяжу пропорции Храма с космической гармонией. Так я получу идеальный Храм Соломона…

Пифагор прислушался к Ньютону и стал играть дальше. Из-под его монохорда стал воздвигаться Храм… Огромные камни выстроились в ряд, чудесный купол покрыл величественное сооружение, и все было завершено прекрасным арочным входом буквально за минуту.

Ньютон с удивлением посмотрел на великое сооружение, сверился с тетрадкой и, дрожа от волнения, сделал шаг в сторону храма.

Подойдя, он с благоговением прикоснулся к каменным стенам и остановился у входа.

Изнутри повеяло благоуханием.

Платон сказал Адаму:

– Какой бы храм он ни выстроил, смысл – глубоко внутри. Идем за ним.

Ньютон вошел. Адам с Платоном последовали за ним.

В дымке курящегося фимиама восторг Ньютона

достиг полного счастья. Он воскликнул:

– Все в точности так, как я начертил! Длина в шестьсот локтей, ширина в двадцать и высота в тридцать локтей. Идеальные пропорции вселенной. А я эту тайную схему вычислил в соответствии со священными геометрическими пропорциями.

Ньютон с восхищением рассматривал стены храма, обложенные кедровыми досками с искусной резьбой. Он шел вдоль стен с деревянными изваяниями херувимов, пальм и цветов. Он шагал по полу, который был покрыт кипарисом и золотом. Аромат кедра проникал в душу, и всем становилось спокойно и умиротворенно.

Ньютон продолжал выражать восторг:

– А в центре храма – святая святых – жертвенник, охраняемый могущественными херувимами, где спрятано невиданное сокровище, ковчег завета Господа.

Дымка от горящего фимиама немного развеялась, и Ньютон подошел к центральному святилищу. Его охраняли два огромных крылатых херуви-

ма, сделанных из масличного дерева. Их крылья были распростерты – внешние сливались с кедровыми стенами храма, а внутренними херувимы сходились крыло к крылу.

Ньютон суетился и говорил сам с собой:

– В центре мироздания помещается огненное сердце – наше солнце. Это активное начало, которое дает форму всем земным субстанциям в согласии с замыслом и волей Бога. Так же и здесь! Святилище в центре – эмблема космоса и тайное сокровище… Там горит вечный огонь – символ гелиоцентрического универсума. Весь храм имитирует природу и является отражением Всевышнего. Истинный и подлинный храм Бога может быть только таким – священное место вокруг огня и… Таинственное сокровище в нем… Теперь оно откроется передо мной! Боже! Какое это чудо. Я дрожу от предвкушения того, что войду туда, и мне станет доступна тайна вселенной.

Откуда-то раздался звон колокола.

Адам почувствовал низкий, проникающий внутрь звук, и ему от этого стало очень хорошо.

Как только звон колокола затих, Ньютон сказал:

– Я много десятилетий занимался алхимическими штудиями и убедился, что мир управляется провидением. Одно солнце – один Бог!

Внезапно в храме настала редкая тишина, и после долгой паузы Ньютон сказал:

– Храм без священника пуст…

Дымка развеялась, и перед святилищем они увидели неестественно высокую фигуру священника в белом хитоне. Он стоял с закрытыми глазами и молился. Перед ним был большой камень, в котором проявлялись меняющиеся изображения, как на экране.

Священник пропел:

Земля безвидна и пуста,
И тьма над бездною густа,
Дух божий над водой парил,
Эфир Его благодарил.
Он жизнью хаос наполнял,
И свет над тьмою заблистал.

То, что священник пропел, отразилось в камне живыми образами.

Ньютон прильнул к этим изображениям и сказал:

– Я вижу, как создается мир. Дух творит элементарное начало и приводит в движение растения, минералы и животных. Мир создается из темного Хаоса путем порождения света. Какой же божественный посланник движет слепой материей? Сначала я думал, что тяготение приводит все в порядок. Но какая же воля движет тяготением? Вот эта тайна приоткроется мне! Я увижу силу, которая приводит вселенную в гармонию! Я стану частью божественной силы! Я проникну в святилище и увижу святая святых!

Дверь святилища приоткрылась сама по себе.

Зачарованный Ньютон направился туда.

Адам не смог удержаться, пошел за ним, выглянул из-за его спины и увидел нечто потрясающее…

Внутри святилища была комната сельского дома в старом английском стиле. Горел очаг. У

очага дремала женщина.

Почувствовав движение, она открыла глаза, увидела Ньютона и сказала с любовью и строгостью одновременно:

– Исаак, сынок, ты опять заставил ждать свою мать и праздно шатался. Нет, ты не любишь меня… Подойди ко мне, чтобы я тебя обняла…

Исаака прорвало.

Он не плакал, он рыдал...

А священник напевал:

И вот дитя в корзине плачет…

А Херувим его ласкает.

– Оставим их, – сказал Платон, и минуту спустя они стояли на пороге Ньютоновского Храма.

Адам удивлялся:

– Мать Ньютона – святая святых во вселенной? Я ничего не понимаю… Как мать могла быть смыслом его жизни?

Платон ответил:

– Думаю, скоро мы все поймем.

Адам спросил:

– А как же мой смысл жизни?

Платон задумался и воскликнул с радостью:

– Пусть все будет с блеском!

– Что будет с блеском? – удивился Адам.

Платон ответил:

– Приглашаю тебя на сцену амфитеатра. Появимся там эффектно, скажем, на твоей розовой самоходной колеснице! Вот! Гениально! Пусть все увидят частичку будущего.

Вспомнив про Вогельфлюгель, Адам сказал:

– Она же заглохла на Геликоне, а потом превратилась в упряжную колесницу.

Пифагор, улыбаясь в седую бороду, повел пальцем по струне монохорда и…

Адам не понял, как оказался за рулем Вогельфлюгель.

Платон сел рядом и приказал:

– Вперед, на авансцену! Я соскучился по Аристофану.

Адам нажал на педаль газа…

12. ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

На сцену, с левой стороны, с большим грохотом выезжает розовая Вогельфлюгель и со скрежетом тормозов останавливается перед застывшим в ужасе Аристофаном. За рулем Адам, рядом с ним – счастливый Платон.

Аристофан

В панике.

О, Аполлон, великий! Жуткий демон похитил друга моего, Платона, и в заколдованной колеснице тащит…

Платон

Выходит из машины с улыбкой.

Угомонись, Аристофан. Зря суетишься. Тревогой лишь беду притянешь.

Аристофан

Тебя спасать от черной силы надо!

Платон

Брось переживать, неуместен страх. Не демон это, а сочинитель по имени Адам. Трактат он пишет обо мне.

Аристофан

Так смерть, выходит, не грозит тебе?

Платон

Не будь наивным, Аристофан. Смерть каждому грозит. В том числе, и мне. Но не сегодня, я надеюсь.

Аристофан

С интересом разглядывает Вогельфлюгель и Адама.

Так что это за колесница из Тартар?

Платон

Она из будущего, как и сам Адам.

Адам

Выходит из машины и озирается с удивлением.

Какое чудное здесь место.

На сцену, с правой стороны, с грохотом выезжает огромная колесница Йоураноша. Кони ржут и останавливаются.

Аристофан

В панике.

Платон, что это?! Я в ужасе…

Бежит и прячется за кустом.

Платон

Аристофан, постой!

Бежит за Аристофаном и остается с ним за кустом. Адам с большим удивлением смотрит на огромного двуликого. Он выходит из колесницы и, ослепленный Небесным светом, оглядывается, прищурившись.

Йоуранош-ликомыслием

Наконец я на вершине Неба!
Еще один пик мною покорен!
Богов здесь всеблаженнейших обитель...
Показывайтесь! Встретить вас готов!

Йоуранош-ликочувствием

Мало что видно: я в ярком тумане
И чувствую, кто-то вокруг меня ходит…
Взгляд в пелене, и ум мой в дурмане,
Я верю, ко мне божество нисходит!

Зрение Йоураноша привыкает к сиянию, он видит Адама и падает перед ним на колени.

Йоуранош-ликомыслием

Что же я вижу? Вот чудо века! Бог принял образ получеловека?

Йоуранош-ликочувствием

Чувствую я Бога! Бог и есть!
Странный он принял облик здесь.

Адам

Я узнал тебя! Ты великан из записей отца!

Йоуранош-ликомыслием

Бог мой, перед тобою преданный слуга.
По священной твоей воле я попал сюда.

Йоуранош-ликочувствием

Верой одарил меня ты изначально.
Одари мой народ ты чувством счастья.

Адам

Ты заблуждаешься! Какой тебе я Бог?
Всего лишь человек я, больше ничего.

Йоуранош-ликомыслием

Продолжает поклоняться Адаму.

Конечно же, ты Бог! Попал я, словно в сказку!
Благодаря тебе я повстречал Эрату!

Йоуранош-ликочувствием

Она меня спасла от грозного Кинокефала,
На Небо проводила, счастье предрекала!

Адам

Сердится.

Перестань глупить, довольно!
Открой глаза, я не похож на Бога!

Йоуранош-ликомыслием

Я был в дороге, ты на обочине явился мне,
Примерно выглядел тогда ты, как теперь.

Йоуранош-ликочувствием

Не распознал в тот миг в тебе я Бога,
Ты ж вдохновил меня волшебным словом.

Адам

То был отец мой! Теперь я понимаю!
Он в записях своих упоминал такое…

Йоуранош-обоими ликами

О, Бог мой! Любви огонь мне дай,
Чтоб Энаниянам я привез твой дар!

Адам

Да что с тобой?! Совсем оглох?!
Услышь меня! Я не твой Бог!
Мне надоело это все!
Не богохульствуй предо мной.

Йоуранош-ликомыслием

Молю тебя, мой милосердный Бог!
Дай средство, осчастливить свой народ.

Йоуранош-ликочувствием

Тоскуем мы, хандрим, грустим и плачем…
Нам не хватает горсти счастья.

Йоуранош-ликомыслием

Любовь нас может лишь спасти.
Дай уголек любви! Дай счастья элексир!

Йоуранош-ликочувствием

Пожертвовать собой я ради этого готов!
Домой я не вернусь без твоих даров!

Адам

Кричит.

Довольно, хватит, это глупо!
Обожествлять меня так тупо!

Йоуранош-ликомыслием

Челом бьет перед Адамом то одним, то другим ликом.

Не отвергай меня! Пусть я умру,
Но уголек любви я получу!

Йоуранош-ликочувствием

Я верю, услышишь меня ты и поймешь,
И весь народ мой ты спасешь!

Адам

Мне жаль тебя! Вставай и посмотри:
Я не кудесник чудеса творить!

Йоуранош–обоими ликами

Я твердо верую в тебя!

В Занебесье сверкают молнии. Гремит гром.

Вот... Уж… Сверкают небеса...

В свете молнии является образ маленького мальчика. Мальчик выходит из Занебесного сверкания. Это Сказочник в облике шестилетнего мальчика. Сказочник с интересом осматривает сначала Адама, потом Йоураноша.

Йоуранош-ликомыслием

О, Бог мой! Я благодарю тебя!
Виденье Занебесное ты вызвал для меня…

Йоуранош-ликочувствием

Смотри, смотри, он весь сияет!
Свет Занебесный излучает…

Адам

Шокирован, но в то же время восхищен мальчиком.

Мальчик, ты кто? И почему ты так сияешь?

Сказочник

Я Занебесный сказочник и сияю оттого, что много души во мне.

Йоуранош-обоими ликами

Ты расскажи о том, как мне добыть из Занебесья любовь?

Сказочник

Сказке нашей подойдет костер.
Разожгите же, и мы начнем.

Йоуранош-ликомыслием

Здесь нет ни хвороста, ни дров…

Йоуранош-ликочувствием

Скажи же, как разжечь? И я готов…

Сказочник

Ты загадай желанье, а я моргну
И мысль твою в реальность разверну.

Йоуранош-обоими ликами

Ликует.
Я посажу желание на ладонь!
Да возгорится в пустоте огонь!

Адам

Соглашается с сомнением.

Хочу костер! Хочу костер! Хочу костер!

Сказочник моргает. Посередине сцены появляется приятный костер с тлеющими углями и лавочки вокруг костра.

Йоуранош восхищен.

Йоуранош-обоими ликами

Поклоняется Адаму.

А говорил, что ты не бог!

Бог бога вызвал, и горит костер…

13. МАЛЬЧИК С КРАСИВОЙ РАКУШКОЙ

Четвертый фрагмент из бестселлера Адама.

Исаак проснулся не в своей постели и с недоумением посмотрел на перепуганного человека в ночной рубашке.

Внезапно он узнал его:

– Преподобный доктор Ричард Бентли? Где я?

Преподобный доктор ответил:

– Слава Богу, сэр, что очнулись! Вы у меня на Парк-стрит в Вестминстере. Помните, вы прибыли сюда вчера?

– Не помню…

– Я пригласил вас, потому что готовлю публичную проповедь для доказательного сокрушения сторонников атеизма, которые возвышают свой голос против самых основ христианства. Я попросил вас поддержать меня в поиске таковых доказательств. Вы проявили неоценимую благосклонность ко мне, согласились помочь, прервали ваши высокоценные занятия и приехали ко мне вчера. Вечером мы поужинали вместе, я ознакомил вас с

основной нитью моих рассуждений, а вы дали мне ключевые советы, чтобы я не допустил в своей проповеди нечто не совместимое с истиной и вашей гипотезой. Затем вы удалились поспать, но слуга разбудил меня, услышав из вашей комнаты стоны и крики. Мы прибежали и увидели, что вы без сознания… А теперь, слава Богу, вы приходите в себя.

С помощью преподобного и слуги Ньютон присел в постели, у него прояснился взор, и перед ним ожили картины его ночных видений.

Он сказал задумчиво:

– Мне приснился сон.

– Что же вы видели, сэр?

Ньютон ответил:

– Чувствую необходимость подробно рассказать вам о моих видениях.

Бентли жестом приказал слуге удалиться, сел ближе к постели Исаака и сказал:

– Перед вами священник, который примет ваш рассказ от имени Бога и предоставит вам очищение. Поведайте обо всем, и вам станет легче.

Ньютон спросил:

– Сначала напомните мне, о чем мы говорили за ужином?

Бентли ответил:

– Мы обсуждали сущность силы тяготения. Вы говорили, все тела тяготеют друг к другу, мы наблюдаем этот факт, но мы не можем наблюдать непосредственную причину тяготения. Вы сказали, что этой причиной может быть лишь Господь Бог Вседержитель. Дальше я спросил ваше высокоценное мнение, посредством чего Всевышний столетиями ежемоментно управляет движением неисчислимого количества корпускул и тел? Вы же ответили, что не можете определить этого агента, эту тайную руку Господа Бога Вседержителя…

Исаак внезапно озарился и ответил:

– Теперь все встало на свои места! Я понял… Через ночное видение я получил неожиданный ответ – во сне и от мамы…

Бентли просиял:

– Неужели?! Молю вас, поделитесь со мной вашим откровением и позвольте записывать за вами… Это важно для всего человечества!..

Ньютон кивнул и сказал:

– Я очнулся во сне, и все было так же реалистично, как то, что я вижу вас теперь. Я находился

в каком-то темном замкнутом пространстве. Но был я не один, а в обществе древнегреческого философа Платона.

Бентли удивился:

– Где же вы были вместе с Платоном?

– В голове сочинителя трактатов, который написал какую-то популярную работу про меня и теперь намеревался написать другую про Платона.

– Назовите имя, и я его разыщу.

– Адам. Однако разыскать вы его не сможете, так как он из далекого будущего, где ездят розовые самоходные колесницы с множеством железных лошадей под капотом.

Бентли уронил перо:

– Боже, храни Англию! Как в это поверить?

Ньютон продолжил:

– Это было именно так! Затем Платон привел писателя на вершину Неба, откуда открывается вид на пространство еще более высокое – Занебесье.

– Как восхитительно!

– Мы прорвались через тупиковое болото, побывали на горе Геликон и, наконец, с трудом взлетели на вершину волшебного мира с многими

плодовыми деревьями, на которых росли плоды смысла жизни. Ко мне снизошел мой плод. Это было удивительно и чудесно! Я надкусил и почувствовал невероятную светлую дрожь во всем теле. Сразу после этого по моим точным расчетам, посредством жизнетворной музыки Пифагорейского монохорда, был воссоздан идеальный храм Соломона. Я вошел в это святилище, и именно там, в алтаре, где горит вечный священный огонь, со мной и случилось волшебство. Я встретил свою почившую мать…

Преподобный перекрестился три раза, прочитал быструю молитву и сказал:

– Продолжайте, мне не терпится услышать, что было дальше!

– Я был потрясен, не верил своим глазам, а мать сказала мне, что я заставил ее ждать, праздно шатался и не люблю ее. Я стал оправдываться и ответил: «Я не шатался праздно, а прославил вас и весь род Ньютонов!» Но она не верила мне: «Ты опять витаешь в своих фантазиях». Тогда я сказал ей: «Нет! Мои работы в области натурфилософии, оптики и богословия стали всемирно известными! Я определил развитие натурфилософии на многие

столетия вперед!» Мать не верила мне и спросила: «Когда же ты все это успел? После моей смерти?» Я ответил: «Нет! Когда ты была рядом, в нашем Манор Хаусе, я писал и работал!» Мама возмутилась: «Ты всегда был таким упрямым и непослушным! Я умоляла тебя заботиться о нашем хозяйстве, как и завещал тебе твой отец. Ты должен был вести счет поголовью коз, свиней и коров, возделывать землю и продавать богатый урожай… Но вместо этого ты прятался у реки и скрывался от своих обязанностей». Мне было больно слушать это от нее, и я повысил голос: «Как ты не можешь понять, что прямо на берегах нашей речушки Уитэм, на хлебных полях и широких лугах с овцами, которые окружают наше имение, мне начала открываться вся вселенная! Родник с хрустальной водой стал источником невероятного вдохновения, а волшебные яблони наводили на глубокие мысли. Какая-то сила заставила меня по-новому всматриваться в обычное. Я стал различать яркие цвета, нежные оттенки растений. Я изумленно наблюдал богатство природы, создавшей все эти переливы цветов, их тончайшие оттенки. Я стремился найти какую-то систему в этом бесконечном разнообразии, разга-

дать язык, которым написана книга Природы! Ты не одобряла мои штудии, а меня манили открытия, которые оказали гораздо большее влияние на все образованное человечество, нежели оказали бы мои успехи по садоводству. Мне так было нужно твое одобрение всегда. Мне так тебя не хватало всю жизнь…» И я не сдержал себя, расплакался… Вдруг мать сказала: «Если уж у нас случилась душевная беседа, выслушай же и мою историю жизни, которую я всегда скрывала от тебя… Я безумно влюбилась в твоего отца, Исаака Ньютона старшего. Он, как и его предки, был очень предприимчивым. Ньютоны буквально по крупицам скопили земельные участки и деньги. Сначала они числились землепашцами, затем стали землевладельцами. Твой отец очень гордился богатым яблоневым садом, который прославился по всей округе. Когда мы поженились, он привел меня в Манор Хаус и поклялся, что мы никогда не расстанемся. Я жила и дышала этой клятвой… Но он нарушил ее, когда я забеременела. Он умер и бросил меня на произвол судьбы с тобой в моем чреве…» Я сказал матери: «Как ты можешь винить отца?! Над смертью никто не властен, и никто не волен воспрепятство-

вать року!» Она словно не услышала мои слова и продолжала: «Умирая, он завещал мне: «Пусть, если родится сын, будет он тоже Исааком. Я хочу, чтобы он преумножал поместья и своим трудом продвигался к богатству и знатному положению». В ответ я рыдала и умоляла его: «Не оставляй меня одну с новорожденным ребенком! Ты клялся всегда быть со мной! Так будь! И не смей даже думать о смерти…» Но он умер у меня на руках… Он оставил земли, и дом, и имущество на пятьсот фунтов, включая сотни овец, десятки быков и коров, и амбары полные солода, овса, пшеницы, ячменя. Я смотрела на огромное имение, приносящее сто пятьдесят фунтов годового дохода и ужасалась – как мне сохранить все это? А время было беспокойное. Ты не можешь даже себе представить, что я перенесла после его ухода. Я рыдала и плакала все ночи напролет. А днем дрожала от страха, когда из узких окон дома смотрела на проходивших мимо голодных солдат. Я молила Бога, чтобы они не разорили нас так же, как они разоряли окрестные фермы. Твой отец уже не мог защитить меня, поэтому я обращалась за защитой к Богу! И солдаты тронули нас…»

У Исаака участилось дыхание. Он с трудом перевел дух. Преподобный успокоил его и сказал:

– Это чудесное откровение… Что же было дальше?

Исаак продолжил:

– Она сказала: «Я надеялась, что рожу богатыря, который защитит меня и с честью выполнит завет отца, но ты родился преждевременно, необычайно слабым и малюсеньким, как котенок, которого можно было искупать в пивной кружке. Вместо желанного богатыря я держала в руках жалкого цыпленка с тоненькой шейкой и безжизненно свисавшей головой. Повитуха восклицала, что ты не жилец на белом свете, все жалели меня и говорили, что я мучаюсь и страдаю из-за этих Ньютонов… Я с волнением наблюдала за твоим угасающим дыханием, и тогда вся злость и вся обида, которая накопилась на твоего отца, внезапно сама по себе направилась на тебя. Я тебя возненавидела… В мою голову и в мое сердце залетели такие греховные мысли, которых, наверное, никогда не искупить. Я пожелала твоей скорейшей смерти, но ты выжил. Ты обладал особой жизненной силой».

Исаак прослезился, а Преподобный успокоил его:

– Это хорошо, что вы мне все рассказываете. Чувствую, как камень спадает с вашего сердца. Продолжайте…

Ньютон сказал:

– Слушая исповедь матери, я начал понимать, почему она меня не любила всю жизнь. Она держала на меня зло из-за смерти отца и из-за того, что я родился таким слабым. Но это же так несправедливо! Смерть и рождение – промысел Бога! И я ей крикнул: «Так ты злилась на Бога! Ненависть ко мне заставила тебя бросить меня ради священника Смита. Ты гневалась на Всевышнего, и это вызвало мою злость. Я желал сжечь дом ненавистного Смита и умереть. Ты передала мне злость, и она стала частью моей души. Гук, Лейбниц, Флемстид, фальшивомонетчики, которых я с удовольствием отправлял на плаху, все расплачивались за эту злость. Я был совершенно одинок и на могиле своего отца искал отца Небесного, который защитил бы меня и согрел. Я искал покровителя. Вот почему мое воображение нарисовало мне картину моего божественного происхождения».

Преподобный сказал:

– Сэр, вы проявили силу духа, когда решили искать отцовское покровительство у Бога. Это путь истинного христианина, ибо покровительство Бога подразумевает высшую форму послушания и неуклонное соблюдение заветов Бога.

Ньютон ответил:

– Мать продолжала меня упрекать: «Ты неблагодарный мальчик. Выйдя замуж за Смита, я тем самым преумножила твое состояние. Он обязался переписать на тебя пастбище в Сьюстерне с ежегодным доходом в пятьдесят фунтов. После его смерти тебе достался его дом, и ты стал очень обеспеченным молодым человеком. Все надо было сохранять и преумножать. Я надеялась на тебя, но ты не оправдывал мою надежду. Ты был невыносим! Ты стал настоящим кошмаром как для меня, так и для всех слуг». Я возмущался в ответ: «Зачем мне пастбище и дом Смита? Он навсегда отнял у меня мать! Ты вернулась в Манор-Хаус не одна, а с тремя новыми детьми, за которыми ты должна была ухаживать. Единственно ценное, что я нашел в наследстве Смита, были его книги в золотом переплете. Зачем он их копил, когда сам не умел толком читать? А я не мог не читать и принудить

себя к хозяйскому ремеслу. Я читал на базаре, когда ты посылала меня со слугой продавать наши продукты, я изучал книги, когда ты принуждала меня пасти овец. В результате я проникался к имению и к тебе постоянно растущим отвращением. Однажды я слышал, как слуги жаловались тебе и говорили, что я глупый и никчемный человек, который никогда не сможет быть настоящим хозяином. А ты с ними соглашалась… Я злился на тебя, на весь мир и уединялся со своим истинным отцом, Господом Вседержителем, забивался в угол своей комнаты и читал, мастерил, чертил… Мое увлечение ты называла непростительным ребячеством, а я каждый день скандалил с тобой. Я был счастлив, когда мистер Стокс, восхитившись моими способностями, настоял послать меня в школу…» Мать ответила мне: «Я думала, что ты вернешься изменившимся и, наконец, возьмешь на себя ответственность за имение, но после школы ты решил уехать в Кембридж. Я собирала тебя в дорогу, а гнев и ярость пробирали меня насквозь. Я укладывала тебе окорок, овечий сыр и бочонок с ключевой водой и ругала тебя, твоего отца и свою судьбу… Я паковала тебе сменное белье, домотка-

ный плащ с новыми башмаками и проклинала весь ученый мир за то, что он забирает тебя от меня… Ты собирал вороньи перья и линейки, а я кричала тебе – чтобы ты больше никогда не возвращался…» Я ответил ей: «А я кричал в ответ, что по воле Бога пусть больше никогда ты меня не увидишь. Такого скандала не слышал Манор Хаус… Слуги разбегались во все стороны и… Я стал самым несчастным человеком в мире...» Она сказала: «А я осталась самой несчастной женщиной в мире…» Мать плакала горькими слезами и уже не могла продолжать. Я сказал: «А я после прибытия в Кембридж стал отверженным…»

Преподобный отложил в сторону перо, налил еще воды из графина и подал Ньютону.

Исаак сделал несколько глотков, успокоился, вытер слезу и продолжил:

– Потом мы с ней как-то успокоились, и она сказала: «Я никогда не забуду, как ты смотрел за мной перед моей смертью. Я болела, а ты менял мне белье, делал настойки и микстуры, ставил припарки и смазывал нарывы. Ты старался облегчить мои предсмертные страдания, а я бредила в жару и ожидала облегчения, чтобы сказать тебе самое главное, что я никогда не говорила тебе. Но

облегчение не наступило. Я умерла…» Я ответил ей на это: «Я тоже чувствовал, что мы недоговорили. Я выбрал тебе белый шерстяной саван и лучший в Грентеме гроб и остался совсем один наедине с моим Небесным Отцом…» После этого мы опять замолчали надолго. Во время этого тяжелого молчания произошло нечто удивительное. Какая-то невидимая небесная струя вдруг смыла всю нашу обиду и злость, и мать сказала, прослезившись: «Теперь у меня есть возможность сказать тебе самое главное. В глубине души я тебя всегда безмерно любила. Считала, что все делаю тебе во благо. Но получалось у меня совсем другое. Мы скандалили и ссорились, и, чем больше мы это делали, тем больше я страдала… Теперь я хочу попросить прощения за то, что не понимала тебя, причиняла боль и не разрешала заниматься тем, чем ты хотел. Если бы я помогала, возможно, ты достиг бы еще большего успеха. Я тебя всегда буду любить…» После этих ее слов меня взяла какая-то неземная дрожь во всем теле, и я почувствовал тягу к маме. Я приблизился к ней и обнял ее. Я почувствовал, что в ней пробудилось такое же тяготение, она обняла меня в ответ, а я сказал: «Я тебя люблю и все прощаю…» Слово «люблю» звучало

неестественно и странно в моих устах. Мне казалось, что мои губы не были приучены к этому слову и произносили его очень неуклюже. Внезапно передо мной промелькнула вспышка! Это было чудо! Ко мне пришел ответ на главный натурфилософский вопрос, и одновременно я понял, что смысл моей жизни – вовсе не чертежи храма. Рядом с мамой я осознал, что тайный агент гравитации – это любовь! Бог заставляет тела притягиваться друг к другу через Божественную любовь, которая превращается в любовь всего ко всему! Я почувствовал – это прекрасно!.. Как я мог не замечать раньше, что земля любит солнце, и эта невидимая любовь превращается в видимое притяжение… И вот, земля вместе с другими планетами летит за солнцем с бешеной скоростью на протяжении неисчислимого времени и будет продолжать так лететь, пока в них останется сила любви. Луна безумно влюблена в землю, и эта неосязаемая любовь притягивает ее к земле. Мы не можем увидеть, измерить или составить уравнение любви земли к солнцу, или уравнение любви луны к земле, или уравнение любви всех небесных тел друг к другу, но, если захотим, мы как люди, как дети

Бога, всегда можем почувствовать эту силу и признать: любовь – основа мироздания! Она пронизывает все тела, и все души тяготеют друг к другу посредством нее. Так, открыв основу мироздания, мать стала мне мамой... Я почувствовал себя любимым сыном, а сила тяготения преобразовалась в небесную любовь. Я обнял маму у алтаря своего храма и заснул в своем сне у нее на груди… Преподобный, прошу вас, запишите мысль.

Бентли ответил:

– Конечно, сэр, я все записываю.

Ньютон сказал:

– Благодаря любви происходит все – льется свет, растут растения, двигаются животные, и чувствует человек! А смысл жизни каждого – постичь этот дух через отношения с близкими... Я признаю, что каждое небесное тело – любящее живое существо. Потому любая звезда притягивает все другие звезды, планеты и метеоры и само притягивается ко всему. Из праха я создан, в прах вновь обращусь, но не сказано это о вечной любящей душе… Хаос воссияет радостью, только обретя любовь! Это оставалось для меня тайной, пока я сам не почувствовал притягательную силу любви к

маме! Я чувствую себя маленьким мальчиком, играю на берегу огромного непознанного океана, в котором отражается свет бесчисленных Занебесных звезд, и радуюсь, когда нахожу красивую ракушку.

Ньютон замолк, а Бентли сказал:

– Только что через вас говорил Господь.

14. ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Адам, Йоуранош и Сказочник садятся вокруг костра. Аристофан по-прежнему перепуган, прячется в темном углу, где его успокаивает Платон.

По мере того, как Сказочник рассказывает, в огоньке костра появляются соответствующие образы, которые иллюстрируют сказку.

Сказочник

Изначально спал Всевышний,
Видя в снах прообраз Неба.
Он дремал во тьме пространства.
Вместе с ним дремало время.
Утром Он решил проснуться,
И вселенная запела.
Сотворился мир бескрайний
Волей Бога, силой света.
Занебесье словами
Описать не в нашей силе.
Над таинственным пространством
Бог блаженствует в эфире.

Он танцует танец мысли,
На своей играет лире,
Созидает мыслеформы,
Сказку о вселенной пишет.
Из Его волшебной лиры
Мысли роем вылетают,
В вечности сакральной ярко
Молнии идей сверкают,
И в божественном тумане
Искры помыслов мелькают,
В занебесном огонечке
Чувства пламенно пылают.
«Книгу Вечности – сказал он –
Написать настало время.
Мастера приставлю к Книге,
Как хранителя над текстом.
Пусть же Мастер изучает
Книгу пристально, усердно,
Пусть по книге созидает
Небо и земное семя».
Тотчас Мастер проявился,
Вдоль по вечности блуждает,
Беспредельность Книги Бога
Неустанно изучает,

Наполняется тем самым
Он Божественным сознанием,
Загорается стремлением,
Мысли в вещи облачает.

Платон

Шепотом Аристофану, который продолжает дрожать от страха в кустах.

Надо у него учиться так искусно суждения выстраивать.

Адам

Кто такой Мастер?

Сказочник

Мастер – дух, по воле Бога
Загорается творением,
Говорит себе: «Я Мастер,
И нужны мне подмастерья!»
Создает себе подручных,
В каждом сила просветления,
Их эфиром заряжает,
Зажигает в них стремления.
Миллиарды душ бессмертных
В мироздание загорелись,

По бескрайней, по вселенной
Хором шумным разлетелись,
Но творить им было рано,
Подмастерья не готовы,
Не могли угомониться
И шалили бестолково.
Мастер строго призывает,
У себя их собирает,
Школу он для них устроил,
Обучает, наставляет.
Говорит им: «Книга Бога
Нас к творенью направляет,
Это наш учебник главный!
Открывайте и читайте».
Но не слушаются духи,
Не хотят сидеть за партой,
Балуются как балбесы,
Им учеба только в тягость.
Скомкали комочки света,
Ради смеха, просто в радость.
Все пространство забросали,
Засветилось небо ярко.
Безграничное пространство
Переполнил жуткий хаос,

Светлые шары летают
Совершенно безобразно.
Подмастерья оглянулись –
Надо навести порядок.
Но с чего начать? Не знают.
Знаний им не хватало.
Мастера призвали хором:
«Помоги нам, будь же добр.
Виноваты, не читали
До конца мы Книгу Бога.
Мы швырялись просто светом,
Вышло криво и убого.
Как вселенную поправить?
Объясни нам как-то просто».
«Без любви и без заботы –
Мастер духам отвечает –
Все, что создано в пространстве,
Чахнет, плачет, отмирает.
Все погибнет, все исчезнет,
Сердце с болью замирает.
Без любви и без заботы
Мир развития не знает».
Подмастерья ужаснулись,
как такое упустили?!

Зря шалили и резвились,
Невнимательно учились.
Говорят: «Любовь добавим,
Чтобы звезды в строй ложились,
Счастьем свет разбавим щедро,
Чтоб планеты веселились».
Так вселенную заполнил
Новой силой гений Эрот.
Вдруг привязанность возникла
Здесь и там, и в том, и в этом,
Обожания потоки
Проносились в небосводе.
Мастер мир окинул взглядом
И сказал: «Да, хорошо все».

Платон

Я еле успеваю записывать за ним…

Йоуранош–ликомыслием

Если боги даже свет любовью снабдили,
Что ж нас они, людей, так обделили?

Йоуранош-ликочувствием

Мы как бы в хаосе блуждаем без любви,
Тоска, несчастье нас съедает с ног до головы.

Сказочник

Так творили мирозданье,
Обучившись, подмастерья,
Но чем дальше, тем сильнее
В них росло высокомерие.
«Мы красивы, бесподобны, –
Говорили они вместе –
Сотворим себе подобных,
Пусть они живут на свете».
Подобрали все что нужно –
Есть вода, и твердь, и глина.
Замесили тесто жизни,
Разбавляя астралином.
Поднебесие сотворили,
Им творенье полюбилось,
Посчитали, все готово,
Можно заселять долину.
Человеческое семя
Разбросали в Поднебесье,
Так двуликие возникли,
Но несчастны, нет веселья...
Вот опять летит к ним Эрот –
Бог с таинственным свечением,
Говорит им: «Братья, с вами
у меня одно мучение.

После вас вселенский хаос
Я привел с трудом в порядок,
А двуликим без любви ведь
Никогда не видеть счастья.
Зря меня вы позабыли».
Но бессмертные ворчали:
"Не хотим возиться больше,
Разбираются пусть сами».
И тогда великий Эрот
Отправляет к вам героя.
Среди вас Йоуранош,
Храбрый, мудрый и достойный,
Появился как спаситель,
Добрый и неугомонный.
Он достиг вершины Неба,
Гордый, смелый, устремленный.

Йоуранош-ликомыслием

Знаю, что спасенье наше близко. Свет в конце туннеля вижу. Мне надо пожелать любовь познать!

Йоуранош-ликочувствием

О, бог мой! Помоги в моем стремлении! Подари любовь и благословение! Я всей душой любовь

желаю обрести! Пожалуйста, сжалься и моргни…

Сказочник

Мне не сложно раз моргнуть,
И вам исполнится желанье.
Но любовь не только благо,
Но еще и испытанье.
Вы подумайте повторно,
Мыслями мы мир меняем.
Нам сбывается в итоге
Все, о чем мы ни мечтаем.

Йоуранош-обоими ликами

Хочу любовь! И не боюсь судьбы жестокой! Я посажу желанье на ладонь! Да возгорится в нас любви огонь!

Сказочник

Вздыхает с грустью.

Ну, как знаешь… Я моргаю… Будь готов!..

Сказочник моргнул. В Занебесьи молнии и гром. Из Занебесья опускается большой светящийся плод в форме шара, похожий на тот, который опустился к

Ньютону. Плод останавливается перед лицом Йоураноша. Йоуранош смотрит то одним ликом, то другим. Затем берет светящийся шар. В ту же секунду Йоуранош начинает светиться сам. Он вкушает плод. Молнии в Занебесьи усиливаются. Йоуранош наполняется светом, дрожит. Сверкает огромная молния. Гремит гром. Молния опускается на Йоураноша. Адам в панике прячет голову. Аристофан пугается и прячется за спиной Платона. Вся сцена исчезает в ярком мерцающем свете. Опускается туман, который медленно рассеивается. Молния рассекает Йоураноша пополам, и теперь расчлененный на две части, он – точнее они – валяются бездыханные.

Адам

Что ты с ним сделал? И за что его убил?! И почему ты весь его народ так загубил… Он не заслуживал такого… Его молитва другое означала.

Сказочник

Смерть не страшна. Она лишь нового начало…

Адам

Подходит к двум половинкам, бывшим одним целым Йоураношем. Проверяет каждую половинку.

Он мертв… Они мертвы… Но… Постой… Для великана может быть одно спасенье! Знаю, он микстуру носит. От всего она лечение.

В спешке ищет лекарство в сумке Йоураноша.

Я знаю, в сумке держит он свое Волшебное лекарство... Вот оно!

Извлекает микстуру Тоастерия.

Каплями обильно окроплю я обе половинки великана.

Адам капает микстуру на две мертвые части Йоураноша. Они начинают оживать. Они двигаются. С трудом встают. Вместо двуликого теперь на сцене его две ожившие половинки. Они еле удерживаются на ногах. Наконец, они видят друг друга и застывают. Одна часть больше похожа на женщину. Это Йоура. Другая – на мужчину. Это Нош.

Йоура

О, какой кошмар! Рассечена я пополам?!

Нош

Какое это несчастье… Как мне утешить себя?

Йоура

Была одним, теперь отрезали мне часть…

Нош

Я был одним, теперь остался без себя…

Йоура

Нет, не могу так! Скорей соединиться надо!

Нош

Давай обнимемся, так избежим мы ада!

Йоура кидается к Ношу. Нош обнимает Йоуру. Они застыли в объятии.

Нош

Какое блаженство!

Йоура

Я чувствую счастье!

Нош

Как хорошо мне!

Йоура

Мы познаем любострастье…

Нош

Я… Теперь мы?

Йоура

Мы… Теперь я!

Платон

Выскакивает и кричит из кустов.

Я понял! Мы когда-то были одним целым. Но потом наши тела были рассечены молнией пополам. И тогда каждая половина с вожделением устремилась к другой своей половине. Не удивительно, что они обнимались, сплетались и страстно желали срастись. Они ничего не хотели делать порознь. Вот как возникло любовное влечение. Соединяя прежние половины, человек пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу. Каждый из нас – это половинка человека, рассеченного на две части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину! Люди проводят вместе всю жизнь и не могут даже сказать, чего они, собственно, хотят друг от друга. Душа каждого лишь туманно догадывается о своих желаниях.

Адам

Надо их опять сделать одним целым…
Сказочник, ты их разъединил, теперь ты должен их обвенчать...

Сказочник

Как скажете, готов… Я обвенчаю их союз…
Йоура и Нош, слушайте меня!

Йоура и Нош еле отрывают взгляд друг от друга и смотрят на Сказочника.

Вас по образу-подобию
Боги хором создавали,
Изваяние из глины
Чистым духом оживляли,
Поднебесие вам дали,
Чтоб вы жили, процветали,
Но любовь вам недодали,
Вы счастливыми не стали.
Мне ж теперь пришлось рассечь вас.
Были целым, стали двое.
Только так возможно было
Дать вам чувство неземное,
Так же станьте снова целым,
Кость от кости, плоть от плоти,

Вас теперь провозглашаю –
Будьте мужем и женою.

Йоура

Я хочу, чтобы эту *л*юбовь, которую чувствую я, почувствовал каждый Энаниянин!

Нош

Я хочу, чтобы эту *л*юбовь, которую познал я, познал бы каждый Энаниянин!

Сказочник моргает.

Адам

Тревожится.

Сказочник, ты моргнул… Что же это значит? Все его… Все их соотечественники будут расколоты пополам?

Йоура

Осознает, что происходит теперь в Энании.

Нам надо немедленно вернуться на родину!

Нош

Ты права, дорогая, поблагодарим богов, и в путь!

Они в спешке кланяются Сказочнику и Адаму, садятся в колесницу и улетают вниз.

Адам

Что же сейчас происходит с Энанией?

Сказочник

Каждый пополам порублен –
Потерялась половинка!
Мучаются, обезумев.
Хаос там, неразбериха.
Тот, кто был смиренный нравом,
Не бежит, не суетится,
Им легко себя найти,
Но трудно тем, кто не смирился.
Вот, что было с Перифаксом,
Он всегда собой гордился.
Потерял он половинку
И с чужой соединился.
Тоастерий, напротив,
Был спокоен и смирился,
Быстро отыскал себя и
С легкостью с собою слился.

Все, о чем говорит Сказочник, отражается в костре.

Книга Возвращения: Служение

1. ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Адам

Сказочнику.

Поражен происходящим...
Кто ты, сказочник небесный?
То, что ты с двуликим сделал,
Сотворить мог лишь бессмертный...
Но постой... Какое чудо!
В рифму речь моя излилась,
Складным ритмом говорю я...
Мне такое и не снилось.
На высоком пике Неба
Истину я понимаю.
Прах я только, просто глина,
Но любовью оживляюсь.
Смерть и вечность с тьмой и светом –
Все во мне перемешалось.
Как мне смысл найти и… Еву…
Помоги, я здесь теряюсь.

Внезапно загорается затухший костер. Сказочник садится. Рассказывает сказку.

Сказочник

Где-то как-то во вселенной,
Рыцарь вдруг родился смелый.
Он Любовь искал на небе,
Вечную, среди созвездий.
Ради этого стремился
В мир бескрайний, беспредельный.
«Обойти – сказал, – мне надо
Все края по всей вселенной».
Рыцарь в путь собрался дальний
И свою кольчугу чистил.
Но внезапно пред глазами
Деву юную увидел.
Шла легко девица мимо,
Элегантно, горделиво,
И воскликнул рыцарь громко:
«Вот! Любовь во мне возникла!»
Скоро свадьбу отыграли.
Пили, ели, веселились.

Радость в доме поселилась,
И богатырей родили.
Время шло, и дети быстро подросли...
Вот, уезжают...
На глазах жена стареет –
Меркнет красота и вянет.
В общем счастье продолжалось
Как-то слишком уж недолго.
Рыцарь мучается сердцем,
Загрустил он очень горько.
«Думал, что любовь бессмертна,
Но она завяла скоро.
Я же вечную хотел бы
Отыскать, хоть где угодно».
Снова в путь собрался рыцарь,
Достает свою кольчугу.
«Вечную, – жене сказал он, –
Я любовь тебе добуду.
Всю вселенную обшарю,
Чистую икать я буду.
Как вернусь, так совершим мы
Вдоль по вечности прогулку».

Много лет в пути проводит,
Тайну узнает в дороге –
Что Любовь от Бога спрятал
На скальной вершине кто-то.
Направляется к вершине,
Зашагал к скале он смело,
У прилесья утомился
И решил поспать на время.
Видит дерево на поле.
Ветви, словно храм небесный.
Подошел могучий воин
И прилег в тени прелестной.
Но не знал он тайну древа –
Змей там жил в ветвях огромный.
Хитрый, подлый, вероломный,
Похотливый и позорный.
Ночью змей проголодался,
Ищет что-нибудь по вкусу.
Смотрит, рыцарь прикорнул, и
Видно, выглядит он вкусно.
«Вот, везение какое, –
Змей подумал как-то грустно, –

Съем его я прямо спящим,
Сон оставлю на закуску».
Просыпается вдруг рыцарь,
Пред собою гниду видит.
Змей коварно зашипит и
Вероломно в душу дышит.
Сладким голосом чарует,
Обольщает: «Друг мой милый,
Сделайся моей частицей,
Счастья музыку услышишь».
Рыцарь меч хватает острый,
Говорит: «Уйди, гадюка.
Брюхо насквозь выпотрошу,
Это мне совсем не трудно».
Змей в ответ: «Да успокойся!
Все совсем не так уж худо.
Рай во мне сокрыт блаженный.
Верь мне, это просто чудо.
Я всесилен! Потому мне
Поклониться в ноги надо.
Сделаю тебя кем хочешь,
Колдуном искусным, магом.

Счастье ты во мне отыщешь,
Наслаждение раз за разом,
Я источник удовольствий.
Дай тебя я съем на завтрак.
А убить меня не сможешь,
Зря мечом своим махаешь,
Ты и я одно создание,
Как же ты не замечаешь?
Похоть я! Сама природа
К наслаждениям толкает,
Покорись же и расслабься…
Вкусно выглядишь и пахнешь…»
Гниде воин возражает:
«О другом совсем мечтаю.
Я змеиное лукавство
Твердым духом отрицаю.
Чистую Любовь ищу и
Похоть тела порицаю,
Кланяться тебе не буду,
Договор держать не стану».
Рыцарь меч поднял сурово,
Гниде голову отрезал...

Змей не гибнет в схватке дикой,
Семь голов взрастила шея.
Гнида хохот испускает,
Поле брани загорелось,
Землю кровь чернит и греет,
А в ноздрях огонь пригрелся.
Рыцарь лошадь подзывает,
Ловко прыгнул, восклицая:
«Гниду ты дави копытом!»
Змей не гибнет, извиваясь,
Говорит: «Со мной сражаясь,
Ты себя же убиваешь.
Неужели не понятно:
Ты и я в одной упряжке.
Мы едины, как природа,
Умирать нам только вместе.
Я твой рай, а также ад твой,
Мне покорны чувства в теле.
В древнем мире мне молились,
Воздвигали храмы змея,
Обо мне стихи слагали,
Гимны посвящали песней.

Я жрецов учу наукам
И монахов озаряю.
Магию преподаю и
Знания предохраняю.
Беспредельность созерцаю,
Колдовство изобретаю,
Захочу, легко летаю.
Правда, чаще пресмыкаюсь.
Я вобрал в себя все силы,
Солнца свет и мрак пучины,
Жуткий смрад, благоухание,
И любовь, и одержимость.
Сочетает моя сущность жизнь
И смерть одновременно,
Милую и проклинаю,
Зло во мне с добром в соседстве.
Крайности в себе сплетаю,
Страх есть там же, где решимость.
Свет и тень, душа и глина,
Высь небес, земная низость,
Все во мне одномоментно.
Я с тобою очень близок.

Только вместе мы умрем… так
Убивай себя на милость».
Видит рыцарь, змей не гибнет
От ударов и уколов,
Говорит: «Нигде не видел
Я таких, как ты, уродов.
А теперь я обнаружил,
Что подлец во мне укромно
Поселился и терзает
Изнутри коварно, злобно.
Вижу я, убить такого
Змея просто невозможно,
Подчинить тебя мне надо!
Будь рабом моим, холопом!»
Рыцарь цепь набросил ловко,
Змея заключил в оковы,
Приказал: «Веди по тропам
Ты к вершине скал высоких!»
Змей ответил: «Покоряюсь,
Проявляешь твердо волю,
И пока в цепях ты держишь,
Не уйти мне на свободу.

Ты Любовь на Небе ищешь?
Пригодится моя служба,
Знаю тайную дорогу,
Покажу тебе, что нужно».
Змей приводит на вершину
Рыцаря и сообщает:
«Здесь в пещере изначально
Красотой Любовь сияет!»
Рыцарь двери отворяет
И Любовь освобождает,
Сам сиянием покрылся,
Все пространство озаряет.
В блеске красоты извечной
Он домой к себе вернулся.
Все вокруг него сверкает,
И жена преобразилась...
Нет морщин и седины нет,
Чудом вмиг омолодилась.
А дракон на цепи смирно
За хозяином тащился.
Вот мораль из этой сказки –
Если хочешь быть красивым,

Ты в себе найди дракона,
Покори и будь счастливым,
Власти чувствам не давай
И душу вечности откроешь.
Красота в тебе таится –
Вечная Любовь в покое.

Адам

Я, как рыцарь твой из сказки,
Сам Любовь ищу на Небе.
Распознать не смог пораньше,
Что живу я вместе с змеем.
Он пригрелся, приютился
Глубоко в укромном месте,
К похоти тянул он хитро,
Душу осквернял мне вечно.
Цепи на него набросить
Никогда не догадался,
Красоту за ним не видел,
Он же вечность покрывал мне.
Но теперь я прозреваю,
Воли мне не доставало.

С Евой вечность я открою,
Только смысл найти осталось.

Сказочник

Достает из кармана два красивых и светящихся яблока. Протягивает одно Адаму.

Из Занебесья я принес смысл тебе…
И себе... перекусим вместе…

Сказочник моргает. Адам берет плод. Начинает светиться сам. Надкусывает. Сказочник следит за Адамом. Тоже надкусывает свой плод. Оба начинают светиться изнутри. Адам восхищен. Сказочник немного грустный.

Адам

Чувства просто восхищают...
Кажется, что окрыляюсь!
В беспредельности плыву и
В вечном свете растворяюсь…

Сказочник

Попрощаемся мы с Небом,
В путь дорога нас позвала,

Отправляемся на Землю!

Так вперед! Пора настала!

Сказочник и Адам берутся за руки и ярко светятся. Сверкает Занебесная молния, и они исчезают в ослепительном свете.

Занебесье гаснет. Аристофан выбегает из угла. Он в панике. Платон бежит за ним.

Аристофан

Платон, спаси! Я весь дрожу. Смерть грозит нам очень скоро.

Платон

Аристофан, успокойся...

Аристофан

Нет, не могу... Дрожит душа.

Мне кажется, схожу с ума!

Зачем же встретился ты мне?

Зачем стал слушать я тебя?!

2. ТВОРЯЩИЙ ДОЖДЬ

Итак бодрствуйте, ибо не знаете,

когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь,

или в пение петухов, или поутру.

Вряд ли Адам, лучший писатель года, сможет когда-нибудь адекватно описать свои чувства от прикосновения к светящемуся плоду смысла его жизни. Перед ним вспыхнул свет, похожий на сияние Слова, которое было у Бога.

Почему-то он подумал, что умирает…

Тело терзалось от противоречивых чувств, а душа ликовала, и пространство преобразилось в очередных метаморфозах.

Померк амфитеатр, потускнело Занебесье, и охваченный ужасом Адам полетел по непроглядной тьме, где его оглушил звук скользящих по асфальту шин.

Вспыхнул свет...

Адам обнаружил себя за рулем розовой Вогель-флюгель и до упора выдавил педаль тормоза.

Машину бросило на обочину горной дороги. Она чудом не перевернулась и встала на самом краю крутого обрыва.

Мотор заглох.

Адам испуганно озирался. Снаружи был ливень, а в голове родился вопрос:

«Какая сила вернула меня в машину?»

Грянул гром.

Адам вышел из машины и почувствовал, что стоит под волшебным ливнем, который был намного сильнее первого дождя с каплями идей о Ньютоне.

Этот ливень нес в себе силу творения!

Этот ливень созидал тьму и свет, лес и воздух...

Этот ливень превратил в материю образ из глубины души Адама…

Раздался слабый зов о помощи...

Болезненное стенание ребенка донеслось из непроглядной мглы.

Адам посветил и увидел мальчика в лихорадке под огромным деревом.

Мальчик звал маму, но мамы здесь не было.

Надо было его спасать!

Адам быстро уложил его на заднее сидение Вогельфлюгель, включил обогреватель и, резко дав

газу, благополучно выехал на дорогу.

Здесь он включил навигатор, задал маршрут до центральной городской лечебницы и, узнав, что ехать пять часов, прибавил ход. Было очевидно, мальчику очень плохо – он дрожал, стонал и бредил.

Пять часов тянулись долго, но когда Адам припарковал Вогельфлюгель перед лечебницей, ему показалось, что ехал он всего пять минут.

Адам подхватил мальчика и поспешил в приемную. Там его встретила знакомая медсестра Анна. Она засуетилась, уложила ребенка на койку, в спешке позвонила врачу и принялась заполнять необходимые бумаги.

– Имя мальчика…

Адам растерялся и хотел что-то спросить:

– А как?..

Анна услышала свое и спокойно записала:

– Акакий Гуськин…

Адам переспросил:

– Гуськин?

– А как же еще? Он же ваш сын. Я прекрасно вас помню…

Вскоре в приемную вошел Макар Лекарькин.

– О, Адам! Как вы? У вас заболел сын? – Макар

проверил пульс мальчика, зрачки, жар тела и сказал, – Срочно госпитализировать! Подготовьте МРТ и лабораторию… Положение очень тяжелое.

Мальчика увезли…

Адам стоял в приемной и растерянно оглядывался.

– Не беспокойтесь, – сказала ему медсестра Анна, – все будет хорошо. Я могу приготовить вам чай… Хотите? Я читала вашу книгу про Ньютона. Очень понравилось!..

Адам присел и так, не двигаясь, просидел полчаса, пока к нему не вышел Макар.

– Мальчик при смерти, – сказал врач. – Мы у него обнаружили редкую болезнь стареющих костей. Скелет у него, как у столетнего старика… Мы сделаем все возможное, но прогноз неутешителен. Однако есть и хорошая новость… Он проходит по программе фонда «Забота».

Из-за спины Адам услышал приятный голос женщины:

– Я Любовь, представительница фонда.

Адам резко обернулся и увидел стройную, как тростинка, женщину.

Она сказала:

– Не переживайте. Мы поместим вашего мальчика в самые лучшие условия и окажем передовую

медицинскую помощь. Вам надо лишь подписать этот договор.

Адам молча подписал.

Любовь поблагодарила и удалилась вместе с Макаром.

Анна сказала:

– Вам повезло! «Забота» – уникальная программа… У них эксперимент по форсированному выздоровлению. Они выкупили у нас часть больницы и создали там настоящие номера люксового класса. Закупили самое лучшее оборудование и бесплатно помещают пациентов по паре – взрослого с маленьким…

– Постойте, – сказал Адам, – я помню, вы хотели перевестись туда.

Анна посмотрела с удивлением:

– Как вы узнали?..

Адам пожал плечами, и Анна спросила его:

– Хотите чай?

– Нет! – ответил Адам. – Я хочу поспать.

Анна сказала:

– Я могу предложить вам койку в ординаторской. Сюда никто не придет до полудня. Хотите поспать здесь?

Измотанный Адам молча кивнул и пять минут спустя уже крепко спал на койке в ординаторской.

3. УПАВШАЯ ЗВЕЗДА

Солнце померкнет, и луна не даст света своего,

и звезды спадут с неба.

Сияющая звезда подиума внезапно оторвалась от высокого небосвода славы и упала в кабинет онколога, где палач в халате по имени Макар Лекарькин вынес ей жестокий приговор:

– Буду честен. У вас карцинома легкого в последней стадии, осложненная агрессивно прогрессирующим метастазированием и вторичным раком кости. Вам осталось не менее трех месяцев. Несмотря ни на что мы сделаем все возможное, медицина быстро развивается, и есть много новых методов…

Единственное, чем мы можем помочь, это паллиативная медицина.

В отчаянии она выпалила:

– Какой смысл лечить, если вы не можете вылечить?

Палач ответил хладнокровно:

– Иначе смерть будет слишком мучительной.

Это называется паллиативной медициной. Хотя, конечно, это очень дорого.

Она бросила ему в лицо:

– У меня ни гроша! Нет страховки и... Никого, кто позаботился бы обо мне. Единственное, что у меня осталось, это горькое разочарование и обида на Бога.

Макар ответил:

– Выход есть всегда.

– Какой же?

– Вы проходите по экспериментальной программе форсированного выздоровления, организованной фондом «Забота».

Она разочарованно вздохнула:

– Я вообще не знаю, что такое забота. Никто обо мне не заботился, и я сама не умею...

Макар сказал:

– Вам не надо. Фонд умеет.

Он пригласил представительницу фонда, легкую, как тростинка, Любовь.

– Я менеджер фонда «Забота», и мне очень жаль, но поверим в чудо.

Упавшая звезда ответила:

– Я не верю.

– Не отчаивайтесь, выслушайте наше предло-

жение, – сказала Любовь, – фонд предоставит вам отдельную палату, обустроенную, как двухкомнатный гостиничный номер класса люкс. Питание и лучшее медицинское обслуживание на самом высоком уровне. Все, разумеется, бесплатно. Однако есть одно условие – к вам в палату могут поселить малолетнего пациента со смертельным диагнозом. Суть в том, что мы изучаем влияние совместного пребывания взрослого и ребенка на процесс выздоровления. Хотя есть большая вероятность, что соответствующий ребенок, может, и не будет найден вообще.

Упавшей звезде некуда было деваться. Она сказала:

– Я согласна. Другого выхода у меня просто нет. Но я попрошу вас обеспечить абсолютную приватность.

– Что вы имеете ввиду?

– Я хочу исчезнуть и не видеть никого. Ни родственников, ни знакомых, ни журналистов.

Любовь легко согласилась:

– Это можно. Мы и без того не разглашаем информацию о наших пациентах.

Договор был подписан, и померкшую звезду проводили в роскошные апартаменты, где нача-

лась ее новая предсмертная жизнь.

Было очень тяжело…

Как обещал палач в халате, невыносимые боли усиливались с геометрической прогрессией, и она сходила с ума. Тяжелые мысли отравляли жизнь хуже раковой опухоли. Она думала о том, что вероломная болезнь поразила ее именно тогда, когда жизнь только-только обещала наладиться, и перед ней загорелся маячок счастья.

Теперь все рухнуло. Ее существование свелось к бессмысленной борьбе против быстро разлагающегося тела.

Вместо привычного сладкого утреннего кофе с шоколадным круасаном был безвкусный и ненавистный чай. Вместо приятного легкого головокружения от утренней сигареты теперь была очередная капельница и болеутоляющие уколы. Вместо толпы поклонников и журналистов к ней приходил Макар со студентами, которым он показывал ее, как шимпанзе в зоопарке. Вместо ужинов с деликатесами теперь был вонючий суп, от которого хотелось блевать. А вместо клубных развлечений до самого утра теперь были бессонные ночи с мучительными болями. Ушла слава. Остались только слезы, тоска и тяжелые размышления в

предрассветной тьме.

Память часто уводила ее в прошлое, и она гневалась то на маму, которая испортила ей жизнь своим гадким характером, то на отца, которого она вообще не знала. Она гневалась на всех мужчин, которые пользовались ее телом для своего досуга и никогда не любили ее по-настоящему. Наконец, она гневалась на себя за то, что сама искала в отношениях только выгоду, а не любовь. Негодуя, она пряталась под одеяло, но как убежать от себя?

Тогда в ее сознании оживали еще более ужасные образы – аборты… Она не раз тайно ото всех отделывалась от нежелательной беременности и всегда считала, что ребенок помешает ее карьере. Действительно, забота о маленьком была бы обузой для селебрити, ярко сияющей в галактике популярности.

Померкшая звезда терзалась и негодовала на Бога.

Вместе с раком ее съедала глубокая депрессия.

Уткнувшись носом в цветочек на обоях, она мечтала о невозможном – повернуть время вспять и прожить жизнь снова, не набирая никотин в легкие, не выставляя напоказ тело за деньги, а вместо этого создать семью и родить детей…

В таком мучении тянулись ее последние дни, и она наблюдала за своим ухудшающимся состоянием – дышать становилось совсем невыносимо, сердце отказывалось биться, еда вызывала отвращение и рвоту.

Всю жизнь она думала, что заботится о своем благополучии… Этому отлично научила ее мать. Теперь она не знала, как заботиться о себе дальше. А забота о других ей была, вообще, чужда. Этому ее никто никогда не учил.

Казалось, хуже некуда. Она уже мечтала о скорейшей смерти, но злая судьба подкинула ей еще одно тяжелое испытание.

На рассвете, когда боли мучили очень сильно, к ней в апартаменты подселили больного ребенка, который непрерывно стонал и звал маму.

4. КАК ДЫМ ИЗ ТРУБЫ

Как роса, скоро исчезающая...

Энграф проснулся на кушетке в спальне Адама с первыми лучами солнца. Зевнув и потянувшись, он стал вспоминать сон – все были счастливы. Ангелина и Питирим блаженствовали на небе, Адам нашел свою любовь, а Шприц вылечил всех больных на планете.

«Жаль, что это лишь сон», – подумал Энграф...

Затем он припомнил вчерашний вечер. Он читал Адаму его конспекты, и они обсуждали Платона. И не было среди них счастья…

«Неужели счастье возможно только во сне? – спрашивал себя Энграф. – В реальности каждый раз счастье лишь маячит в тумане и быстро исчезает, оставляя болезни, невзгоды и терзания. Почему? Что надо человеку для обретения устойчивого и неизменного ощущения счастья?»

С этими вопросами Энграф поднялся со своей кушетки и, даже не посмотрев в сторону постели Адама, вышел из спальни на цыпочках. Затем он

заварил себе чай и направился в сад подышать. С чашкой в руке и с мыслями об ускользающем счастье он сел под яблоней и почувствовал что-то неладное. Казалось, все, как всегда. Яблоки на яблонях, тихий ветерок и…

Чего-то все-таки не хватало…

Раздумывая, Энграф сделал глубокий вдох, затем – глоток чая и…

Чуть не поперхнулся, выкрикнув:

– Где же розовая Вогельфлюгель?

Машины в ангаре не было.

И ворота настежь…

Взволнованный Энграф побежал обратно в спальню и в ужасе обнаружил, что племянника в постели тоже нет.

– Адам, ты где?! – закричал он и кинулся звонить, но мобильный Адама завибрировал на тумбочке.

Тогда Энграф перепугался сильнее сильного.

Он немедленно вызвал Шприца:

– Адам у тебя?

– Нет.

– Где же он?

– Не дома? У него же голова раскалывалась?

– Да, но дома его нет... Уехал куда-то. Выходи,

будем искать его по всему селу.

Искали, но не нашли.

Отчаявшись, они вернулись в дом.

Энграф возмущался:

– Вчера вечером я ему читал, мы спокойно заснули… Ума не приложу, где он…

Внезапно позвонил телефон Адама.

Энграф кинулся.

Это был Жорж:

– Я напал на след Евы. Она скрывается, пытаясь решить какую-то личную проблему. Скоро я буду знать, где она.

– Это радует, – сказал Энграф, – но теперь исчез Адам... Он оставил свой телефон...

– Вы Энграф? – догадался Жорж.

– Да!

– Как же исчез Адам?

Энграф ответил:

– Чудом... Я в отчаянии. Мы со Шприцем объехали все село…

Жорж сказал:

– Успокойтесь, я во всем разберусь. Вы думаете, его похитили?

– Не знаю…

– Где его машина?

– Машина тоже исчезла.

– Вы думаете, что он уехал сам?

– Возможно, но не пойму, куда, зачем и почему?

– На кого зарегистрирован транспорт?

– На Адама…

– Постойте, – сказал Жорж, пощелкал клавиатурой и продолжил, – розовая Вогельфлюгель?

– Да, – ответил Энграф.

– Необычный выбор, но такую машину найти можно...

Энграф ломал руки:

– Как я мог проглядеть его? У меня, вообще, чуткий сон. А здесь… Мальчик встал, оделся, вышел, выехал на машине за ворота… Как я не проснулся?

Жорж искал не долго:

– Вогельфлюгель нашлась!

– Как?! Где?! – закричал Энграф.

– Она на окраине Тишиглуши, очень странно припаркована. Сбрасываю вам геопозицию. Поезжайте немедленно и звоните мне с места. Это в пяти километрах от вас…

Энграф подскочил:

– Вы чародей! Как это у вас получается?

– Современные технологии, – ответил Жорж, – все машины класса Вогельфлюгель оснащены системой геопозиционирования. Не теряйте время… Надеюсь, с Адамом все хорошо.

Пять минут спустя Энграф и Шприц были на месте.

– Вижу! – закричал Энграф. – Боже! Он увяз в болотной трясине… Почему он заехал туда?

Наполовину погруженная в тину Вогельфлюгель виднелась в дымке утреннего тумана.

– Как же добраться до него? – волновался Энграф, прыгая по кочкам и понимая, что увязает в болоте.

Шприц сказал:

– Постой, вызываю бульдозер…

Полчаса спустя машину взяли на буксир и вытащили.

Энграф открыл дверь и ужаснулся.

Адам лежал на водительском сидении без сознания. Голова откинута в сторону и…

– Что с ним?! – кричал Энграф.

Шприц быстро проверил и ответил:

– Успокойся, живой. Но надо срочно везти в лечебницу… Вызываю скорую.

Энграф бил себя по голове:

– Опять больница… Это невыносимо! Зачем он полез в болото?

Шприц успокаивал:

– Все будет хорошо. Скорая едет. Я звоню Макару… А ты поезжай за нами на Вогельфлюгель… Она хоть и грязная, но на ходу…

5. ВСЕ ИЗМЕНИМСЯ ВДРУГ

Не все мы умрем, но все изменимся вдруг,

во мгновение ока, при последней трубе.

Она лежала спиной к стене и прислушивалась – шуршание бахил, голоса врачей, душераздирающие стоны маленького мальчика.

Она узнала голос Макара. Он говорил:

– У мальчика букет тяжелых болезней – двустороннее воспаление легких, неработающий желудок, таинственная костная болезнь и тахикардия. Его сердце может остановиться в любую секунду.

Мальчика долго укладывали, кололи, ставили систему.

Макар приказал:

– Надо подключить его к аппарату жизнеобеспечения. Это чудо медицинской техники продлит ему жизнь на несколько часов, может, на день. Но я уверен, к утру он умрет в любом случае.

Наконец все ушли, и мальчик застонал так громко, что упавшая звезда больше не могла замыкаться в себе. Не переставая, пять раз в минуту, сквозь стенания, мальчик громко звал маму… Это

сводило ее с ума. При каждом слове «мама» перед ней непроизвольно оживали образы ее собственной матери, от которой всегда веяло холодом и, как ни старайся, невозможно было ощутить любовь. Она вспоминала, как мечтала посидеть с ней в спокойствии, но у матери никогда не было времени на это. Она хотела добрых слов, но мама только порицала и строго отчитывала. Эти воспоминания делали грудную боль совсем невыносимой. Она задыхалась и мечтала скорее умереть, чтобы дальше не слышать стоны этой чертовой куклы.

День прошел в муках.

К вечеру терпение кончилось, она оторвалась от стены и сильно ослабшим голосом потребовала избавить ее от мальчика.

Макар вместе с Любовью выслушали ее, и тогда Любовь сказала:

– Согласна, слышать стон круглые сутки невыносимо, но это не противоречит подписанному договору о предоставлении фондом медицинских услуг.

Упавшая звезда нашла в себе силы для возмущения и сказала:

– Тогда я отказываюсь от такого бесчеловечного договора.

Любовь невозмутимо ответила:

– Ваше право. Но тогда фонд будет вынужден выселить вас из этих апартаментов и потребовать возмещение расходов по уже оказанным медуслугам.

Упавшая звезда кричала, как могла:

– Выбрасывайте меня на улицу, но денег нет!

На это Макар ответил:

– Давайте успокоимся. Выкидывать вас никто не будет. Вас переведут в общую палату, где другие пациенты могут стонать даже хуже этого мальчика, но счет придется оплатить.

Здесь переговоры были прерваны, упавшую звезду начало рвать. Ей вкололи успокоительное, и все ушли. Ребенка никто и не думал переводить. А силы совсем покинули ее. Изможденная, она опять уткнулась в стену, а мальчик застонал еще громче. Тогда она тоже начала кричать, как могла…

Он звал маму, она звала тоже.

Оба, уже в унисон, желали материнской ласки и объятий.

Плакал мальчик…

И она рыдала…

Она думала: как это глупо – смертельно заболеть раком, но умереть от стонов незнакомого мальчика.

Она обвиняла всех – самого несчастного мальчика, Макара, фонд, но в какой-то миг в ее измученное сердце закралась мысль о том, что только она одна и виновата – нельзя быть злостным курильщиком с тринадцати лет и надеяться, что сотни тысяч выкуренных сигарет не оставят своего ужасного следа. Кроме того, нельзя всю жизнь быть эгоистичным, думать только о своей выгоде и заботиться только о собственном благополучии. Она мечтала умереть в тишине, но не было ей спокойствия ни в душе, ни в теле, ни в этой ужасной люкс-камере для смертников. Сильно страдая от боли, от аритмии и одышки, она повернулась, чтобы увидеть своего мучителя в лицо, и ей показалось, что монстр застонал еще громче, с большей жалостью призывая мать.

Время от времени она теряла сознание, отключалась, но… Даже в бессознательном состоянии стон мальчика рвал душу.

Глубокой ночью, когда она очнулась после очередного провала, она посмотрела на него и, еле поворачивая язык, заговорила с ним едва слышным голосом:

– Мальчик, я не знаю, откуда ты свалился на мою умирающую голову, но это было совсем некстати. Знаю, ты тоже при смерти. Возможно, мы не доживем до утра. Ты хочешь маму, и я тебя

понимаю, но пойми и ты меня, я хочу умереть в тишине. Я грешница, но неужели Бог лишает грешников возможности умереть спокойно? Пожалуйста, замолчи… Твоя мама, скорее всего, никогда больше к тебе не придет. Если ее нет рядом с тобой сейчас, это значит, что ее нет совсем. Забудься, отключись, умрем в тишине… Я не мешаю тебе, и ты не мешаешь мне… Так будет лучше для нас обоих...

Монолог сильно утомил ее, но мальчика это не остановило. Он завывал громче.

В ту секунду ужасная мысль залетела ей в голову. Она сказала:

– Тогда я помогу тебе уйти быстрей. Я отключу твой аппарат жизнеобеспечения, и нам обоим станет легче…

Вместе с этой ужасной мыслью в ней внезапно проснулась другая часть ее сущности. Она сильно отличалась от первой и выступила с протестом:

– Это убийство! Нельзя никого умерщвлять… Особенно, малыша. О детях надо только заботиться.

Первая сущность удивилась:

– А ты откуда вылезла? И кто ты такая? Не учи меня умирать. Тоже мне, совесть…

Вторая сущность помолчала и ответила:

– Да, я совесть! Тронешь мальчика, будешь наказана.

Первая в ответ расхохоталась:

– Я и без того уже наказана. Не боюсь небесного суда!

Вторая сущность промолвила:

– Не богохульствуй!

Но первая заорала:

– Заткнись! Бога нет! Есть лишь тьма, куда мечтаю попасть в спокойствии… И если надо за это спокойствие бороться, я буду бороться…

Она попыталась встать для осуществления своего ужасного замысла, но силы совсем ее покинули, и она была вынуждена закрыть глаза. Полудрема и полубеспамятство длились у нее неопределенное время, но стоны мальчика проникали даже в грезы. Это сводило с ума и, очнувшись, она отчаянно рванула из постели…

И встала…

Она тащилась через всю комнату к койке мальчика, вынашивая план ужасного преступления, и говорила себе:

– Убийца не я, а Бог, если, конечно, Он, вообще, есть… Он придумал смерть, а не я! Я лишь помогу больному ребенку избавиться от мучений, и это благо!

На полпути в ней опять очнулась вторая сущность:

– Хочешь помочь мальчику? Помоги ему как-то иначе.

Она возмутилась:

– Может, подскажешь, как?

Вторая сущность отозвалась:

– Для начала помолись за него…

Первая сущность рассмеялась:

Сама молись, дура… А я спасу от мучений и его, и себя…

Наконец, она доползла до его постели. Каждое движение давалось ей с большим трудом. Ужасная боль пронизывала все ее измученное тело, но она терпела и приближалась к своему очередному, возможно, последнему греху. Она вскарабкалась на постель мальчика и присела на краю. Здесь она отдышалась, оглянулась и прикинула, что легко могла бы дотянуться до выключателя аппарата жизнеобеспечения. Оставалось совсем чуть-чуть и…

С такого близкого расстояния она смогла разглядеть мальчика лучше и увидела его красивое лицо. Несмотря на мучение и крики каким-то странным образом на его губах светилось подобие улыбки.

Вторая сущность сказала:

– Ты только посмотри на него. Ему нужна забота. Всем нужна забота…

Первая сущность злилась:

– А кто позаботился обо мне? Даже моя собственная мать никогда не заботилась! Каждый заботится о себе.

Набравшись решимости, она протянула руку к выключателю и случайно прикоснулась грудью к телу мальчика…

Тут она почувствовала – случилось что-то очень важное!

Включилась какая-то невидимая сила удивительного притяжения и…

Ее потянуло к мальчику…

И она его обняла.

Может неосознанно, не отдавая себе отчет...

Может быть, просто выбилась из сил и упала в объятия мальчика.

Как бы то ни было, она его обняла и...

Внезапно стон прекратился.

Дыхание ребенка выровнялось.

Не открывая глаз, он поднял руки и тоже обнял ее в ответ, будто только и ждал ее приближения.

Это ее настолько удивило, что она замерла, не

смея пошевелиться.

Она ползла сюда и думала, что он замолчит, только если убить его, но…

Он замолчал от простого объятия…

Вторая сущность заговорила:

– Чувствуешь связь с ним? Все люди так взаимосвязаны. Это сила тяготения любви! Она действует между людьми. Забота о другом – вот лучшая забота о себе…

Она замерла в неудобной позе и наслаждалась тишиной… А мальчик обнимал ее все крепче, и тогда она, напрягая последние силы, медленно прилегла рядом с ним на его постели. Теперь она боялась пальцем пошевелить. А мальчик молчал. Тишина и тепло тела мальчика подействовали на нее, как самое благостное снотворное и лучшее обезболивающее.

И она заснула…

6. СПЯЩИЙ

Будешь, как спящий среди моря

и как спящий на верху мачты.

Адам очнулся на больничной койке, увидел перед собой усатое лицо и сразу узнал…

– Господин Гуськин, Адам, доброе утро! Я ваш лечащий врач, Макар Лекарькин. Скажите, пожалуйста, вы меня слышите?

Адам ответил:

– Уже утро? Простите... Я заснул в ординаторской, но... Ваша медсестра мне позволила... Если это запрещено, вы ее не наказывайте... А как... Акакий? Мальчик, которого я привез. Ему лучше?

Макар помолчал и сказал:

– Адам, доброе утро! Я ваш лечащий врач, Макар Лекарькин. Скажите, пожалуйста, вы меня слышите?

Адам закричал:

– Это какое-то дежавю… Да! Отлично слышу.

Доктор помолчал еще раз и сказал:

– У вас была рецессия, но болезнь вернулась к

вам с новой силой. Отмечаются серьезные нарушения моторики и функционирования мозга. Если вы меня слышите, моргните глазом, или пошевелите указательным пальцем правой руки, или пошевелите указательным пальцем правой ноги.

Адам с ужасом осознал, что Макар не реагирует и сказал:

– Постойте… Вы шутите? Мы с вами уже проходили это. Я вылечился! Голова больше не болит, и я благополучно вернулся с вершины Неба...

Макар повернулся спиной к Адаму и обратился к Энграфу, который, оказывается, все это время стоял рядом:

– У него посттравматическое осложнение, и он опять в коме.

Энграф ломал руки от волнения:

– Откуда такое на нашу голову? Он же все ваши пилюли глотал...

– Одно дело пилюли, другое – постельный режим. Он его нарушал! Зачем он встал? Зачем садился за руль? Зачем ехал в болото? Вот потому и осложнение...

Адам заорал:

– Нет осложнений! Все вижу и слышу!

Он отчаянно махал конечностями, но двигались они лишь в его воображении.

Макар прописал новое лечение и ушел, оставив плачущего Энграфа у постели племянника.

Адам закрыл глаза и отключился.

Когда сознание опять вернулось к нему, он увидел, что Энграф беседует с бородачом, которого Адам сразу узнал по голосу. Это был частный детектив.

– Господин Жорж! – сказал ему Энграф. – Видите, вот Адам, которого вы спасли… Он бы утонул в болоте, если бы не вы.

Жорж ответил:

– Вогельфлюгель оснащена трекером, а у нас есть доступ к базе. Надеюсь на скорейшее выздоровление… Но я пришел не просто проведать Адама. Хочу доложить, что расследование по вашему заказу завершено. Я нашел Еву.

Энграф чуть не подскочил от радости, а Адам свалился бы с постели, если бы мог двигаться.

– Где она?! – закричал Энграф.

Жорж ответил:

– В особом отделении этой лечебницы. Но она при смерти… Мне очень жаль. У нее тяжелая форма рака, и врачи считают дальнейшее лечение бес-

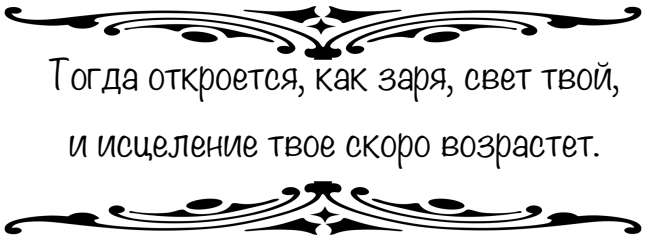
смысленным. Ей только облегчают состояние и держат анонимно. Вот почему я так долго не мог ее найти. Возьмите эту папку. Здесь все доказательства. Там же фотографии Евы в палате.

Энграф утер слезу, а Адам хотел вырваться из кожи вон, чтобы бегом бежать спасать Еву, но… Мог это сделать лишь в своем воображении.

Душа его кричала, но тело не подчинялось.

7. БАЛЬЗАМ ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ

Тогда откроется, как заря, свет твой,
и исцеление твое скоро возрастет.

Ее разбудил удивленный возглас Макара:

– Почему вы переложили больную в постель мальчика?

После паузы последовал ответ медсестры:

– Это не я.

– Кто же? – поразился врач. – Вчера она не могла внятно говорить, и силы ее покидали так быстро, что сегодня мы вполне могли бы видеть летальный исход. Вместо этого она в чужой постели! Я не понимаю.

Медсестра засуетилась:

– Я немедленно верну ее обратно.

Но врач остановил ее:

– Не трогайте уже! Пусть Любовь сама разбирается. Тем более, что… Вы заметили? Мальчик тоже перестал стонать… Позвоните Любови… Где она?

Врачи ушли, а она лежала, уткнувшись носом в

грудь мальчика, который продолжал безмятежно спать. Она погрузилась в чудесные ощущения – боль приглушилась, в душе – умиротворение. Она боялась спугнуть это состояние. Мальчик обнимал ее все крепче, дышал ровно и даже не думал стонать.

Скоро пришла Любовь, что-то записывала, фотографировала. Наконец она приказала медсестре не тревожить больных, и опять настала тишина.

Так они пролежали весь день.

Мальчик щедро делился с ней какой-то неописуемой энергией и чудодейственным теплом.

К вечеру следующего дня ей пришла в голову безумная мысль – соединить свою койку с койкой мальчика, чтобы быть ближе, обнимать его во сне или ложиться на спину самой, а его держать за руку. Эта идея сначала показалась ей неосуществимой, но потом обнаружилось, что у кроватей есть колесики. Она набралась духу и сказала спящему мальчику:

– Я сейчас вернусь, дорогой.

Она удивилась, что назвала мальчика «дорогим», и ей показалось, что он все понял – не застонал и отпустил ее.

Она встала, удивляясь приливу сил, и покатила

кровать. Вскоре две койки стояли уже рядом. Она улеглась, взяла мальчика за руку и начала думать:

«Кто ты? Где твоя мама? Ты стонал, звал маму, но успокоился, как только я обняла тебя. Кто мог подумать, что тебе нужно было только это? Теперь ты спишь спокойно и учишь меня заботе… Я знала лишь заботу о себе и о своем благополучии. Мой эгоизм, как раковая опухоль, настолько охватил меня, что я даже хотела отключить тебя от аппарата. Бог защитил меня от ужасного греха… А тебе не хватало маминой любви. Как и мне... В этом мы похожи. Может, мама не обнимала тебя вовсе? Как и меня... Мне так нужно было спокойствие перед смертью, но теперь мне кажется, смерть отступила. Какая-то чудодейственная сила перетекает от тебя ко мне, когда я забочусь о тебе, держу за руку или обнимаю. Я чувствую, что наполняюсь волшебным лекарством. Ты стал моей лучшей капельницей, и теперь мне не нужно другое лечение. Интересно, а где твой отец?»

Она не могла оторвать глаз от спящего мальчика, любовалась его красивыми чертами лица и чувствовала себя все лучше. Потом она заснула без боли и без мучительного ожидания неизвестности.

Утром она открыла глаза и опешила. Мальчик

сидел в своей постели и смотрел на нее. От удивления она подскочила… Это тоже поразило ее. Такое резкое движение должно было причинить ей нестерпимую боль, но… Боли не было. Ее реакция развеселила мальчика. Он засмеялся и потом долго заливался смехом. Она тоже смеялась с ним. Смех подействовал намного эффективнее любых утренних пилюль.

Когда они насмеялись, мальчик сказал:

– Мама…

У нее вырвалось:

– Я не твоя мама…

Это опять рассмешило мальчика, и теперь они хохотали дольше. Получив еще одну очень хорошую дозу исцеляющего смеха, они успокоились, и мальчик сказал:

– Что сложнее? Заботиться о ребенке или заставить звезды танцевать?

Она удивилась, не поняла, переспросила:

– Что ты сказал?

Он ответил:

– Если хочешь, я сказку тебе расскажу…

– Очень хочу! – воскликнула она.

Мальчик сказал:

– Тогда слушай и смотри... Однажды Бог при-

шел к Моисею и сказал ему...

Неожиданно широкий подоконник палаты превратился в миниатюрную сцену, и на ней появились две фигуры – Бога и Моисея. Фигуры были похожи на очень живых и волшебных марионеток. Это ее поразило, и она уставилась на чудесное представление.

СЦЕНКА НА ПОДОКОННИКЕ

Моисей падает перед Богом на колени. Бог бережно поднимает Моисея.

Бог

Моисей, в прошлый раз, когда ты захворал, я навестил тебя и одарил сиянием.
Когда же я сам заболел, то ты не пришел.
Почему?

Моисей

Постой, Боже, я не понимаю, о чем ты говоришь! Как ты можешь болеть?
Да и куда я должен был прийти навестить тебя?

Бог

Твой сосед болеет. Ты знаешь об этом?

Моисей

Да, я слышал...

Бог

У него нет денег на лекарства, а ты мог бы ему помочь.

Моисей

Я... Я хотел навестить его, но у меня было много дел...

Бог

Это *ли* единственная причина?

Моисей

Мне стыдно, но... Нет...

Бог

Признайся, что ты на него зол из-за того, что он разбил тебе сердце своим скверным характером и нелюбовью к тебе.

Моисей

Да, это так! Сосед меня обидел.

Бог

Как ты думаешь, знаю *ли* я и *люблю ли* я твоего больного соседа? *Или* он безразличен мне?

Моисей

Ты безграничен и должен знать каждого. Кроме того, Ты есть *любовь*, и никто Тебе не безразличен. Поэтому я верю, что Ты знаешь моего соседа и *любишь* его.

Бог

Как ты думаешь, присутствую *ли* я в твоем соседе, который болеет?

Моисей

Ты присутствуешь в каждом человеке. Поэтому ты есть и в моем соседе.

Бог

На какую мысль наводит тебя это размышление?

Моисей

Внезапно озаряется.

Ты мой сосед! Если я оказываю ему услугу, то помогаю Тебе. Если ему плохо, то плохо Тебе... И если я не проявил заботу о нем, тем самым я проявил безразличие и не позаботился о Тебе...

Моисей падает на колени перед Богом.

Не отрывая глаз от волшебного представления, упавшая звезда сказала:

– Приблизившись к тебе, мальчик, я приблизилась к Богу, и это меня лечит!

Мальчик улыбался, и они не обращали внимания на то, что в это время в палате уже стояли врач, и медсестра, и Любовь, и группа студентов-практикантов. Они не знали, чему удивляться больше – невероятному выздоровлению еще вчера умирающих больных или голографическому видео на подоконнике?

8. СМЕРТЬ И ПРОБУЖДЕНИЕ

В день, в который ты вкусишь от него,

смертью умрешь.

Душа Адама рвалась к жизни и Еве, но обездвиженное тело не подчинялось – он даже шеей не мог вертеть самостоятельно, за него это делала медсестра Анна. С утра она поворачивала ему голову к окну, а вечером – к тумбочке. Так он был вынужден днем разглядывать верхушку дерева, а ночью изучать шприцы, таблетки и упаковку ваты или бинта...

Тумбочка сводила с ума, но спас Энграф.

В один день он убрал с тумбочки все и поставил любимую Ангелиной икону Георгия Победоносца. После этого Адам стал изучать икону с вечера до утра.

В первую ночь благородный образ оживил в нем воспоминания о том, как в детстве он восхищался отвагой Победоносца. Мама ему рассказывала о том, как император Диоклетиан терзал святого Георгия за то, что он поклонялся Христу и не хотел

поклоняться Аполлону. Ангелы исцелили его от всех ран, и он сразился с огромным змеем ради спасения девушки.

Потом он вспомнил, как разозлился на Георгия за то, что он, по мнению Адама, не помог маме выздороветь, но затем помирился и упрашивал передавать маме сообщения.

К утру ему почему-то казалось, что икона пришла спасать его.

Следующей ночью Адам посмотрел на икону новым взглядом.

Все было, как бы естественно – Георгий Победоносец в кольчужных доспехах римского легионера, на красивом белом коне, со святым нимбом вокруг кудрявой головы и с твердым выражением духа на лице, смотрел куда-то вдаль, за грань самой иконы. В правой руке он держал тонкое, как тростинка, копье. Крепкий конь ухожен, как хозяин – грива аккуратно причесана, а хвост заплетен в косу. Правыми ногами конь давил рогатого дракона, а обе левые ноги были у него приподняты. У Адама создалось впечатление, будто конь наступил на змея-дракона, через него возвысился, как по лестнице, и теперь ступает в другом пространстве.

Но было удивительно вот что – несмотря на вес коня змей не был раздавлен. Также он почему-то не умер после того, как Георгий проколол ему горло. Вместо этого змей был больше похож на приручённую собачонку, которую спасённая, нежная девушка в длинном платье беззаботно выгуливала, привязав к шее чудовища белую ленточку. Дракон подчинялся ей, и монстром его назвать было нельзя! Он, может, и был таковым раньше, но теперь превратился в послушную моську.

Внезапно у Адама случилось озарение!

Он воскликнул внутри себя:

«Георгий Победоносец – это рыцарь, о котором рассказывал Сказочник! Точно! Он искал Небесную Любовь и открыл ее в себе, но только после того, как усмирил свою земную сущность – змея! Вот об этом и рассказывает икона! Хрупкая девушка и есть Небесная Любовь!»

От этой мысли Адаму стало легко и захотелось вскочить, но тело по-прежнему не подчинялось. Настало утро. Медсестра повернула Адама к окну, и он с нетерпением прождал весь день, чтобы его опять обратили к иконе.

Наконец настал вечер, икона по-прежнему была перед ним, и Адам убедился, что на ней пе-

редана вовсе не сцена сражения. Сцена прогулки с домашним питомцем на грани двух миров, скорее всего, отображала внутренний мир Георгия Победоносца – победителя НАД СОБОЙ!

И тогда Адаму показалось, что икона начала светиться.

Палата залилась ее сиянием, но...

Дальше – удивительнее...

Со стороны окна раздался звук очаровательной музыки, которую невозможно было не узнать!

Звучала кифара Аполлона.

Казалось, что тело Адама забыло о коме, и он обернулся, чтобы увидеть Аполлона, сидящего на подоконнике! Он улыбался лукаво и самозабвенно пропел.

Опять мы встретились, мой друг.
Не говори, что ты не ждал.
Нам надо бы поговорить,
Дела свои позакрывать.
Ты покорил вершины гор,
У Занебесья побывал,
Не стоило туда идти,
Зря не послушался меня.
Теперь наказан ты вполне
И не способен ни на что…

Я твой спаситель! Прилетел
Лишь для того, чтобы помочь!
Я твой бальзам и твой нектар!
Легко умрешь в моих руках.
Моя волшебная стрела
Не больно поразит тебя.
Сплету венец волшебных слов,
Спою я гимн царю богов.
Он призовет тебя наверх...
Пора лететь! Уже готов?
Освобожу тебя я сам
От тяжести земных оков.
Преодолев земной порог,
Прибудешь ты в святой чертог.
К кому лететь, как не к Нему?
Он солнца свет, властитель душ.
К Нему стремиться – вот в чем суть!
Так приготовься в дальний путь!
Горит крыло и крепок дух,
Стихи мои наверх зовут.
Ну, все! Довольно, смелый друг!
Стрелу я метко навожу.
Ты думаешь, что ты не глуп,
И рано землю покидать?
Не хочешь превращаться в труп
И не согласен умирать?

Ты рассмешил меня, Адам!
С рожденья смертный – уже труп.
Ты прах и дай тебя добить!
Позволь тебя освобожу.
Доверься мне, я знаю толк!
Я покажу тебе исток!
Дай отвести тебя в мир грез!
Там, где тебя обнимет Бог –
Он все в Одном! Одно число!
Все только в нем, и Он во всем!
С Ним нет тоски, и Он твой дом!
Он ждет тебя! Скорей, вперед!

Адам забился в страхе, но Аполлон за долю секунды натянул тетиву и со скоростью света пустил стрелу прямо в сердце.

Адам почувствовал, что настал последний миг его земной жизни…

Но...

Стрела резко замедлила свой полет.

Как будто кто-то приказал времени остановить течение, чудом образовалась запруда, в которой время начало накапливаться, и стрела зависла прямо перед носом Адама…

В образовавшейся запруде времени душа Адама закричала:

– Мне нужно время, чтобы научиться любить!

Возможно, это был первый миг, когда небесная любовь Адама проснулась от тысячелетней спячки, и вся комната озарилась ее сиянием!

В тот же миг Адам почувствовал присутствие сильного существа за спиной.

Аполлон с любопытством посмотрел туда же...

И раздался голос Георгия Победоносца:

– Да не умрет никто, в ком пробудилась любовь небесная, ибо в ней голос Всевышнего!

Адам резко обернулся и увидел еще одно чудо – ожившую икону!

Кудрявый рыцарь в величественных доспехах, с длинным, как тростинка, копьем в правой руке, покачивался, сидя на красивом коне, зависнув в легком прыжке между двумя мирами – земным и небесным.

Он сказал:

– Я был человеком, но открыл в себе Любовь Небесную и тогда стал светлым образом. Эта сила есть и в тебе, и в Аполлоне. Одинаково в бессмертных так же, как и в смертных. Вечная Любовь не знает ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения! Она прекрасна сама по себе. Она не в чем-то, не когда-то или где-то, для кого-то… Она пред-

стает не в виде вещи, или речи, или знания. Все остальное возникает и гибнет, а та Вечная Небесная Любовь внутри тебя не становится ни больше, ни меньше, не меняется, не возникает и не исчезает, и, если будешь созерцать ее, пожалуй, ты почти у цели.

Адам хотел что-то спросить у святого, но язык у него не поворачивался.

Однако святой сам предугадал его вопрос и сказал:

– Вечную Любовь закрывает панцирь недоверия, злости, самости и раздражения. Дракон живет в каждом, как чувственный и хитрый змей. Он твои чувства, ощущения, твои земные устремления, похоть, удовольствие, корысть, чревоугодие. Он держит тебя в чувственном плену, и проявляет себя через неспокойный ум. Убить его невозможно. Его надо подчинить волей.

Адам во второй раз захотел спросить что-то, но во второй раз ему не подчинился язык, однако святой предугадал его вопрос и сказал дальше:

– Возможно, тебя вдохновит мой пример. Я совладал с собой, себя очистил, ты можешь так же, двери открыты. Моя битва была не в Ливане, в Англии или Китае. Я бился внутри себя! Направь волю

вовнутрь и обретешь свободу, иначе древний змей сожрет изнутри. Его может остановить лишь воля! Так я на тысячу лет сковал змея внутри себя и положил над ним печать. Ты тоже веру укрепи и силу воли призови. Твое копье – твердость духа. Тогда ты сможешь восходить к прекрасным нравам, к прекрасному учению и познаешь Небесную Любовь! Вот как освободишься ты от плоти, и тебе откроется новая жизнь! Итак, бери в правую руку волю так же, как я держу копье, и действуй так же, как мой конь скачет – целеустремленно вверх и вверх. Так откроешь частичку Бога глубоко в себе. Так будь, как я! Я не бог войны, я не рыцарь битвы против земных врагов, я лишь чистая воля победы светлого в себе. Вот, что тебе нужно!

Адам напряг кулак, чтобы ощутить копье своей воли, и почувствовал прилив сил – в его руке чудом образовалось копье.

Георгий Победоносец воскликнул:

– Да не умрет никто, у кого есть воля – ибо это сила Всевышнего. Да не умрет никто, в ком есть забота – ибо это свет Всевышнего.

Пространство завертелось в водовороте.

Головокружение было таким чудовищным, что Адама выбросило из постели, и он увидел, как тре-

щина пошла по лицу Аполлона.

Рухнул идол, и сломалась его стрела смерти.

А Георгий Победоносец поскакал вверх...

Секунду спустя все закончилось.

Адам ощутил, что лежит на полу и правой рукой крепко сжимает копье своей воли...

Он попробовал пошевелить пальцем правой руки, затем пальцами правой ноги и...

Вскочил!

Тело ему подчинялось...

Переполненный силой Небесной Любви он сначала бросился на колени перед иконой, а затем – в коридор...

Спасать Еву!

9. ЭПИЛОГ

Предводительница Хора

Все, что знали мы от предков
О двуликих, рассказали.
За проявленную дерзость
Их жестоко наказали.
Каждого из них, несчастных,
На две части рассекали…
Аполлон сказал при этом,
Исцелю я их едва ли.

Хор

Полетел на колеснице
Аполлон спасать двуликих.
Беспредел, кошмар и слезы
Он в Энании увидел.
Бедные – все утопали
В собственной горячей крови,
Не было им избавления
И спасения от порчи.
Аполлон стал исцелять их,
Песней славной успокоил,

Кости вправил куда надо,
Утвердил прелестный облик.
Все рубцы зашил надежно,
А телам придал гармонию,
Посмотрел на то, что вышло,
И понравилось все очень!

Предводительница Хора
Аполлон трудился долго,
Исцеляя человека.
А потом призвал Эрота:
«Ну, шутник, включайся в дело.
Помоги развить ремесла,
Проявлять в науках смелость.
За любовь они боролись,
Дай же им себя навечно».
Поспешил Эрот на помощь.
Вместе с ним ларец Пандоры
Появился ниоткуда,
И размножились раздоры.
Так с любовью появилось
Средь людей еще и горе.
И заполнились слезами
Реки до краев и море.

Аристофан

Платон, я волнуюсь, от страха дрожу, дергаюсь, место себе не нахожу.

Платон

Что такое, Аристофан, чем же рассказ мой тебя потряс?

Аристофан

Я слушал тебя, напрягал внимание. Внезапно пришло ко мне понимание. Вот я увидел гнев богов. Йоуранош на две части был рассечен. В тот же миг среди двуликих появилась любовь. Каждая часть устремилась к другой. Теперь каждый половинку искать готов… Вожделение толкает нас срастись в одно. Я понял, что с тех отдаленных пор нам, людям, свойственной стала любовь. Пока мы не целы и разделены, мы не здоровы, мы больны. Но когда мы с кем-то соединимся, новое горе нас съедает. Нашу ли половинку мы нашли? Или приклеились к чужой? От этих мыслей, друг мой Платон, меня ужас охватывает с головы до ног.

Платон

Ты мне свою тревогу доверь.

Аристофан

Гордыня людская процветает теперь. Боги нас, кажется, терпят пока, но вечно выносить нас не захотят. И если мы не усмирим нашу самость, боги решат наказать за наглость. Нас рассекут пополам еще раз… О боже, это какой-то кошмар! Я не хочу, чтобы меня губили! Чтобы тело мое пополам рубили! Помоги мне, о, великий боже! Не хочу я прыгать на одной ножке. Не хочу быть разрезан я вдоль носа, чтобы стать как барельеф надгробный… Нет! Если не будет почтения к богам, они опять рассекут нас пополам…

Аристофан падает на колени и возводит руки к небу.

Умоляю, не режьте нас пополам, не хочу лишь одной рукой махать, одним глазом смотреть, полносом сопеть… Не нашел я еще свою половинку, не хочу же искать

уже четвертинку. Все запуталось у меня в голове. Помоги из лабиринта выбраться мне.

Платон

Любовь – это к бессмертию путь, вот этого жаждет наша суть… Однако уж поздно, настала ночь, вставай, к Агафону вместе пойдем.

Аристофан

Я забыл про голод, забыл про все. Ты думаешь, Бог мою душу спасет? Ты веришь, что он нас всех пощадит, и мне вреда он не причинит?

Платон

Конечно, нет, Аристофан, если себе не навредишь ты сам.

Аристофан

Тогда я лучше останусь без ужина, во мне лишних килограммов дюжина.

Платон обнимает Аристофана, успокаивает. Гаснет свет. Занавес.

10. СПАСЕНИЕ

Большая толпа врачей и студентов собралась в больничных апартаментах фонда «Забота», чтобы своими глазами увидеть целую череду чудес – маленький пациент, который, с точки зрения медицины, должен быть мертв, рассказывает сказки взрослой пациентке, которая также должна быть мертва. И этого мало! Сказка оживала на подоконнике, как миниатюрный голографический видеоролик очень высокого разрешения. Все были притянуты к происходящему какой-то магией и не могли оторваться.

СЦЕНКА НА ПОДОКОННИКЕ

Моисей перед Богом на коленях.

Моисей

Прости меня, Господи! Я поступил ужасно, когда я не позаботился о больном соседе, на которого был зол... Теперь я хочу бежать к нему так же ревностно, как если бы я бежал на встречу к Тебе!

Моисей встает и готов бежать.

Бог

Постой. Еще один вопрос. Проходя вдоль дома своего соседа, ты знал, что он не только болеет, но еще мерзнет и голоден. Вспомни, что ты подумал в тот миг?

Моисей

Мне стыдно, Господи, признаться, но я стал сердиться на Тебя. Сказал: где Ты? Почему не видишь нас? Мы здесь страдаем, болеем, нам холодно и голодно. Зачем ты это позволяешь?

Бог

Да, было именно так. Ты разозлился на меня за то, что я ничего не предпринял... Хочешь получить мой ответ?

Моисей

Да, Господи! Молю!

Бог

Я предпринял – ты родился на свет. Я для того и создавал тебя, чтоб твоими руками страдания уменьшать.

Моисей

Господи, как же сам не догадался?! Конечно! Теперь я спешу к нелюбимому, больному и бедно-

му соседу, как к тебе! Я хочу проведать его, купить ему лекарства и накормить…

Моисей готов бежать.

Бог

Постой. Последний вопрос. Как ты думаешь, что потечет из этого кувшина, который стоит на твоем столе, если кто-то возьмет его и перевернет?

Моисей

В этом кувшине я держу мед. Он же и потечет.

Бог

А что потечет, если разобить этот кувшин?

Моисей

Потечет мед, конечно.

Бог

Так и сердце твое. Если оно наполнено любовью, и если с тобой станут обращаться плохо, с неприязнью, разобьют тебе сердце, что же будет изливаться из твоего сердца?

Моисей

Плачет.

Любовь и только любовь!

Бог

Так вот помни: мне угодно, чтобы каждый миг, как ты помогаешь кому-то, из твоего сердца изливалась только Небесная Любовь! Даже если кто-то его разобьет! Так наполни же сердце Небесной Любовью! Я дал тебе свободу для проявления воли, а отношения – для проявления заботы и восхищения!

Бог исчезает. Моисей плачет. Подоконник гаснет.

Народ, толпившийся в апартаментах, слушал, затаив дыхание.

Никто не двинулся и не сказал ни слова, когда рассказ закончился.

Суетилась только Любовь, представитель фонда «Забота». Она что-то записывала, фотографировала, снимала видео.

Тишина длилась примерно минуту.

Затем все услышали шаги в коридоре, и толпа молча расступилась, пропуская вперед еще одно чудо – Адама в больничном халате.

Он был каким-то совсем иным…

Был похож не на Адама-Человека, а на Адама-Душу.

Он вошел в апартаменты чистый от всех наслоений тела, ума и чувств и впервые увидел Еву-Душу, чистую от всех наслоений тела, ума и чувств.

И они ощутили себя в раю.

Исчезло все, что разъединяло, а осталось только их чистое единство.

Она легко поднялась ему навстречу, и они обнялись без слов.

Еще около минуты они так стояли молча.

Затем встал Сказочник, взял их за руки и сказал:

– Пора!

Никто не посмел их остановить.

Они шли по коридору, и за ними следили удивленные врачи.

Когда они скрылись, все выглянули в окно и смотрели, как исцелившиеся за ночь смертельно больные спешили по парковке центральной лечебницы в сторону причудливой розовой машины.

За ними, прихрамывая, тащился Энграф и кричал:

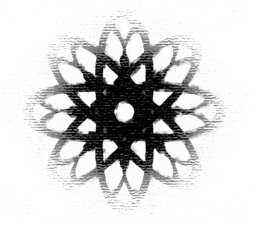
– Наконец я познал счастье!

Больше никто за ними не последовал…

Пока…

А Небесный Сказочник говорил:

– Теперь я расскажу вам сказку о песке морей, о каплях дождя и о днях вечности. Ее придумал Ньютон в яблоневом саду. Планета земля влюблена в солнце, потому и бежит за своей звездой. Солнце тоже неистово влюблено в черную дыру и летит за ней. Никто не знает, в кого влюблена и за кем летит черная дыра, но… Очевидно одно, летают влюбленные.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга тупика – Тишиглушь
1. Стремление вод 9
2. Пролог 15
3. Мужчина и женщина 30
4. Воля возвышения 45
5. Почему ангелы улетают? 62
6. Отец любит его 69
7. Благословение отца 78
8. Мальчик с красивой ракушкой 96

Книга иллюзий – Земной Рай
1. Парод 108
2. Песнь воспета 118
3. Из ребра 124
4. Как огонь 136
5. Вожделение 145
6. Декорация счастья 165
7. Мальчик с красивой ракушкой 179

Книга падения – Блуждание по раздражениям
1. Эписодий первый 195
2. Жаркая ссора 210
3. Видение и слово 219
4. Яблоко 222
5. Беда 236
6. Вина 244
7. Прощение 252
8. Мальчик с красивой ракушкой 261
9. Болезнь 275
10. Смысл 277
11. Число дней человека 288

Книга взлета – Небо и Занебесье

1. Эписодий второй 297
2. Опять яблоко 308
3. Океан теней 316
4. Дорога 323
5. Руины Энании 329
6. Небесные врата 331
7. Феб-Аполлон 342
8. Желание души 356
9. Плоды добрые и худые 364
10. Музыка сфер 368
11. Божественная алхимия 375
12. Эписодий третий 383
13. Мальчик с красивой ракушкой 392
14. Эписодий четвертый 409

Книга возвращения – Служение

1. Эписодий пятый 429
2. Творящий дождь 442
3. Упавшая звезда 447
4. Как дым из трубы 453
5. Все изменимся вдруг 459
6. Спящий 468
7. Бальзам от всех болезней 472
8. Смерть и пробуждение 480
9. Эпилог 490
10. Спасение 495

